

июль – август
4 (120) 2024 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

НАВСТРЕЧУ 95-ЛЕТИЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ	8	КУДРИНА Е. Л.,
МАЗУРИЦКИЙ А. М., ГЛАЗКОВ М. Н.
МОСКОВСКИЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ ИНСТИТУТ
В СИСТЕМЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
КУЛЬТУРА
И СОВРЕМЕННОСТЬ	18	КОЛИН К. К.
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК СИНТЕТИЧЕСКАЯ
НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА ДЛЯ ОТВЕТА НА БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ
	28	МАРКОВ А. П.
БРИКС КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
ЗАПАДНОЙ ГЕГЕМОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕСУРСЫ
СОЛИДАРНОСТИ НАРОДОВ И КУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ
XXII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)
	39	ВОЕВОДИН А. П.
НРАВСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ ПАТРИОТИЗМА
	47	САДОВСКАЯ В. С., РЕМИЗОВ В. А., ЕСАКОВ В. А.
ЭКСТРЕМИЗМ: СУЩНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА
СРЕДИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ
ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	56	ВОЛОБУЕВ В. А., ЕСАКОВ В. А.
ПИФАГОР И ПИФАГОРЕЙСКАЯ ШКОЛА ОБ ОБРАЗОВАНИИ:
КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
	65	СУМИНОВА Т. Н.
КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ИММАНИУЛА
КАНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

- 74 ЧЕРНИКОВ И. А.**
КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА
- 85 МАЗАНЕНКО О. М.**
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ АКТЕРА
В ТЕАТРАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ
- ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**
- 96 КУДРИНА Е. Л., ЮДИНА А. И., СТРЕЛЬЦОВА Е. Ю.**
КРЕАТИВНЫЙ КОНСОРЦИУМ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ИДЕИ К ПРОЕКТУ
- 103 САВЕНКОВА Л. Г.**
ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИИ ОБУЧЕНИЯ
- 112 АЛЕКСЕЕВА Л. Л.,
МИХАЙЛОВА А. А., КОМАНДЫШКО Е. Ф.**
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
- 121 ЖАРКОВ А. Д.**
ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПЕДАГОГИКИ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩИМИ ЗАКОНАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
- 127 ШАРКОВСКАЯ Н. В.,
ЯРОШЕНКО Н. Н., МАЦУКЕВИЧ О. Ю.**
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ
- 135 КОМАНДЫШКО Е. Ф.,
МИХАЙЛОВА А. А., АЛЕКСЕЕВА Л. Л.**
СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ НАРОДНЫХ ПЕВЦОВ
- 143 ЮДИНА А. И., СТРЕЛЬЦОВА Е. Ю.**
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
КАРЬЕРНОГО РОСТА ВЫПУСКНИКА ВУЗА КУЛЬТУРЫ:
ЗАПРОСЫ ПРАКТИКИ И АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ
- 149 КОМАНДЫШКО Е. Ф., АЛЕКСЕЕВА Л. Л., ЮЕ Ч.**
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ОБУЧЕНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ ЭСТРАДНЫХ ВОКАЛИСТОВ КИТАЯ
В РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

- БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ**
- 157 ГЕНДИНА Н. И., КОСОЛАПОВА Е. В., КУДРИНА Е. Л.**
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЦИФРОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЕДИНОМ
ЭЛЕКТРОННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
- 172 МАЗУРИЦКИЙ А. М.**
ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ БИБЛИОТЕЧНЫХ
ФОНДОВ ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- 183 ГЛАЗКОВ М. Н.**
ПОДГОТОВКА БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ
В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ПОСТСОВЕТСКОГО
ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1985-1999)
- 191 ЦВЕТКОВА В. А.**
АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ
БИБЛИОТЕЧНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ СТРУКТУР
- 196 СЛАДКОВА О. Б., ПАНЮКОВА Ю. Г.**
БИБЛИОТЕКА В РЯДУ АДАПТАЦИОННЫХ
РЕСУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
- 205 ЛОПАТИНА Н. В., ДИНЕР Е. В.,
МОСУНОВА Л. А., СЛАДКОВА О. Б.**
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
- 213 ДИНЕР Е. В., ЦВЕТКОВА В. А.**
ТИПОЛОГИЯ КНИГИ И ДЕФИНИЦИЯ ПОНЯТИЯ
«КНИГА»: СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА И НАПРАВЛЕНИЯ
РЕШЕНИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)
- 222 МОСУНОВА Л. А.**
СОВРЕМЕННАЯ ПОДРОСТКОВАЯ КНИГА
В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ПОКОЛЕНИЯ Z

July – August
4 (120) 2024
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- TOWARDS THE 95th ANNIVERSARY OF THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE** 8 **KUDRINA E. L., MAZURITSKY A. M., GLAZKOV M. N.**
MOSCOW LIBRARY INSTITUTE IN THE RUSSIAN LIBRARY EDUCATION SYSTEM
- CULTURE AND MODERNITY** 18 **KOLIN K. K.**
INFORMATION CULTUROLOGY STUDIES AS A SYNTHETIC SCIENTIFIC DISCIPLINE FOR RESPONDING TO BIG CHALLENGES
- 28 **MARKOV A. P.**
BRICS AS A CIVILIZATIONAL ALTERNATIVE TO WESTERN HEGEMONY: PROBLEMS AND RESOURCES OF SOLIDARITY OF PEOPLES AND CULTURES (BASED ON MATERIALS OF THE XXII INTERNATIONAL LIKHACHEV SCIENTIFIC READINGS)
- 39 **VOEVODIN A. P.**
MORAL MEANINGS OF PATRIOTISM
- 47 **SADOVSKAYA V. S., REMIZOV V. A., ESAKOV V. A.**
EXTREMISM: ESSENCE AND PREVENTION AMONG RUSSIAN YOUTH
- THEORY AND HISTORY OF CULTURE** 56 **VOLOBUEV V. A., ESAKOV V. A.**
PYTHAGORAS AND THE PYTHAGOREAN SCHOOL OF EDUCATION: A CULTURAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS
- 65 **SUMINOVA T. N.**
CULTURAL AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF IMMANUEL KANT IN THE CONTEXT OF MODERNITY

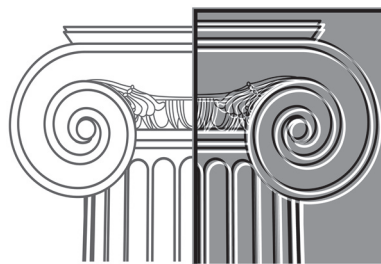

	74	CHERNIKOV I. A. EVERYDAY CONSCIOUSNESS AND CULTURAL INDUSTRIES: THE PROBLEM OF INTERACTION
	85	MAZANENKO O. M. PHENOMENOLOGY OF THE ACTOR'S PHYSICALITY IN THEATRICAL CREATIVITY
PEDAGOGY AND EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE	96	KUDRINA E. L., YUDINA A. I., STRELTSOVA E. YU. CREATIVE CONSORTIUM OF CULTURAL UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF VOCATIONAL EDUCATION: FROM IDEA TO PROJECT
	103	SAVENKOVA L. G. ART IN MODERN SCHOOL: GENERAL AND SPECIFIC IN THE HISTORY OF EDUCATION
	112	ALEKSEEVA L. L., MIKHAILOVA A. A., KOMANDYSHKO E. F. ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MUSIC EDUCATION
	121	ZHARKOV A. D. DETERMINISM OF THE PEDAGOGY OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY BY THE GENERAL LAWS OF PEDAGOGICAL SCIENCE
	127	SHARKOVSKAYA N. V., YAROSHENKO N. N., MATSUKEVICH O. YU. THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CULTURAL INSTITUTIONS
	135	KOMANDYSHKO E. F., MIKHAILOVA A. A., ALEKSEEVA L. L. MODERN PEDAGOGICAL MODELS OF TRAINING AND EDUCATION OF FUTURE FOLK SINGERS
	143	YUDINA A. I., STRELTSOVA E. YU. PEDAGOGICAL SUPPORT FOR CAREER GROWTH OF A CULTURAL UNIVERSITY GRADUATE: PRACTICAL NEEDS AND CURRENT EXPERIENCE
	149	KOMANDYSHKO E. F., ALEKSEEVA L. L., YUE CH. SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF TRAINING AND EDUCATION OF VARIETY SINGERS OF CHINA IN RUSSIAN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

**LIBRARY SCIENCE,
BIBLIOGRAPHY AND
BOOK STUDIES**

- 157 GENDINA N. I. KOSOLAPOVA E. V., KUDRINA E. L.**
INFORMATION CULTURE OF THE DIGITAL
GENERATION IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES
OF LIBRARIES AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS
IN A SINGLE ELECTRONIC INFORMATION SPACE
- 172 MAZURITSKY A. M.**
HISTORY OF THE GERMAN LIBRARY COLLECTIONS
MOVED TO THE TERRITORY OF THE USSR
AFTER THE END OF WORLD WAR II
- 183 GLAZKOV M. N.**
TRAINING OF LIBRARY STAFF DURING «PERESTROIKA»
AND POST-SOVIET DECADE (1985–1999)
- 191 TSVETKOVA V. A.**
CURRENT TASKS OF PERSONNEL TRAINING FOR
LIBRARY AND INFORMATION STRUCTURES
- 196 SLADKOVA O. B., PANYUKOVA YU. G.**
THE LIBRARY AS AN ADAPTIVE RESOURCE
IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT
- 205 LOPATINA N. V., DINER E. V.,
MOSUNOVA L. A., SLADKOVA O. B.**
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
- 213 DINER E. V., TSVETKOVA V. A.**
BOOK TYPOLOGY AND DEFINITION OF THE CONCEPT
«BOOK»: STATE OF THE ISSUE AND DIRECTION
OF SOLUTION (DISCUSSION CONTINUED)
- 222 MOSUNOVA L. A.**
A MODERN TEENAGE BOOK IN THE READING
CIRCLE OF GENERATION Z

НАВСТРЕЧУ
95-ЛЕТИЮ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
КУЛЬТУРЫ

МОСКОВСКИЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

УДК 02

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-8-16>

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: rektor@mgik.org

А. М. Мазурицкий

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: mazuram@yandex.ru

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: mguci@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена 95-летию со дня образования Московского государственного института культуры. В публикации отражены вопросы, связанные с процессом зарождения библио-

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Московского государственного института культуры
МАЗУРИЦКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – доктор педагогических наук, доцент, декан библиотечно-информационного факультета, Московский государственный институт культуры; профессор кафедры информационно-аналитической деятельности, Московский государственный лингвистический университет

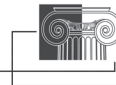
ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, академик Международной академии информатизации, почетный работник сферы образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Culture of Russian Federation, Rector of the Moscow State Institute of Culture

MAZURITSKY ALEXANDER MIKHAILOVICH – DSc in Pedagogy, Associate Professor, Dean of the Library and Information Faculty, Moscow State Institute of Culture; Professor at the Department of Information and Analytical Activities, Moscow State Linguistic University

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Academician of International Informatization Academy, Honorary Worker of Education of Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Кудрина Е. Л., Мазурицкий А. М., Глазков М. Н., 2024

точного образования в России. Показан вклад Л. Б. Хавкиной в организацию первых библиотечных курсов при университете им. Шанявского. Обозначен вклад Н. К. Крупской в формирование системы подготовки библиотечных кадров и её роль в организации Московского библиотечного института. В статье рассмотрены проблемы, связанные с созданием материально-технической базы вуза, формированием учебных программ. Отражена роль первого директора вуза Г. К. Дерман в становлении нового учебного заведения. Подводятся итоги деятельности Московского библиотечного института в пятилетний и десятилетний юбилей вуза.

Ключевые слова: Общество библиотековедения, библиотечное образование, университет имени А. Л. Шанявского, Московский библиотечный институт, Н. К. Крупская, Г. К. Дерман, учебные планы, учебный процесс.

Для цитирования: Кудрина Е. Л., Мазурицкий А. М., Глазков М. Н. Московский библиотечный институт в системе библиотечного образования России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 8–16. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-8-16>

MOSCOW LIBRARY INSTITUTE IN THE RUSSIAN LIBRARY EDUCATION SYSTEM

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: rektor@mgik.org

Alexander M. Mazuritsky

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: mazuram@yandex.ru

Mikhail N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: mguci@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the 95th anniversary of the founding of the Moscow State Institute of Culture. The publication reflects issues related to the process of the emergence of library education in Russia. L.B. Khavkina's contribution to the organization of the first library courses at the University is shown. Shanyavsky. The contribution of N.K. Krupskaya to the formation of the library staff training system and its role in the organization of the Moscow Library Institute is outlined. The article discusses the problems associated with the creation of the material and technical base of the university, the formation of educational programs. The role of the first director of the university, G.K. Derman, in the formation of a new educational institution is reflected. The results of the activities of the Moscow Library Institute in the five-year and ten-year anniversaries of the university are summarized.

Keywords: Society of Library Science, library education, A.L. Shanyavsky University, Moscow Library Institute, N.K. Krupskaya, G.K. Derman, curricula, educational process.

For citation: Kudrina E. L., Mazuritsky A. M., Glazkov M. N. Moscow Library Institute in the Russian Library Education system. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 8–16. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-8-16>

В 2025 году исполняется 95 лет со дня основания Московского государственного института культуры, одного из первых учебных заведений СССР, реализующих программу высшего библиотечного образования.

В дореволюционной России не уделялось должного внимания проблемам подготовки библиотекарей со стороны властных структур. Правительство не придавало этому вопросу никакого значения и не принимало должных мер к открытию специальных учебных заведений для подготовки специалистов библиотечного дела. Вопрос о необходимости организации профессиональной подготовки библиотекарей остро встал в начале XX века. Это было связано с развитием общественной инициативы в открытии библиотек, с увеличением числа читален, общественных публичных и народных библиотек.

В 1908 году в Санкт-Петербурге было создано Общество библиотекосведения. Данная организация ставила перед собой широкий круг задач, связанных с развитием библиотечного дела в России. Среди них большая роль отводилась повышению квалификации библиотекарей. По инициативе общества в Санкт-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 года прошёл первый Всероссийский съезд по библиотечному делу. Среди многообразия вопросов, которые обсуждались на съезде, особое место занимали вопросы подготовки специалистов библиотечного дела [3].

На съезде была принята резолюция: «Признавая, что развитие библиотечного дела требует наличия специально подготовленного персонала, Съезд находит крайне желательным, чтобы губернские земства и городские общественные самоуправления взяли на себя устройство краткосрочных курсов для заведующих библиотеками, а также считает необходимым, чтобы в программу учительских институтов, учительских семинарий и педагогических постоянных и летних курсов был введен особый предмет “Библиотекосведение”» [11, с. 453].

Одним из наиболее активных инициаторов создания системы подготовки библиотеч-

ных кадров была Любовь Борисовна Хавкина. Она обосновала необходимость объединения солидной общеобразовательной подготовки и основательных знаний в области библиотекосведения, библиографии и книговедения при обучении библиотечных работников. Почти одновременно встал вопрос об организации кафедр библиотекосведения при высших учебных заведениях, готовящих работников для научных и специальных библиотек. С 1907 года в России некоторое время существовала кафедра библиотекосведения при Московском археологическом институте; в Петербургском университете для желающих читался курс библиотекосведения.

В 1907 году, выступая с докладом «О профессиональной подготовке библиотекарей» на III Всероссийском съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию, проходившем в Санкт-Петербурге 4 января 1904 года, Любовь Борисовна впервые публично обозначила необходимость организовать систему подготовки специалистов библиотечного дела.

Безусловно, что Первый Всероссийский библиотечный съезд активизировал интерес профессионального библиотечного сообщества к этой проблеме. Л. Б. Хавкина предложила создать в России краткосрочные библиотечные курсы как начальное звено профессиональной подготовки библиотекарей [2].

Её первый опыт в области подготовки библиотечных кадров был предпринят в 1913 году в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского, в котором по её инициативе были организованы курсы подготовки библиотекарей. Поначалу курсы носили краткосрочный трёхнедельный характер. На них действовало два отделения: научно-популярное, то есть общеобразовательное, и академическое для вузовских библиотек. Окончание первого отделения было достаточным условием для поступления на второе.

Члены правления университета охотно пошли навстречу Хавкиной и приняли её предложение по организации курсов.

Но оставалась проблема финансирования, которая в дореволюционной России могла быть решена только добровольными пожертвованиями. Помог известный меценат Н. А. Шахов. Он согласился выделять на содержание курсов по две тысячи рублей в год. Библиотечные общества, библиотеки, типографии взяли на себя обеспечение слушателей литературой, наглядными и другими пособиями. Насколько своевременной оказалась организация библиотечных курсов, можно судить по огромному количеству желающих получить знания в области библиотечного дела. Курсы предназначались для обучения библиотекарей общественных, народных, детских и школьных библиотек. Только в 1913–1916 г. г. их окончило по полному циклу около 960 человек и по отдельным курсам – более 70.

На курсах преобладали жители Москвы – 58,4% и пригородов – 3,1%; большую группу составляли лица, приехавшие из 87 городов и сёл, расположенных в 40 губерниях, – 38,5%. Таким образом, представители почти всей России обучались на первых библиотечных курсах. Программа была рассчитана на 72 часа (три недели обучения) и включала 19 учебных дисциплин (объёмом 2–10 учебных часов). Количество часов распределялось следующим образом: библиотечные дисциплины – 39 часов, библиографические – 15 часов, детская литература и работа детских библиотек – 14 часов, книговедение – 4 часа [4].

Коренные преобразования в области библиотечных кадров произошли только после Октябрьской революции, когда стала формироваться советская система библиотечного обслуживания населения. У истоков её формирования стояла Надежда Константиновна Крупская. В созданном Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) она возглавила отдел Внешкольного образования. В молодой России остро ощущался недостаток кадров, способных по-новому организовать работу библиотек, связать её с задачами построения социалистического общества. Была также поставлена задача перевоспитания и переподготовки старых специалистов.

Предстояло создать государственную систему библиотечного образования, отсутствовавшую в старой России.

В феврале 2024 года исполнилось 155 лет со дня рождения Н. К. Крупской. В связи с этим хотелось бы отметить её вклад в развитие отечественного библиотечного образования и в становление Московского государственного библиотечного института. Придавая огромное значение подготовке советских специалистов библиотечного дела, Н. К. Крупская подчёркивала, что библиотекарь не может ограничиваться только узкоспециальными знаниями, он должен обладать общественно-политическим кругозором, уметь работать с массой. Библиотекарь, как и любой другой культпросветработник, писала она, должен быть пропагандистом, ему «надо знать не только американскую систему, но уметь читателю дать разъяснения верные, целесообразные. Ему нужно быть сознательным марксистом, хорошим революционером. Тогда он принесёт не вред, а пользу» [10].

Надежда Константиновна Крупская выступила инициатором организации первого советского библиотечного учебного заведения – библиотечной семинарии, основанной в конце 1918 года и просуществовавшей до 1920 года. В 1918 году она пишет статью «Библиотечная семинария», в которой указывает: «Лихорадочное развитие библиотечного дела требует кадров подготовленных библиотекарей, хорошо знающих книгу, хорошо знающих потребности читателя, знающих его психологию, умеющих подойти к нему. Кроме того, и библиотекарям теперешних библиотек, привыкшим работать при других условиях, необходимо обновить свои знания, подучиться, а многим и переучиться. Необходимо создать такой центр, который занялся бы подготовкой библиотечного персонала и в то же время являлся бы местом, куда библиотекари могли бы обращаться с разными запросами, требованиями и пр. Таким библиотечным центром должна стать библиотечная семинария при Народном Комиссариате по просвещению» [6, с. 117].

Занятия в библиотечной семинарии были начаты с января 1919 года. Предпочтение при зачислении в учебные группы отдавалось лицам, командированным партийными, советскими, профсоюзными и другими пролетарскими организациями. Программа семинарии была рассчитана на два года теоретического и практического обучения и предусматривала большую самостоятельную работу слушателей. Параллельно с изучением специальных дисциплин её слушатели посещали пролетарский университет, обеспечивший подготовку в области общественных наук. К преподаванию в семинарии привлекались видные библиотечные работники – О. И. Чачина, А. А., Покровский и др. Отдельные лекции слушателям были прочитаны самой Крупской. Особенностью семинарии явился выпуск идейно подготовленных библиотекарей из пролетарской и крестьянской среды. Тогда же Надежда Константиновна, по существу, сформулировала основные требования к подготовке новых высококвалифицированных библиотечных кадров: марксистско-ленинская подготовка, изучение общеобразовательных дисциплин, включающее и практическое обучение. Она писала в своей статье: «Итак, характерным для этой библиотечной семинарии является:

- 1) большая самостоятельность в работе слушателей;
- 2) обязательность прохождения курса пролетарского университета;
- 3) практические занятия по составлению каталогов в связи с курсом пролетарского университета;
- 4) практические занятия на местах, отчетность в них;
- 5) превращение курсов в своего рода лабораторию, центр библиотечной жизни» [6, с. 119].

В декабре 1918 года в Петрограде открывается Институт внешкольного образования. В его составе имелась книжно-библиотечная группа (с 1919 года – книжный библиотечный факультет), готовящая заведующих библиотеками, организаторов и инструкторов библиотечного дела. Надежда Константиновна

понимала, что учебных заведений, готовящих библиотечные кадры, было недостаточно, поэтому повсеместно организовывались курсы, преимущественно краткосрочные, двух – четырехнедельные. Значительная часть курсов обучала только технике библиотечного дела и библиографии. Профессиональный уровень обучения был невысок. Полностью планы библиотечного образования осуществить в то время не удалось. Благодаря Надежде Константиновне институты внешкольного образования открылись в Иваново-Вознесенске, Костроме и некоторых других городах. Следует сказать о том, что на первых порах подготовка библиотечных специалистов не получила широкого размаха. Приём на обучение был невелик и не решал острой потребности в квалифицированных библиотечных кадрах. В программах и в преподавании имелось много серьёзных недостатков и пробелов, не было необходимой литературы. Хотя в учебных планах институтов предусматривалось чтение общественных наук, для преподавания им не хватало квалифицированных педагогов. В общем, становление библиотечного образования, подготовка библиотечных кадров были сопряжены с трудностями, типичными для многих учебных заведений первых лет советской власти. Таким образом, к началу 30-х годов состояние теории и практики библиотечного дела не отвечало задачам социалистического преобразования страны.

Подводя итоги библиотечного строительства в конце 20-х годов прошлого века в статье «Цеховщину надо бросить!», Н. К. Крупская писала: «Состояние библиотечного дела у нас в РСФСР, не говоря уже о всём Союзе, совершенно не соответствует той громадной роли, которую надлежит сыграть книге в грядущей культурной революции, библиотек у нас до смешного мало, запас книг в них и того меньше, качество книг из рук вон плохо, широкие массы и рабочих и крестьянства не знают как пользоваться книгой, не знают, что такое библиотека» [8].

Уровень библиотековедения и подготовки библиотечных кадров в этот период сильно

отставал от библиотечной практики. Надо было коренным образом менять ситуацию. 30 октября 1929 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы». В нём состояние библиотечного дела в стране было признано неудовлетворительным. Среди важнейших задач по исправлению ситуации упоминалось значение подготовки кадров. В начале 30-х годов были открыты Ярославский, Ленинградский, Ростовский и другие библиотечные техникумы [1].

В этот период со всей остротой встаёт вопрос о создании библиотечного института. Вся энергия Н. К. Крупской была направлена на открытие вуза. В Совнарком поначалу было отказано в создании самостоятельного вуза, предлагалось организовать подготовку специалистов при Педагогическом институте им. Герцена. Известному отечественному библиотековеду Ю. Н. Столярову на основе архивных документов удалось воссоздать все сложности, которые возникли при определении судьбы будущего вуза. Третьего февраля 1930 года Центральная библиотечная комиссия Главполитпросвета и Библиотечная комиссия Главнауки дали поручение подготовить документы в Совнарком об открытии библиотечного института в Москве или Ленинграде с трёхгодичным сроком обучения и отделениями научных, массовых и детских библиотек, а также – двухгодичных библиотечных техникумов в каждой области. Причём Ю. Н. Столяров делает акцент на том, что будущий ректор вуза Г. К. Дерман не была сторонником идеи открытия самостоятельного учебного заведения по подготовке библиотекарей. Она настаивала на открытии библиотечного факультета при Академии коммунистического воспитания, однако это предложение поддержки не получило. На наш взгляд, это было, скорее всего, связано с тем, что она прекрасно понимала, с какими сложностями столкнётся новое учебное заведение с самого начала своей деятельности.

30-го июня 1930 года Наркомпрос принял решение организовать Библиотечный институт в Москве. Был утверждён план приёма 80 сту-

дентов из числа слушателей Института библиотековедения. Постановлением СНК РСФСР от 10 июля 1930 года Московский библиотечный институт был включён в сеть учреждений, состоящих в ведении Наркомпроса РСФСР [10].

Вуз был открыт на базе Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Ставилась задача оперативно, в течение двух месяцев, провести работу по приёму студентов, разработке учебного плана и по набору педагогов. Пришлось преодолевать значительные трудности организационно-хозяйственного характера. Возникли сложности по нахождению места для канцелярии, для приема заявлений желающих поступить в МБИ, разысканию нужного оборудования, обеспечения студентов общежитием, стипендиями и так далее. Для дневных занятий вуза были отведены три аудитории в небольшом здании, занимаемом институтом библиотековедения (вечером эти аудитории заняты вечерними курсами). Отсутствия помещений для учебных кабинетов и лабораторий также негативно сказывалось на организации учебного процесса. На первых порах Московскому библиотечному институту приходилось пользоваться библиотекой Института библиотековедения, которая помещалась в небольшой комнате. Только в начале 1931 года у института появилась своя пишущая машинка.

Исключительно тяжелы были бытовые условия студентов в общежитиях. Постройка студенческого городка, в котором должны были размещаться студенты МБИ, не была закончена, студентам пришлось жить до февраля 1931 года в казармах, в которых комнаты для студентов не располагали соответствующей обстановкой.

В соответствии с этими требованиями к подготовке библиотекаря учебный план был представлен следующими циклами занятий:

1. общественно-политический;
2. производственно-политический;
3. педагогический и специально-библиотечный;
4. военных и физкультурных занятий;
5. иностранных языков [9].

Первым директором МБИ стала одна из сподвижников библиотечного дела Генриетта Карловна Дерман, человек высокой культуры, изучавшая библиотечную работу на библиотечном отделении в Бостоне (США, 1917 год). Она имела опыт руководства Славянским отделом Библиотеки Конгресса (США), библиотекой Коммунистической академии, была председателем Библиотечной комиссии ГУС Наркомпроса и занимала другие руководящие должности. С присущей ей энергией она принялась за организаторскую, преподавательскую и научную работу в МБИ. По американскому образцу она решила сочетать учебную и научно-исследовательскую работу, высшее и среднее специальное образование. В институте она организовала заочный библиотечный техникум, а для подготовки абитуриентов – рабфак.

Всё было не так просто. Под каким прессом ей приходилось создавать программы библиотечного образования, видно из отзыва Крупской на учебные программы: «Товарищ Дерман, по-моему, и в вузе необходимо уделять место таким вещам, как диалектический материализм (основа мировоззрения), империализм на теперешней его стадии, вопросам интернационализма, вопросам Советской Конституции, истории Советской власти. Первая часть программы – общеполитическая часть – из боевой превратилась в мирно-культурническую. Мне кажется, в настоящем её виде программа малолесосообразная» [7, с. 305–306].

Занятия в МБИ начались 1 октября 1930 года. Вначале было набрано 53 студента, а в весенний набор принято всего 5, поэтому впоследствии от двухразового набора в течение одного года пришлось отказаться.

Чтобы покрыть дефицит студенческого контингента, в 1931 году высшие библиотечные курсы были превращены в вечерний факультет МБИ. Все их слушатели одновременно стали студентами-вечерниками. В следующем, 1932 году, в МБИ создан рабочий факультет. Первоначально в институте создаются кафедры библиотековедения во главе с зав. кафедрой Г. К. Дерман, библиографии с зав. кафедрой, выпускником Сорбонского

университета, Л. Н. Троповским, библиотечной работы с детьми – зав. кафедрой А. П. Бабушкиной, главным редактором журналов «Детская литература» и «Мурзилка».

В 1935 году состоялось первое юбилейное торжество в Московском библиотечном институте. Оно было посвящено 5-й годовщине со дня его создания в структуре Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Ключевым событием стал приказ Наркомпроса РСФСР «О пятой годовщине Московского библиотечного института», подготовленный и подписанный замнаркома по просвещению Н. К. Крупской 30 июня 1935 года.

В нём говорится, что за время своего существования Московский библиотечный институт подготовил библиотечных работников с высшим образованием: создан коллектив преподавателей, воспитавших первых профессионалов библиотечного дела, изданы первые учебно-методические материалы для подготовки и переподготовки библиотечных кадров в стране, созданы научные основы библиотечного дела и библиографии. Подчеркнуто, что перед библиотечным вузом стоят более сложные задачи, чем в прошлом, связанные с реализацией постановления ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» от 27.03.1934 г. По мнению Н. К. Крупской, значение библиотечного вуза уже вышло за пределы обычной подготовки людей с высшим образованием. От имени Наркомпроса РСФСР Н. К. Крупская поздравила руководителей, преподавателей, сотрудников и студентов вуза с первыми успехами. За проделанную работу была объявлена благодарность шести руководителям МБИ, в том числе и директору Г. К. Дерман [5].

Помещение, выделенное для вуза, явно не отвечало задачам его развития. Было решено начать строительство здания в Подмоскovie. В 1936 году вуз переехал в новое здание в Химках, на левом берегу канала имени Москвы. В здании находились учебные аудитории, общежитие, и столовая. В 1938 году вуз получил статус государственного и вплоть до 1957 года носил имя советского деятеля В. М. Молотова. Благодаря Н. К. Крупской на левом берегу

Химок в 1938 году появилась платформа «Левобережная». Это сделало учебное заведение более доступным для студентов и педагогов [5].

Уже в первое десятилетие существования института было подготовлено более 1000 квалифицированных библиотечных работников. Без их самоотверженного труда и преданности любимому делу был бы невозможен духовный подъём народа. Имена преподавателей МГБИ – Б. С. Боднарского, Ф. И. Каратыгина, А. Д. Эйхенгольца, Н. В. Здобнова, Е. И. Шамурина, Л. Н. Троповского, Ю. В. Григорьева, Л. Б. Хавкиной, Л. А. Левина составляют гордость отечественной библиотечной науки.

К своему десятилетнему юбилею дирекция и общественные организации института начали готовиться с осени 1938 года. Особое внимание в эти годы уделялось повышению академической успеваемости студентов и улучшению учебной и трудовой дисциплины в коллективе, развитию научного потенциала вуза. Институт подошел к юбилею с хорошими достижениями. Постановлением СНК СССР от 11 мая 1938 года Библиотечный институт был причислен к первой категории и получил государственный статус.

Надежда Константиновна по мере сил и возможности старалась уделять внимание вузу с момента его основания и до последнего года своей жизни.

В 1938 году в журнале «Красный библиотекарь» была опубликована её речь «Задачи библиотечного образования», которую она произнесла на совещании со студентами и работниками Московского библиотечного института: «Прежде

всего надо научиться там работать по-настоящему – не только в таком смысле, чтобы все сдать на «отлично». Библиотекарю надо научиться учиться. Иногда, когда пристаешь к студентам, начинаешь спрашивать, как они учатся, от разговора с ними немножко получается такое впечатление, что это птенчики – рот разевают, и в этот рот профессор должен им пищу вкладывать. А чтобы самому учиться, этого часто не умеют. А библиотекарю больше чем кому-нибудь надо уметь самостоятельно разбираться в книгах, уметь понять, как книга может повлиять на того или иного читателя» [6, с. 699–705].

За годы своего существования вуз пережил значительные изменения. На определённом этапе своего развития он превратился в Институт культуры, некоторое время имел статус университета. Менялась структура вуза, образовывались и исчезали факультеты. Можно только сожалеть, что в совсем недавнем прошлом прекратил своё существование и библиотечный факультет. Вместе с тем, отрадно отметить, что с 2022 года начался процесс восстановления библиотечно-информационного факультета. В настоящее время факультет не просто восстановлен, а находится в состоянии развития. Совсем недавно была воссоздана кафедра «Теории и методики библиотечно-информационного обслуживания детей и юношества». Надеемся, что следующий юбилей вуза библиотечно-информационный факультет отметит новыми достижениями, сохраняя и приумножая славу и традиции тех, кто создавал кузницу библиотечных кадров в далёком 1930 году.

Список литературы

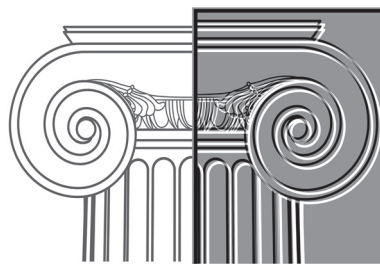
1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. Москва: Книга, 1980. 352 с.
2. *Абрамов К. И.* У истоков библиотечного образования в России. К 80-летию основания первых библиотечных курсов. [Электронный ресурс]. URL: [https://ellib.gpntb.ru/subscribe/ntb/1993/6/Abramov_KI_U_istokov_bibliotechnogo_obrazovaniya_v_Rossii\(okonchanie\).pdf](https://ellib.gpntb.ru/subscribe/ntb/1993/6/Abramov_KI_U_istokov_bibliotechnogo_obrazovaniya_v_Rossii(okonchanie).pdf)
3. *Ванев А. Н.* Первому всероссийскому съезду по библиотечному делу – 100 лет // Вестник Санкт-Петербургский государственный университет культуры. 2010. № 1. С. 88–93.
4. *Иванова Г. А.* Образование библиотекарей как специалистов по работе с детьми: монография. Москва: МГУКИ, 2002. 258 с.

5. *Клапюк В. Т.* Славные даты в истории Московского государственного института культуры. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/mazur/AppData/Local/Temp/MicrosoftEdgeDownloads/b371f05b-18bb-42fd-8584-9198c0ff5943/slavnye-daty-v-istorii->
6. *Крупская Н. К.* О библиотечном деле. Сборник. Москва 1957. 715 с.
7. *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения. В 10 т. Москва: Изд-во Акад. пед. наук, 1957–1963. С. 305–306.
8. *Крупская Н. К.* Цеховщину надо бросить! [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/299482/read?page=51&ysclid=ly1zfmn6x86546301>
9. Московский библиотечный институт. [Электронный ресурс]. URL: <https://libpers.narod.ru/mbi-1.htm>
10. *Столяров Ю. Н.* Столетие библиотечного образования в СНГ и республиках ближнего зарубежья. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2013/12/ntb_12_1_2013.pdf?ysclid=ly20jd3jaw385904392
11. *Фандо Р. А.* Университет А. Л. Шанявского у истоков библиотечного образования в России. // Библиотекосведение. 2018. Т. 67, № 4. С. 453–462.

*

Поступила в редакцию 10.07.2024

КУЛЬТУРА
И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК СИНТЕТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА ДЛЯ ОТВЕТА НА БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ

УДК 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-18-27>

К. К. Колин

Федеральный исследовательский центр
“Информатика и управление” Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: kolinkk@mail.ru

Аннотация. В статье изложены концептуальные основания нового комплексного научного направления в культурологии, которое в последние годы формируется в России и должно стать научно-методологической основой для адекватного ответа на большие вызовы XXI века. Рассмотрена структура его предметной области и показано, что полученные в России результаты исследований позволяют квалифицировать это направление как новую синтетическую научную дисциплину, формирующуюся на стыке информатики, культурологии, антропологии, психологии и эстетики. Развитие информационной культурологии позволит получать более целостные знания о культурологических процессах в условиях становления глобального информационного общества и на этой основе формировать мировоззрение интеллектуальной элиты, которое будет более адекватным новой реальности. Будут созданы новые возможности для понимания роли информационной культуры в системе национальной и глобальной безопасности, а также – для развития интеллектуального потенциала личности и общества.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационная культура, культура безопасности, многоязычие в информационном обществе.

Для цитирования: Колин К. К. Информационная культурология как синтетическая научная дисциплина для ответа на большие вызовы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 18–27. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-18-27>

INFORMATION CULTUROLOGY AS A SYNTHETIC SCIENTIFIC DISCIPLINE TO ANSWER BIG CHALLENGES

КОЛИН КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра “Информатика и управление” Российской академии наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии естественных наук и Международной академии высшей школы

KOLIN KONSTANTIN KONSTANTINOVICH – DSc in Technical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Federal Research Center “Informatics and Control” of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education

© Колин К. К., 2024

Konstantin K. Kolin

Federal Research Center "Informatics and Control"
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: kolinkk@mail.ru

Abstract. The conceptual foundations of a new complex scientific direction in cultural studies, which has been forming in Russia in recent years and should become a scientific and methodological basis for an adequate response to the Big Challenges of the XXI century, are outlined. The structure of its subject area is considered and it is shown that the research results obtained in Russia make it possible to qualify this area as a new synthetic scientific discipline emerging at the junction of Informatics, Culturology, Anthropology, Psychology and Aesthetics. The development of Information Culturology will allow us to gain more holistic knowledge about cultural processes in the context of the formation of a Global Information Society and, on this basis, to form the worldview of the intellectual elite, which will be more adequate to the new reality. New opportunities will be created to understand the role of information culture in the system of National and Global security, as well as to develop the intellectual potential of the individual and society.

Keywords: information security, information culture, security culture, multilingualism in the Information Society.

For citation: Kolin K. K. Information Culturology Studies as a Synthetic Scientific Discipline for Responding to Big Challenges. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 18–27. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-18-27>

История становления информационной культурологии в России

Россия является родиной информационной культурологии как нового направления комплексного изучения феномена культуры с позиций информационного подхода. Необходимость формирования этого направления начала осознаваться еще в середине 90-х годов минувшего века, когда процесс информатизации общества стал принимать глобальный характер [34; 24]. Становилось понятным, что этот процесс представляет собой не просто очередной этап развития научно-технологической революции, а имеет цивилизационный характер [17].

Исследования российских ученых показали, что в результате дальнейшего развития этого процесса следует ожидать перехода мировой цивилизации на новый уровень своего развития – к *информационной цивилизации* [1; 23]. Для этой цивилизации информационная сфера общества является доминирующей, что приводит к радикальным переменам во всех сферах жизнедеятельности, включая сферу культуры.

Понимание этой ситуации и стало основным стимулом для формирования в России информационной культурологии как нового комплексного направления исследований на стыке информатики, культурологии, антропологии, психологии и эстетики.

Автор настоящей статьи является одним из основателей российской научной школы информационной культурологии. Поэтому содержание проводимого ниже анализа базируется, главным образом, на результатах его собственных исследований информационных аспектов феномена культуры [20; 21; 25; 26; 28].

В настоящее время Россия является мировым лидером в области развития информационной культурологии. Наши достижения в этой области хорошо известны специалистам в других странах – Германии, Бельгии, Болгарии, Австрии и Китае. Напомним, что в 1996 году в России состоялся Международный конгресс ЮНЕСКО "Образование и информатика", в котором приняли участие научные делегации из более чем ста стран мира. Один из Круглых столов этого Конгресса был целиком посвящен пробле-

матике формирования информационной культуры общества. Обсуждалась проблема перехода от компьютерной грамотности к информационной культуре общества. Первый доклад сделал известный российский философ А. Д. Урсул, с которым автору настоящей работы довелось более 30 лет сотрудничать в области изучения философии информации и гуманитарных проблем информатизации общества. В этом докладе была представлена философская концепция А. Д. Урсула в области понимания культуры как информационного феномена, а также ее роли в развитии цивилизации.

Рекомендации участников Круглого стола по изучению проблематики формирования новой информационной культуры общества в науке и образовании нашли свое отражение в итоговых материалах Конгресса, которые были изданы на шести языках ЮНЕСКО.

В июле 2000-го года в Японии политическими лидерами стран “Большой семерки”, в числе которых была и Россия, подписана Окинавская Хартия глобального информационного общества, которую некоторые аналитики называют Доктриной глобального информационного развития в XXI веке. Этот документ остается актуальным и в настоящее время, так как он определяет главные цели и направления этого развития на основе эффективного партнерства его участников. После этого внимание ученых, педагогов, общественных и государственных деятелей к проблематике формирования новой информационной культуры общества стало существенным образом возрастать.

Значительный вклад в становление информационной культурологии внес профессор Московского государственного института культуры Ю. С. Зубов, по инициативе которого был проведен цикл научных конференций, посвященных осмыслению феномена информационной культуры. Первая из них – «Информационная культура специалиста: гуманитарные проблемы» – состоялась в 1993 году в Краснодаре – Новороссийске. Впоследствии

Краснодарский государственный университет культуры и искусств продолжил традицию проведения подобных форумов совместно с созданным в 1993 году отделением информационной культуры в рамках Международной академии информатизации. Всего на базе этого вуза было проведено 15 конференций по проблемам информационной культуры и информационной культурологии [33].

В предисловии к сборнику «Методология и организация информационно-культурологических исследований» научными редакторами этой серии Ю. С. Зубовым и В. А. Фокеевым был сделан анализ методологических и организационных основ информационной культурологии [14].

Таким образом, термин “*информационная культурология*” в научной литературе России появился в 1997 году. Он был использован в докладе М. Г. Вохрышевой на международной конференции, посвященной культурологическим проблемам информационного общества [31]. Это направление исследований она рассматривала как процесс формирования науки об информационной культуре [4]. Однако наши дальнейшие исследования показали, что этот подход является слишком узким и в настоящее время проблемную область информационной культурологии следует рассматривать в более широком плане – как научную методологию изучения самого феномена культуры с позиций информационного подхода.

С этих позиций структура предметной области информационной культурологии была впервые определена в работе [22], которая опубликована в 2011 году в журнале “Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств”. В ней были даны определения объекта и предмета исследований этого научного направления и рассмотрено содержание его основных задач на ближайшую перспективу.

Эта работа получила свое развитие в монографии, которая была написана автором настоящей статьи совместно с академиком А. Д. Урсулом и издана на русском языке

в Германии по предложению издательства LAP LANDER [30]. Издательство распространяет эту книгу по цене 79 ЕВРО, поэтому она недостаточно хорошо известна в России. В 2015 году авторы этой монографии подготовили и опубликовали в России ее второе, дополненное, издание. Его текст размещен в РИНЦ в открытом доступе и поэтому хорошо известен отечественным специалистам [31]. Достаточно указать, что на эту книгу сегодня имеется более 200 ссылок и опубликовано несколько рецензий [10; 32].

Отметим также, что в 2011 году автором настоящей работы была опубликована основополагающая статья, в которой были определены предмет и задачи информационной антропологии как нового направления в науке и образовании [18].

Таким образом, 2011 год следует считать началом периода становления российской научной школы исследований в области информационной культурологии и информационной антропологии в современном понимании их содержания.

Направления исследований	Основные задачи исследований
Философские и методологические основы	Информационный феномен культуры. Культура и цивилизация в глобальной эволюции человека и общества. Информационный подход и информационное моделирование в культурологии.
Информационная культура личности	Информационные качества личности. Информационная грамотность, компетентность и культура личности. Лингвистические и когнитивные аспекты проблемы.
Информационная культура общества	Информационные качества общества. Информационная культура государственных, корпоративных и социальных структур.
Электронная культура	Электронные информационные ресурсы культуры: библиотеки, архивы, музеи и выставки, художественные галереи. Электронное правительство и электронное государство.
Сетевые структуры и коммуникации	Сетевые сообщества в сфере культуры. Сетевой туризм. Культурологические аспекты социальных сетей.
Информационные аспекты искусства	Экранная культура и искусство. Законы гармонии в эстетике. Виртуальная и дополненная реальность. Голография и искусственный интеллект в искусстве.
Информационная безопасность	Культурологические аспекты проблемы информационной безопасности. Проблема сохранности информационных ресурсов культуры. Информационное неравенство. Интеллектуальная и когнитивная безопасность. Виртуализация общества.
Информационная этика	Этические проблемы культуры информационного общества.
Информационная культура международной сферы	Проблема многоязычия в глобальном информационном обществе. Когнитивный потенциал русского языка. Новые переводческие технологии в международном сотрудничестве.

Современная структура предметной области информационной культурологии

Структура предметной области информационной культурологии

Современная структура предметной области информационной культурологии представлена выше в табличной форме. В ней показаны основные направления научных исследований, а также их задачи, которые в настоящее время представляются наиболее актуальными.

Содержание приведенных выше направлений и задач научных исследований в области информационной культурологии определено нами с учетом современных тенденций глобальных процессов развития общества, а также – тех новых вызовов и угроз XXI века, которые в последние годы все более значимо проявляют себя в различных сферах жизнедеятельности общества, включая сферу культуры. Наиболее важными среди них являются угрозы в информационной сфере, а также процессы деморализации общества и деградации личности [11].

Гуманитарные вызовы и угрозы в информационной сфере

Исследования показывают, что информатизация общества приносит человечеству не только новые блага и удобства. Она усиливает социальное расслоение общества и приводит к разрушению многих человеческих качеств. Кроме того, она создает новые возможности для противоборства между людьми в сфере культуры с использованием новых информационных технологий воздействия на их сознание и подсознание.

Вызовы и угрозы процесса глобальной информатизации общества стали особенно заметно проявлять себя в последние годы. Аналитики утверждают, что для этого есть несколько основных причин. Перечислим их в порядке актуальности и социальной значимости.

1. Геополитическое, экономическое и цивилизационное противостояние стран Востока и Запада в настоящее время настолько обострилось, что приняло характер *новой Мировой войны*, кото-

рая имеет гибридный характер. Таких войн еще не знала история развития человечества. Ее отличительная особенность состоит в том, что противоборство сторон, участвующих в этой войне, осуществляется одновременно во многих сферах жизнедеятельности общества. При этом результаты противоборства в информационной сфере по своим последствиям сопоставимы с результатами вооруженной борьбы. И сфере культуры здесь придается приоритетное значение [2; 16].

2. Исследования показывают, что сфера культуры является в настоящее время ареной боевых действий в буквальном смысле слова. Базовые ценности традиционных национальных культур, социально значимые знаки и символы, музыкальная культура, мода в одежде и манеры поведения в общества, семейные отношения и даже традиционные представления о добре и зле – все это объекты целенаправленного деструктивного воздействия в этой новой войне, которая многими людьми сегодня еще не осознается как реальность.
3. Структура занятости в информационном обществе претерпевает серьезные изменения. Появляются новые профессии, а другие отходят на задний план. Требования к квалификации работников на рынке труда становятся существенно более высокими и качественно новыми. Все это в полной мере относится и к сфере культуры, в которой информационные аспекты становятся первостепенными. В то же время система подготовки кадров культурологического профиля продолжает работать в старой парадигме и поэтому все меньше соответствует новой реальности. Здесь на первый план выдвигается проблема повышения квалификации педагогического корпуса, что требует повышения его

взаимодействия с академической и отраслевой наукой.

4. Серьезную опасность для будущего мировой цивилизации представляет собой процесс виртуализации общества. В последние годы он принял глобальные масштабы, а средства и технологии виртуальной реальности все более глубоко проникают во многие сферы нашей жизни и становятся атрибутами новой культуры общества. Исследования показали, что эта культура изменяет не только общество, но и самого человека. Уже сегодня молодое поколение жителей нашей планеты ежедневно проводит в сети Интернет 6,5 часов, то есть более трети времени своего бодрствования.
5. Новые опасности гуманитарного характера видят системные аналитики в ближайшем будущем в связи с развитием методов, средств и технологий искусственного интеллекта. Похоже, что на наших глазах начинают сбываться прогнозы футурологов о формировании гибридного общества, в котором, вместо людей, будут существовать киборги и аватары. Такое общество талантливо и ярко описал российский философ и логик Александр Зиновьев в своем романе “Глобальный человек” [12]. Автору настоящей работы довелось быть лично знакомым с этим выдающимся мыслителем. Его монографии занимают целую полку в моей домашней библиотеке, и я часто к ним обращаюсь при проведении своих научных исследований.
6. Однако все же более острая глобальная угроза современной цивилизации связана не с гибридным обществом, которое еще впереди, а с *интеллектуальной деградацией современного общества*. Ее масштабы и значимость для обеспечения глобальной безопасности быстро нарастают. Дело в том, что люди просто перестают адекватно

понимать происходящие вокруг них события, так как не имеют необходимого для этого уровня интеллектуального развития. Здесь уместно привести последний абзац Заключения монографии А. А. Зиновьева “Фактор понимания”. Там сказано: «Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от собственной глупости» [13]. Именно это мы сегодня и наблюдаем.

7. Проблема информационной безопасности приобретает в настоящее время принципиально новое содержание [19]. В ней начинают доминировать не технологические, а, главным образом, гуманитарные аспекты. И это уже начали понимать не только системные аналитики, но и политические лидеры некоторых стран мира. Так, например, по инициативе России, на встрече руководителей стран ШОС в Астане в июле 2024 года по инициативе России был принят План взаимодействия этих стран в области международной информационной безопасности. Можно прогнозировать, что культурологические аспекты проблемы информационной безопасности в дальнейшем будут занимать все большее место в структуре предметной области информационной культурологии.

Выводы и рекомендации

В настоящее время в России начался новый этап социально-экономического и научно-технологического развития страны. Его цели и задачи определены в Послании Президента России В. В. Путина к Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 года, а также в Указе Президента России от 7 мая 2024 года. Кроме того, принята новая Стратегия научно-технологического развития России на перспективу до 2036 года [35]. Она имеет следующие принципиально важные для нашей страны отличительные особенности:

1. Четко определена основная цель научно-технологического развития России в современных геополитических условиях – «обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижение национальных целей развития и реализация стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее эффективного использования интеллектуального потенциала нации» [35, пункт 23]. При этом особо отмечено, что с 2022 года начался этап мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления на Россию и консолидации российского общества для решения задач научно-технологического развития.
2. В числе приоритетных направлений развития России на ближайшее десятилетие указано следующее: «Возможность эффективного ответа России на большие вызовы с учетом возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин, созданных на стыке психологии, социологии, политологии, истории и научных исследований, связанных и этическими аспектами научно-технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений».

Это положение является очень важным для развития отечественной науки. Впервые в ее истории на уровне государственной стратегии поставлена задача создания новых научных дисциплин, которые должны иметь комплексный характер и интегрировать методологию исследований из различных областей научного знания. Информационная культурология, безусловно, является одной из таких дисциплин. Ведь ее предметная область формируется на стыке философии, культурологии, психологии, социологии, эстетики, этики и информатики. Развитие этой

дисциплины должно быть сегодня направлено на обеспечение национальных целей России и реализацию ее стратегических национальных интересов. Поэтому она должна быть обязательно включена в создаваемую в нашей стране систему наращивания и использования интеллектуального потенциала.

С этой целью, в качестве первоочередных мероприятий, представляется целесообразным следующее:

- включить научную дисциплину “Информационная культурология” в Перечень научных дисциплин ВАК, по которым в нашей стране присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, а также присваиваются ученые звания доцента и профессора;
- разработать и осуществить научно-образовательный проект, результатом которого должен стать комплекс научно-методологических материалов для изучения общеобразовательного курса “Информационная культурология” на различных уровнях системы образования;
- провести комплекс научных исследований в области информационной культурологии, обратив особое внимание на новые вызовы и угрозы гуманитарного характера, которые прогнозируются в этой области (их примеры были приведены выше).

Нам представляется, что созданный в России научно-методологический задел в области развития информационной культурологии позволяет осуществить перечисленные выше мероприятия в период 2024–2026 гг. В дальнейшем эти результаты можно распространить также и на страны БРИКС, в рамках научно-образовательного сотрудничества этих стран.

Отметим, что для реализации указанных выше проектов в России уже имеются необходимые организационные структуры. В Московском гуманитарном университете функционирует Центр стратегических гуманитарных исследований, руководителем

которого является автор настоящей статьи. А в Московском государственном институте культуры и искусств есть Центр междисциплинарных исследований. Его возглавляет профессор Гендина Наталья Ивановна. Она является основателем и лидером российской научной школы исследований в области информационной культуры личности. Результаты этой школы известны не только в России, но и за ее пределами, и они практически используются в системе образования [5; 6; 7; 8; 9 и др.]. Оба этих Центра могут стать организаторами и лидерами российских и международных научных исследований в области дальнейшего развития информационной культурологии. А образовательную проблематику этих исследований и разработку комплекса научно-методологических материалов мог бы возглавить Научно-образовательный центр, который в 2024 году создан в структуре Московского государственного института культуры и искусств совместно с Российской академией образования. Однако все эти решения необходимо принимать решительно и быстро, так как, в соответствии с Указом Президента России, новая Стратегия научно-технологического развития страны должна иметь мобилизационный характер.

Для обеспечения жизнедеятельности человека в информационном обществе необходима новая система информационного образования [27]. Россия может и должна стать в этой области мировым лидером. И это будет

содействовать укреплению международного авторитета нашей страны и повышению ее возможностей адекватного ответа на большие вызовы в условиях, когда информационные и культурологические аспекты выходят на первый план и становятся приоритетными.

Гуманитарные аспекты проблемы национальной безопасности России рассмотрены в коллективной монографии, подготовленной специалистами Института проблем информатики РАН и Московского гуманитарного университета [29].

Следует обратить внимание на новую монографию В. В. Иванова и Г. Г. Малинецкого, которая посвящена анализу проблемы выбора стратегии развития России в современных геополитических условиях [15]. Рассмотренные в ней современные гуманитарные и технологические проблемы развития нашей страны имеют самое непосредственное отношение к становлению информационной культурологии как комплексного направления в отечественной науке и образовании. Актуальной задачей науки и образования является изменение современного отношения к роли культуры в стратегии развития общества. Эта роль существенным образом возрастает, и это уже отражено в ряде новых документов стратегического планирования. Однако на уровне общественного сознания такого понимания еще не сложилось, а оно сегодня крайне необходимо для обеспечения национальной безопасности России.

Список литературы

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. Москва: Владос, 1994. 336 с.
2. Барташ А. А. Мировая гибридная война. Москва: Горячая линия-Телеком, 2023. 540 с.
3. Вохрышева М. Г. Информационная культурология // Информационное общество: культурологические аспекты и проблемы: тезисы докладов Международной научной конференции (Краснодар-Новороссийск, 17–19 сентября 1997 г.). Краснодар, 1997. С. 88–90.
4. Вохрышева М. Г. Формирование науки об информационной культуре // Проблемы информационной культуры: сб. статей. Москва: Магнитогорск, 1997. Вып. 6. Методология и организация информационно-культурологических исследований. С. 48–63.
5. Гендина Н. И. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализация // Библиосфера, 2005, № 1. С. 55–62.

6. *Гендина Н. И.* Формирование информационной культуры личности: от теории к модели информационного образования // *Открытое образование*, 2007, № 1. С. 4–10.
7. *Гендина, Н. И.* Информационная культура как феномен информационного общества и область образовательной деятельности // *Культура России, основанная на знаниях: традиции и инновации подготовки кадров в сфере культуры и искусства: монография.* Кемерово: КемГИК, 2019. С. 237–257.
8. *Гендина Н. И.* Информационное образование и информационная культура как факторы безопасности личности в глобальном информационном обществе: возможности образовательных организаций и библиотек: монография. Москва: Литера, 2016. 392 с.
9. *Гендина Н. И., Стародубова Г. А., Скипор И. Л.* Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях. Москва: Школьная библиотека, 2003. 296 с.
10. *Грязнова Е. В.* Информационная культурология как научное направление. 2015. С. 452–458.
11. *Дашкевич В. С.* Великое культурное одичание. Москва: Издательство Russian Chiss House, 2013. 720 с.
12. *Зиновьев А. А.* Глобальный человек. Москва: Алгоритм, 2003. 448 с.
13. *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. Москва: Алгоритм, 2006. 528 с.
14. *Зубов Ю. С.* На пути становления методологических и организационных основ информационной культурологии // *Проблемы информационной культуры: сб. статей / ред. Ю. С. Зубов, В. А. Фокеев.* Москва, 1997. Вып. 6: Методология и организация информационно-культурологических исследований. С. 3–9.
15. *Иванов В. В., Малинецкий Г. Г.* Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. Москва: ЛЕНАНД, 2024. 320 с.
16. *Ильницкий А. М.* Стратегия ментальной безопасности России // *Военная мысль*, 2022, № 4. С. 24–35.
17. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. Москва: ВШЭ, 2000. 606 с.
18. *Колин К. К.* Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 2011, № 17–1. С. 17–32.
19. *Колин К. К.* Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы // *Стратегические приоритеты*, 2020, № 3–4. С. 55–62.
20. *Колин К. К.* Информационная культура в информационном обществе // *Открытое образование*, 2006, № 6. С. 50–57.
21. *Колин К. К.* Информационная культура и качество жизни в информационном обществе // *Открытое образование*, 2010, № 6. С. 84–89.
22. *Колин К. К.* Информационная культурология: структура и содержание предметной области новой научной дисциплины // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, 2011, № 1. С. 7–13.
23. *Колин К. К.* Информационная цивилизация. Москва: Институт проблем информатики РАН, 2001. 112 с.
24. *Колин К. К.* Информационные проблемы социально-экономического развития общества. Москва: Союз, 1995. 72 с.
25. *Колин К. К.* Культура как объект информационной безопасности / *Синергетика, философия, культура: сб. науч. тр.*, 2001. С. 146–167.
26. *Колин К. К.* Неоглобализм и культура: новые угрозы для глобальной безопасности // *Знание. Понимание. Умение*. 2005, № 3. С. 80–87.

27. *Колин К. К.* Образование для информационного общества: проблемы и приоритеты // Информационное общество, 2022, № 5. С. 16–34.
28. *Колин К. К.* Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы // Стратегические приоритеты, 2014, № 3. С. 6–27.
29. *Колин К. К., Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И.* Гуманитарные проблемы национальной безопасности России: Вызовы и приоритеты. Москва: ЛЕНАНД, 2023. 320 с.
30. *Колин К. К., Урсул А. Д.* Информационная культурология: предмет и задачи нового научного направления. Saarbruchen, Germany, 2011.
31. *Колин К. К., Урсул А. Д.* Информация и культура. Введение в информационную культурологию. Москва: Стратегические приоритеты, 2015. 300 с.
32. *Марков В. И.* Информационная культурология: эскиз будущего // Культура и безопасность, 2016. С. 1–8.
33. Проблемы информационной культуры: сб. статей / ред.: Ю. С. Зубов, В. А. Фокеев. Москва, 1996. Вып. 3: Информационное мировоззрение и информационная культура. 199 с.
34. *Ракитов А. И.* Глобальная информатизация и информатизация российского общества // Социальная информатика, Москва: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. С. 12–18.
35. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу до 2036 года. Утверждена Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145.

*

Поступила в редакцию 22.07.2024

БРИКС КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЗАПАДНОЙ ГЕГЕМОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕСУРСЫ СОЛИДАРНОСТИ НАРОДОВ И КУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ XXII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ)

УДК 327.7:130.2:008.2:316.42

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-28-38>

А. П. Марков

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: markov_2@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется проблемно-тематическое поле XXII Международных Лихачевских научных чтений «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций», включая фундаментальный анализ истоков и причин культурных, политических и экономических вызовов эпохи, поиск стратегических условий выживания цивилизации, выработку условий минимизации деструктивных тенденций и проектирование сценариев будущего. На пленарном заседании и в рамках секционных дискуссий предметом обсуждения была миссия и функции организации БРИКС, которая в геополитическом контексте обретает статус платформы многополярного мира и в этом качестве представляет альтернативу глобальному империализму «коллективного Запада» и англосаксонской гегемонии, а в цивилизационной плоскости становится пространством конструктивного сотрудничества и межкультурного диалога. Духовное лидерство и консолидирующая миссия в проекте БРИКС принадлежат России, последовательно утверждающей стратегию сохранения и развития национально-культурной самобытности и цивилизационного разнообразия народов и государств.

Ключевые слова: вызовы и угрозы времени, БРИКС как субъект многополярного мира, цивилизационная солидарность, духовная безопасность, евразийская концепция.

Для цитирования: Марков А. П. БРИКС как цивилизационная альтернатива Западной гегемонии: проблемы и ресурсы солидарности народов и культур (по материалам XXII Международных Лихачевских научных чтений) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 28–38. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-28-38>

BRICS AS A CIVILIZATIONAL ALTERNATIVE TO WESTERN HEGEMONY: PROBLEMS AND RESOURCES OF SOLIDARITY OF

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ – доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

MARKOV ALEXANDER PETROVICH – DSc in Pedagogy, DSc in Cultural Studies, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

© Марков А. П., 2024

PEOPLES AND CULTURES (BASED ON MATERIALS OF THE XXII INTERNATIONAL LIKHACHEV SCIENTIFIC READINGS)

Alexander P. Markov

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: markov_2@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problematic and thematic field of the XXII International Likhachev Scientific Readings “BRICS as a new space for dialogue of cultures and civilizations”, including: a fundamental analysis of the origins and causes of the cultural, political and economic challenges of the era, the search for strategic conditions for the survival of civilization, the development of conditions for minimizing destructive tendencies and designing future scenarios. At the plenary session and within the framework of sectional discussions, the subject of discussion was the mission and functions of the BRICS organization, which in the geopolitical context is acquiring the status of a platform for a multipolar world, and as such represents an alternative to the global imperialism of the “collective West” and Anglo-Saxon hegemony, and in the civilizational plane becomes a space for constructive cooperation and intercultural dialogue. The spiritual leadership and consolidating mission in the BRICS project belong to Russia, which consistently approves the strategy of preserving and developing the national and cultural identity and civilizational diversity of peoples and states.

Keywords: challenges and threats of time; BRICS as a subject of a multipolar world, civilizational solidarity, spiritual safety, Eurasian concept.

For citation: Markov A. P. BRICS as a civilizational alternative to Western hegemony: problems and resources of solidarity of peoples and cultures (based on materials of the XXII International Likhachev Scientific Readings). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 28–38. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-28-38>

Международные Лихачевские чтения: гуманитарная миссия проекта

12–13 апреля 2024 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов прошли 22-е Международные Лихачевские научные чтения – крупнейший ежегодный научный форум гуманитарного знания, который уже третье десятилетие является значительным событием научной и культурной жизни всероссийского масштаба. С момента его институционализации последовательно осуществлялся диалог культур как основополагающий принцип и универсальное условие планетарного выживания и развития. В концептуальном плане содержание Лихачевских чтений все эти годы оставалось в границах сформированной академиком Д. С. Лихачевым методологии понимания национальной культуры как системы надбиологических программ человеческой жизне-

деятельности, духовного генофонда народа и условий обеспечения духовной безопасности общества. Мировоззренческая миссия конференции – позиционирование высокой планки интеллектуальной свободы и моральной ответственности гуманитариев, формирование национального самосознания элиты российского общества, обеспечивающей понимание духовных угроз и фундаментальных вызовов времени, несущей ответственность за выработку сценариев минимизации и разрешения глобальных проблем.

В 2022 году в оргкомитет конференции поступило свыше 160 докладов ученых, государственных и общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции из 30 регионов России и 19 стран мира. В том числе доклады представили: академики В. С. Басюк, О. Ю. Васильева, Н. К. Гарбовский, А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын–

Светланов, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ж. Т. Тощенко, Р. У. Хабриев, Т. Я. Хабриева, В. А. Черешнев и др.; депутаты Государственной думы РФ К. Ф. Затулин, Е. Г. Драпеко, А. К. Исаев; представители МИД РФ М. В. Захарова и А. В. Яковенко и др.

Проблемно-тематический спектр XXII Лихачевских чтений

Архитектоника проблемного поля отражена в тематике пленарного заседания «Диалог культур и цивилизаций в новой формирующейся реальности», в панельной дискуссии «Глобальный Запад и Глобальный Юг: пути развития», в секциях: Проблемы и перспективы формирования новой глобальной платформы культурного сотрудничества (наука, культура, искусство, образование, экономика, право); Ценности нового многополярного мира: всеобщее и особенное; Экономика нового многополярного мира; Правовые основы и проблемы развития нового многополярного мира; Россия в многополярном мире: новые цели и новые возможности; Российское образование на новом рубеже эпох.

Проблемно-тематическое поле докладов пленарного заседания, а также интеллектуальный нерв и духовно-нравственный пафос дискуссий определили несколько направлений: глобальные проблемы и вызовы времени; факторы международной консолидации в контексте цивилизационных вызовов и угроз [7]; причины дестабилизации американоцентричной мировой системы однополярного мира [1]; ресурсы БРИКС как геополитической альтернативы англосаксонскому доминированию [3; 5]; БРИКС как проект формирования геополитического пространства, обеспечивающего глобальное устойчивое развитие на основе диалога и партнерства культур и цивилизаций [6; 21]; экономическая мощь стран БРИКС и перспективы формирования многополярного мира [4]; проблемы и перспективы трансформации мирового хозяйства в условиях перехода к многополярному миру; трудности культурной интеграции стран БРИКС: разновекторность

мировоззренческих платформ и традиций, языковые барьеры и религиозные отличия [11]; межцивилизационная солидарность как основа консолидации мирового большинства [13]; БРИКС и Африка: новые возможности в эпоху трансформации мирового порядка [2]; перспективы верховенства права как ценности и правового фундамента нового мирового развития [8]; образовательное пространство БРИКС: ценностные ориентиры и университетские рейтинги [9]; евразийская цивилизационная идентичность как фактор преодоления национального эгоизма и ресурс солидарности народов и стран СНГ и БРИКС; консолидирующий потенциал ментальности народов Евразийского пространства [18]; Россия и новый многополярный мир: цели и возможности [10; 12; 15; 18]. При всем разнообразии проблемно-тематического поля лейтмотивом Чтений стал фундаментальный анализ истоков и причин культурных, политических и экономических вызовов эпохи, поиск стратегических условий выживания цивилизации и проектирование сценариев будущего.

На секционных заседаниях был осуществлен всесторонний анализ концепции «*Большой Евразии*» как цивилизационной платформы многополярного мира («*мирового сообщества единой судьбы*», Си Цзиньпин); зоны стабильности и мощной единицы нового миропорядка [12], мировоззренческой альтернативы Западнему мироустройству и консолидирующей культурной матрицы народов геополитического проекта БРИКС [18]. Основной вектор проблемно-тематического поля дискуссий, связанных с характеристикой миссии России как консолидирующего духовного центра «*евразийского континента*», – ресурсы лидерства России в формировании цивилизационной идентичности народов и стран БРИКС; национальные интересы в геополитическом доминировании и статус России в геополитическом и культурном пространстве «*Большой Евразии*»; духовный опыт народов России как ценностно-нормативный фундамент и консолидирующий центр евра-

зийского пространства; условия обеспечения духовной безопасности России в условиях экспансии глобальных вызовов времени; проблемы и перспективы развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Содружество БРИКС – конструктивный ответ на глобальные вызовы времени

Смысловую доминанту Лихачевских чтений определили ключевые тенденции и проблемы мирового развития, специфика которых состоит в том, что они не имеют «территориальной прописки», национальности и гражданства, а потому не поддаются минимизации в рамках локальных проектов национального масштаба. Сегодняшний мир вступает в эпоху «эволюционного перелома», равного которому в истории человечества не было (А. А. Зиновьев). Мировая система столкнулась с вызовами, на которые пока нет убедительного ответа. В тревожных оценках перспектив человечества обнаруживаются отзвуки почти «религиозной эсхатологии», фиксирующей стремительный рост проблем и противоречий, предельное обострение противоборства добра и зла: «слишком многое свидетельствует о том, что наш век – канунный» (А. С. Панарин). Ускоренная глобализация, особенно после распада Восточного блока, в мировоззренческой плоскости обрела статус «культурного империализма», утверждающего в качестве эталона западную систему ценностей и образ жизни [5]. Рыночный тоталитаризм и диктатура «финансовой капиталократии» провоцируют процессы «анормальной деструкции» в общественном развитии [7].

«Западный Титаник» приближается к своему финальному «погружению» и в культурном плане: «духовную капитуляцию» либеральной модели мироустройства приближают разломы на метафизическом уровне. «Западная Европа находится в процессе стремительного разложения под ударами Номо Euramericanus», единственная цель которого – стереть европейскую историю и культуру [22]. Теоретически несо-

стоятельной и практически разрушительной для ключевых институтов и структур государства и общества оказалась постмодернистская концепция мироустройства. Неолиберальная «свобода от...», которая позиционировалась как «высшее гуманитарное благо», в реальности стала «проектом моральной деградации мира, свободой американского капитала и корпораций безнаказанно грабить «туземцев». Концепция «прав человека» использовалась в качестве средства обеспечения культурной легитимности антигуманным акциям уничтожения конкурентов, представляющих угрозу гегемонии США. Институт «гражданского общества», финансируемый миллиардерами и транснациональными корпорациями, стал орудием геополитического доминирования [1]. «Все-разлагающий цинизм» идеологии «новой этики» превращает это движение в институт этической деградации и атрофии нравственного инстинкта, в инструмент «морального террора» по отношению к представителям нормативных жизненных стратегий [18]. Сегодня «рушится не только колониализм во всех сферах, но и все наследие Просвещения XVIII века. Рационализм отступает с каждым днем перед лицом эмоциональной политики, перформативно-магической речи, виртуального мира, фобократии, вокизма (= обскурантизм), ЛГБТизма. Мы никогда еще не были так далеки от Разума» [22]. Неолиберализм англосаксонского «гегемона» окончательно утрачивает свой гуманистический пафос, обеспечивая реванш язычества и реабилитацию элементов нацистской идеологии и практики. В расистские координаты вписывается глобальная программа «золотого миллиарда», в основу которой была положена идея превосходства элитной расы «цивилизованных» людей (С. Кара-Мурза). «Все в большей степени ставится под сомнение не только международно-правовая, но и моральная легитимность однополярного мироустройства» [13].

Одним из проявлений и результатов глобального кризиса эпохи стало резкое обострение геополитических противоречий между восходящими цивилизациями и ведущими державами во главе с Китаем и Россией, за-

кладывающими основы интегральной цивилизации – с одной стороны, и, с другой стороны, мировыми державами во главе с США и Евросоюзом, стремящимися сохранить обреченную на уход с исторической сцены индустриальную цивилизацию и установить однополярное мироустройство при гегемонии США [3]. Мировой кризис стал своеобразным «*пассионарным толчком*» (Л. Н. Гумилев), стимулирующим процесс «очередной декомпозиции глобального геополитического пространства» (В. Н. Купин). «После шести десятилетий тотальной американской экономической гегемонии мировой порядок фундаментально изменился на стратегическом и экономическом уровнях. После экономического кризиса 2008 года события ускоряются, и вызов однополярности Соединенных Штатов растет как в политическом, так и в экономическом плане. Растет число недовольных и отвергающих однополярную систему во всех ее измерениях, включая экономические. Растут требования к плюралистической глобальной системе, которая была бы более справедливой, более стабильной и в большей степени учитывала бы интересы всех стран» [4]. В сложившейся ситуации перед морально ответственными гуманитариями и политическими элитами встает проблема проектирования конструктивной модели будущего и выработки стратегии ее реализации.

В геополитическом контексте вызовом международному порядку «коллективного Запада» и англосаксонской гегемонии становится организация БРИКС, обретающая статус цивилизационной платформы многополярного мира. В качестве института международного сотрудничества и справедливого консенсуса самобытных стран-цивилизаций, имеющих одинаково значимый голос в вопросах мирового развития, БРИКС «формирует альтернативу системе глобального управления, основанную на гегемонии одной сверхдержавы» [13], переводит мир «в новую захватывающую фазу многополярного развития» [10], утверждает «новую полицентричную систему международных

отношений» (С. В. Лавров), обретающую «глубокий культурный, символический и даже духовный смысл» [22]. Данный проект формируется как конструктивная альтернатива глобальному империализму «Большого Запада», предсмертные конвульсии которого превращают его в экологического и антропокультурного «могильщика человечества» (А. И. Субетто). Мотивы участия в БРИКС консолидированы, во-первых, негативным отношением к навязываемой Западом постмодернистской ценностной матрице, разрушительной для своеобразия и самобытности традиционных культур. Во-вторых, страны БРИКС сближает неприятие мирового порядка, основанного на гегемонии одной сверхдержавы. В-третьих, декларируемая и фактическая позиция БРИКС (а также ШОС) состоит в невмешательстве во внутренние дела стран содружества, во взаимоуважительном диалоге традиций, идей и ценностей, в более справедливом формате международной экономической кооперации [13]. «Группа БРИКС+ представляет собой попытку объединения цивилизующих стран, чтобы навести порядок в мире после 250 лет колониалистского хаоса, разрушившего важнейшие культурные связи между государствами и народами» [22].

БРИКС – это не только международно-правовая инновация, но и, прежде всего, «цивилизационный феномен, артефакт становления цивилизации нового типа». Его миссию выражает «процесс формирования новой стратегии цивилизационного развития», основанной на сближении ценностей и культурных кодов, свойственных разным типам культурного развития. «Геополитическая идентичность этих организаций, помимо акцентированной инаковости по отношению к Западу, фиксирует стремление восстановить глобальную справедливость именно за счет укрепления позиций Мирового большинства. Расширенный состав БРИКС+ заявлен как школа многостороннего диалога, не опосредованного западными институтами и механизмами глобального управления, институт сетевого структурирования, солидарных

межцивилизационных взаимодействий и выстраивания горизонтальных связей международных акторов, обеспечивающих на текущем этапе глобального развития укрепление Мирового большинства» [13]. Предоставляя своим членам возможность проведения суверенной, независимой политики, «объединение увеличивает привлекательность членства в БРИКС и способствует экономическому росту и сохранению самобытности и культурноцивилизационной идентичности входящих в него государств» [20].

Особый статус этой организации придадут ее экономические, социальнополитические, демографические и цивилизационные характеристики, совокупность которых «можно рассматривать как определенный шаг к реализации идеи создания модели многополярного мира» [17]. Это ресурс формирования *мегацивилизации*, противостоящей разрушительной неолиберальной диктатуре Запада, выступающей за мир без войн и насилия и тем самым гарантирующей хотя бы стартовые условия формирования устойчивого миропорядка. Краеугольные камни, на которых базируется эта система – признание главенства международного права и координирующей роли ООН, неприятие вмешательства во внутренние дела независимых государств, а также готовность бескомпромиссно отстаивать свои интересы и с пониманием относиться к решениям других стран. Межцивилизационный статус БРИКС превращает это объединение в центр кристаллизации нового справедливого глобального и регионального многополярного мироустройства при ведущей роли ООН. «И в этом качестве он становится институтом конструирования основных несущих опор будущего справедливого мирового порядка, естественным Локомотивом развивающегося мира. В перспективе БРИКС может превратиться в глобальную организацию новой эпохи – Организацию объединенных цивилизаций» [3].

При этом БРИКС «вступает в цивилизационное противостояние с четким осоз-

нанием актуальности возникших общечеловеческих проблем – таких как перенаселение планеты, загрязнение окружающей среды, нехватка природных ресурсов», пониманием, что «принятие навязываемых нам правил игры – это путь в никуда» [7]. Подлинное значение совместным действиям стран БРИКС «придает не только и даже не столько суммарная совокупность их ресурсных возможностей, факторов мягкой и жесткой силы, но далеко идущие сдвиги в этих странах, связанные с борьбой с бедностью, сокращением неравенства, демографическим переходом, урбанизацией, освоением массовыми группами образа жизни и стандартов потребления информационного общества, изменениями идентичности, артикуляцией образов будущего. При всей очевидности различий и диспропорций между странами БРИКС, именно на них в ближайшие десятилетия придется «критическая масса» глобальных трансформаций, итогом которых, очевидно, станет новая, постзападная картина мира XXI столетия» [13].

Ключевым ресурсом развития БРИКС выступает солидарное ценностно-смысловое противостояние Западу ключевых игроков проекта – России, Индии и Китая (который открыто заявляет о своих намерениях совместно с Россией формировать мегаструктуру многополярного мира). В результате инициатив России организация БРИКС (ведущие страны которой, в частности, Индия и Китай, входят в активно формирующуюся международную структуру «*Большая Евразия*») обретает статус экономического гиганта и геополитического гаранта свободного цивилизационного развития стран. «Председателем 16-го Саммита БРИКС, который пройдет в Казани в октябре 2024 года, будет Россия, последовательно выступающая инициатором утверждения стратегии сохранения национальной самобытности. Консолидирующий потенциал России заявлен серией конструктивных инициатив высшего руководства страны, способствующих интеграции народов и культур стран Малой и Большой Евразии.

Цивилизационная солидарность как ключевое условие реализации миссии и функций БРИКС

С возникновением и развитием БРИКС «колоссально расширяется круг участников межкультурного диалога. А это означает новый этап в развитии культуры в целом, т. е. новую ступень в развитии человека, который вне культуры невозможен» [16]. И в этом качестве БРИКС обеспечивает плодотворное взаимодействие не только в области экономики и технологий – «не менее плодотворным может быть межкультурный диалог». Пополняясь новыми членами, «БРИКС претендует не только на статус финансового и экономического конгломерата, но и на статус некоего культурно-образовательного объединения, в рамках которого должны реализовываться совместные программы научно-исследовательского и научно-образовательного характера, направленные не только на развитие научного знания в самых различных областях, но и на формирование кадров нового поколения, способных эффективно сотрудничать в разных сферах экономического сообщества» [9]. Гуманитарная составляющая БРИКС в последние годы активно усиливается. В частности, под председательством России «происходит углубление гуманитарных обменов, начинают активно формироваться институты международного гражданского общества: Академический форум БРИКС, превратившийся в платформу для обсуждений и дискуссий ведущих ученых государств-участников; Совет экспертных центров стран БРИКС, который содействует расширению сотрудничества в области исследований и наращивания потенциала взаимодействия между академическими сообществами государств-участников; Деловой совет БРИКС; Женский деловой альянс БРИКС; Рабочая группа БРИКС по цифровой экономике и др.» [24].

Однако проблема формирования цивилизационного пространства солидарности не теряет своей актуальности. Несмотря на позитивные результаты и перспективы

взаимодействия стран БРИКС в геополитической плоскости и в экономическом плане, сверхактуальным остается мировоззренческий компонент, который в стратегической плоскости выступает консолидирующим фундаментом и основанием целеполагания. «На последний саммит БРИКС были приглашены 77 стран, включая примерно 20 кандидатов на вступление (Индонезия, Нигерия, Венесуэла и т. д.)», однако проблема поиска и расширения оснований цивилизационной солидарности не была включена в повестку заседаний [11]. Участники Чтений отмечали несовместимость стран БРИКС+5 в языковом и конфессиональном отношении, отсутствие единства по критерию гражданских прав и свобод. Научное и образовательное сотрудничество стран БРИКС сдерживают факторы лингвистического и культурологического порядка. Например, в ноябре 2015 года министрами образования и науки стран БРИКС была подписана Московская декларация о сотрудничестве и «Меморандум о взаимопонимании», который явился основным учредительным документом Сетевого университета БРИКС (СуБРИКС). Однако «извечные и естественные преграды на пути международного сотрудничества – языковой барьер и традиции, формирующие культурную идентичность – способны и сегодня затормозить реализацию самых амбициозных международных проектов» [9].

В перспективе успех БРИКС зависит от создания общего гуманитарного пространства культурного взаимообмена, «формирования общей аксиологической матрицы, отличающей нас от противостоящего блока коллективного Запада. <...> Противостояние по линиям: коллективный Запад – Россия, коллективный Запад – Китай, коллективный Запад – глобальный Юг, – является долгосрочным трендом, с учетом которого мы должны быть готовы совместно отстаивать свои позиции по всем направлениям. И здесь полем противоборства являются не только сфера безопасности и экономика, как базис, но и создание своей культурно-ценностной парадигмы, которая

является даже не надстройкой, а необходимым условием выживания в глобальном мировом противостоянии» [7]. В этом контексте особую актуальность обретает проблема формирования стратегии солидарности народов БРИКС, «учитывающей исторические, религиозные, этнические, географические, социально-политические и культурные особенностей каждого государства-участника, опирающейся на глубокое знание и уважение национальной идентичности, предлагающей гибкую систему условий для реализации участвующим государствам уникальных подходов к решению национальных и международных проблем, обеспечивающей оперативное урегулирование противоречий между уникальностью государств-членов БРИКС и необходимостью находить общие решения сложных проблем современности» [19]. Инициаторами и исполнителями программы солидарности народов и культур БРИКС должны быть не только государственные акторы, но и структуры гражданского общества, морально ответственные национальные элиты, а также представители традиционных конфессий, способные обеспечить снижение напряженности и развитие межконфессионального диалога, заинтересованные в сохранении моральной ответственности и совести, ценностей справедливости и любви [13].

Отечественная концепция «Большой Евразии»: мировоззренческая платформа диалога народов и культур БРИКС-содружества. В культурном, духовном плане альтернативу завершающей свой век западной модели мироустройства представляет проект «Большой Евразии», убедительный для огромного географического и культурного пространства и значимый в контексте острейших проблем и вызовов времени [18]. Ресурсами геополитической конкуренции и основанием цивилизационной солидарности «Большой Евразии» является пассионарность евразийских народов, высокая значимость ценности социальной справедливости, исторический опыт самоотверженности и мужества. Евразийский дух категорически отвергает рыночно-

капиталистическую систему хозяйствования и западный культ автономного индивида, утверждая стратегию «устойчивого развития» на основе умеренности и самоограничения, признавая «цветущую сложность» этнокультурного и цивилизационного многообразия как великую ценность и важнейшее условие коэволюционного развития народов и государств огромного континента.

Локомотивом технологического развития «Большой Евразии» в экономическом плане сегодня является Китай, демонстрирующий в последние десятилетия невиданные темпы модернизации. При этом Китай не только позиционирует свое стремление возглавить процесс перехода к новым технологическим укладам – он намерен принять активное участие в переформатировании геополитических конструкций мира, в создании новой системы глобального управления – «мирового сообщества единой судьбы» (Си Цзиньпин).

Однако миссию консолидирующего духовного центра «евразийского континента» (пока в его ограниченном масштабе, без учета стран Западной и Центральной Европы, занимающих нейтральную или откровенно негативную позицию по отношению к этому проекту) выполняет Россия, и для такого статуса у нее достаточно оснований и ресурсов. Огромное трансконтинентальное пространство России за много веков стало «примиряющим, объединяющим началом Единства и Множественности, Востока и Запада» (Вл. Соловьев), условием уникальности и устойчивости души и ментальных оснований русского суперэтнуса, сложившегося в результате многовекового тюркско-славянского слияния (Л. Н. Гумилев). «Географическая морфология» и размеры Великорусской цивилизации обеспечивали ей уникальные геополитические свойства «Хартленда» – «географической оси истории» (Х. Маккиндер), а культурно-историческое своеобразие сделали Россию «срединной землей» (П. Н. Савицкий) – «душой Евразии», ассимилирующей в ходе совместной жизнедеятельности в единый суперэтнос славянские, угро-финские и туранские

племена и народы, органично объединяющей по закону синергии характеристики и качества различных типов цивилизаций – Европы и Азии, Севера и Юга, Леса и Степи. Ключевая роль России в реализации потенциалов евразийского проекта определяется «ее глобальным осевым позиционированием в цивилизационно-геополитических системах «Восток–Запад», «Море – Суша» (В. Н. Купин).

Важным ресурсом цивилизационной солидарности народов БРИКС с контраргументом в противостоянии геополитическим планам и амбициям Запада выступает *Теория многополярного мира* (ТММ), которая «теоретически оспаривает либеральную глобалистскую доктрину, включая все апелляции к западным концепциям «прав человека» и «демократии», показывает интеллектуальное ничтожество идей морального превосходства либеральных ценностей и «основанного на правилах либерального международного порядка. <...> Многополярность – это ткань, создающая мириады красочных возможностей, а не один тупиковый путь, по которому безликая человеческая масса бредет до заявленного конца истории». Она исключает концепцию и практику реализуемого глобалистской элитой «Нового мирового порядка», отвергает любую презумпцию универсальности так называемых «западных ценностей», которые в реальности становятся инструментом выражения патологической страсти англосаксонского гегемона к удержанию глобальной власти [1].

Заключение

Содружество БРИКС формируется как глобальная «Империя Доверия», противоположная западной «Империи Насилия и Подчинения» (Т. Мэдден), веками использующей для своего благополучия и удержания власти все доступные формы насилия – от военной экспансии до сегодняшней информационно-психологической обработки мира с помощью инструментов манипуляции сознанием. Миссия БРИКС состоит в том, чтобы «утвердить уверенность в собственной цивилизации,

представить пример партнерства культур между мировыми державами, создать созвездие мировых цивилизаций, сплоченное на истинных ценностных категориях, обеспечивающих гармоничное развитие человеческого сообщества и экосистемы» [7]. В таком качестве данный геополитический и цивилизационный проект предлагает находящемуся в кризисе мировому сообществу образец конструктивного культурного диалога и модели экономического сотрудничества, предлагает программу выживания путем сохранения выстраданных историей общих для всего человечества ценностей, норм, правил, запретов, смыслов. «Цветущая сложность» культур и солидарная ментальность народов БРИКС (они же составляют ядро «Большой Евразии») в сложившейся ситуации становятся ресурсом противодействия духовно-нравственной энтропии мира, значимым средством борьбы человечества с Мировым Хаосом, угрожающим энтропией жизни в ее глобальном масштабе (П. Флоренский). Передним краем такой борьбы всегда была и сегодня остается Россия. В основе мессианского характера русского духа, противоположного «прометеевской» идее хищного господства над миром, на глубинном, ментальном уровне лежит «сознательное и ничем не принужденное самопожертвование себя в пользу всех» (Ф. М. Достоевский), самоотверженная пассионарность народа русского, которая столетиями вовлекала в орбиту имперского призвания и братской ответственности малые и большие народы Евразии. И сегодня историческая миссия России – осознать и осуществить свою «подлинную геополитическую и цивилизационную идентичность как самостоятельного евразийского полюса в становлении многополярной и мультикультурной цивилизации человечества» (В. Н. Купин), внести свой вклад в реабилитацию и утверждение гуманистического вектора истории, обеспечивающего возвышение человеческого духа [18]. И процесс такого осознания ответственным и вменяемым ядром российского общества усиливается в контексте последних событий.

Воистину прав наш выдающийся философ, который писал, что «великие внешние события обыкновенно предшествуют великим пробуждениям общественного сознания» (Вл. Соловьев). Условием реализации всего спектра задач проекта БРИКС является

максимальное доверие и коллективная воля народов, а также – духовная мобилизация морально ответственных элит евразийского пространства, способных дать убедительный и конструктивный ответ на глобальные вызовы времени.

Список литературы

1. *Абрамов С. Р.* «Новый миропорядок, основанный на правилах» и теория многополярного мира. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
2. *Абрамова И. О.* БРИКС и Африка: новые возможности в эпоху трансформации мирового порядка. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
3. *Акаев А.* БРИКС формирует расширяющееся геополитическое пространство, способное обеспечить глобальное устойчивое развитие на основе диалога и партнерства цивилизаций. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
4. *Аль-Шейх Н.* БРИКС: движущая сила нового мирового экономического порядка. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
5. *Атлагич С.* БРИКС как платформа нового многополярного мира – попытка вернуться к общим цивилизационным ценностям. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
6. *Афонцев С. А.* Экономическая мощь стран БРИКС и перспективы формирования многополярного мира. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
7. *Бузовский И. И.* Международная консолидация в контексте цивилизационных вызовов и угроз. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
8. *Варга Ч.* Перспективы верховенства права как ценности и правового фундамента нового мирового развития. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
9. *Гарбовский Н. К.* Образовательное пространство БРИКС: ценностные ориентиры и университетские рейтинги. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
10. *Годдард Ч.* Россия в новом многополярном мире; новые цели и новые возможности. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
11. *Дегарден Б.* БРИКС: амбиции и ограничения. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
12. *Дешпанде С.* Россия и новый многополярный мир: цели и возможности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
13. *Ефременко Д. В.* Принципы междивизиационной солидарности и уважения к традиционным ценностям как основа консолидации мирового большинства. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
14. *Кондаков И. В., Брусиловская Л. Б.* Союз глобалитетов как будущее глобализации (ценностно-смысловой анализ). URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
15. *Костина А. В.* Ценностная система России в условиях многополярного мира: от особенного – к всеобщему. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
16. *Лекторский В. А.* Новое пространство для межкультурного диалога в рамках БРИКС. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>
17. *Лисицын-Светланов А. Г.* Правовые основы и проблемы развития нового многополярного мира: национальный и международный аспекты регулирования. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>

18. *Марков А. П.* Геополитический проект «Большая Евразия»: ресурсы межкультурной солидарности, консолидирующая миссия России. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.
19. *Михайленко А. Н.* Духовно–нравственные ценности в странах БРИКС. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.
20. *Наумкин В. В.* БРИКС и арабский мир. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.
21. *Околи М.* БРИКС в расширенном составе как новое пространство диалога культур и цивилизаций. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.
22. *Роклю О. П.* БРИКС+ и история мирового порядка: культурологические размышления о «Царях Мира». URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.
23. *Сапир Ж.* Как БРИКС (и БРИКС+) могут ответить на требование изменения международных институтов, и каковы могут быть последствия? URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.
24. *Хабриева Т. Я.* БРИКС – цивилизационный феномен в координатах права и юридической доктрины. URL: <https://www.Lihachev.ru/chten/2024>.

*

Поступила в редакцию 07.07.2024

НРАВСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ ПАТРИОТИЗМА

УДК 172.15:17.022

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-39-46>

А. П. Воеводин

Луганская государственная академия культуры
и искусств имени Михаила Матусовского,
Луганск, Российская Федерация,
e-mail: voevodin.47@mail.ru

Аннотация. Патриотизм интерпретируется в статье в широком смысле, как социальная практика, как особый вид нравственной деятельности, охватывающий все сферы социальных отношений в обществе. Собственно нравственное содержание патриотизма раскрывается в контексте соотношения личных и общественных интересов, в котором служение общественным интересам добровольно определяется каждым как первостепенный долг, как высшая форма нравственного самопожертвования. Предметное поле российского патриотизма определяется через анализ противостояния нравственных идеалов соционцентризма и антропоцентризма. Свое подлинное нравственное содержание патриотизм обретает только в условиях традиционных ценностей соционцентризма, в котором интерес каждого становится интересом всех, в котором голос общества, интересы общества становятся личным интересом и заботой каждого его члена. Тем самым патриотизм становится высшим смыслом нравственной деятельности человека. Соционцентризму противопоставит буржуазный гуманизм, нравственный смысл которого обнаруживается в ценностях антропоцентризма и космополитизма, а в реальной практике проявляется в утверждении индивидуализма и эгоистической замкнутости индивида на самого себя.

Ключевые слова: социальный интерес, буржуазный гуманизм, патриотизм, индивидуализм, антропоцентризм, соционцентризм.

Для цитирования: Воеводин А. П. Нравственные смыслы патриотизма // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 39–46. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-39-46>

THE MORAL MEANINGS OF PATRIOTISM

Alexey P. Voevodin

Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after Mikhail Matusovsky,
Lugansk, Russian Federation,
e-mail: voevodin.47@mail.ru

ВОЕВОДИН АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского
VOIEVODIN ALEXEY PETROVICH – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky

© Воеводин А. П., 2024

Abstract. Patriotism is interpreted in the article in a broad sense as a social practice, as a special kind of moral activity covering all spheres of social relations in society. The actual moral content of patriotism is revealed in the context of the correlation of personal and public interests, in which service to public interests is voluntarily determined by everyone as a primary duty, as the highest form of moral self-sacrifice. The subject field of Russian patriotism is defined in the analysis of the confrontation between the moral ideals of sociocentrism and anthropocentrism. Patriotism finds its true moral content only in the conditions of traditional values of sociocentrism, in which the interest of everyone becomes the interest of everyone, in which the voice of society, the interests of society become the personal interest and concern of each of its members. Thus, patriotism becomes the highest meaning of human moral activity. Sociocentrism is opposed by bourgeois humanism, the moral meaning of which is found in the values of anthropocentrism and cosmopolitanism, and in real practice is manifested in the assertion of individualism and the egoistic isolation of the individual on himself.

Keywords: social interest, bourgeois humanism, patriotism, individualism, anthropocentrism, sociocentrism.

For citation: Voevodin A. P. Moral meanings of patriotism. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 39–46. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-39-46>

Раньше думай о Родине, а потом о себе
О. Фельцман, И. Шафран

Патриотизм относят к вечным нравственным ценностям. В исторической ретроспективе патриотизм изначально вплетен в совместную жизнь людей как способ сборки социальных общностей, разделяющий людей на «наших» и «не наших». Функциональное усложнение и рациональное осознание ценностей патриотизма происходит с усложнением общества, появлением письменности и образованием государств. Теоретическая рефлексия патриотизма насчитывает тысячелетия, оставившие множество письменных результатов пристального самонаблюдения исследователей этого неустрашимого феномена в существовании больших и малых социальных общностей людей [10]. Однако патриотизм чаще всего рассматривается в контексте политических отношений, в то время как нравственные проблемы соотношения личных и общественных интересов в патриотическом воспитании масс недостаточно раскрыты. Цель публикации состоит в том, чтобы выявить сущностный нравственный смысл российского патриотизма в его оппозиции к индивидуализму.

Формирование патриотических побуждений является ключевой задачей упрочения

устойчивости и всестороннего развития государств. Утрата идеи и чувства патриотизма ведет к разложению и последующему распаду общества и, как следствие, его исчезновению с исторической арены. Поэтому патриотизм постоянно подвергается нападкам в конкурентной борьбе социальных общностей и государств. В этой связи известно часто повторяемое афористическое высказывание Сэмюэля Джонсона: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя». Цитируя Джонсона, Л. Н. Толстой также отрицательно высказывался о чувстве патриотизма. Патриотизм для него чувство безнравственное, поскольку, как он утверждает, «для христианина любовь к отечеству стоит преградой для любви к ближнему». Вдобавок ко всему Л. Н. Толстой полагает это чувство исторически устаревшим, поскольку «любовь к своему исключительному отечеству, которая прежде соединяла людей одной страны, в наше время, когда люди уже соединены путями сообщения, торговлей, промышленностью, наукой, искусством, а главное – нравственным сознанием, уже не соединяет, а разъединяет людей» [6]. Такое категорическое неприятие

Л. Н. Толстым нравственной ценности чувства патриотизма существенно ограничивает сферу его теоретического понимания и, тем более, реальную практику нравственно-патриотического воспитания.

Знакомство с опытом осмысления патриотизма в отечественной литературе обнаруживает ошеломляющее множество текстов, программ, воспитательных задач, методических комплексов и прочее [5; 9]. Как правило, все это многообразие письменных текстов можно уложить в одну емкую формулу – «любовь к Родине» [1], то есть устойчивое переживание своей принадлежности к территориальной или этнической общности, к стране, языку, традициям. Это переживание обостряется с появлением угрозы социальной целостности во время острых социальных конфликтов, войн и других потрясений и в виде нравственного императива становится доминирующим принципом, маркером личностной идентификации каждого члена общества. Поэтому в такие периоды явственно обнаруживаются всеобщее пассионарное воодушевление и нравственная жертвенность защитников Отечества. В это же время также явственно проявляются и те, кому «душно» и неуютно в собственной стране, кто не разделяет выбор большинства народа и доминирующий тип нравственных ценностей.

Тем не менее, определение патриотизма как нравственного чувства любви к Родине на фоне многотомных рационально-теоретических изысканий выглядит, в сущности своей, иррационально и, более того, делает неэффективными все понятийно-логические заявления на этот счет, ибо эмоции выучить по учебнику нельзя, подобно тому, как нельзя словами объяснить слепому, что такое *желтый*. Патриотизм не дан человеку по факту рождения. Люди не появляются с уже готовым чувством патриотизма. Как вершина нравственной зрелости индивида патриотизм представляет собой сложный культурный комплекс осознаваемых ценностных смыслов и социально значимых эмоций, способность к которому, умение его посто-

янно ощущать, чувствовать, знать и хотеть применять, нужно еще воспитать у каждого отдельного человека.

Главная трудность здесь видится в том, что, несмотря на обилие конкретных эмпирических методик воспитания патриотизма, слова слабо помогают формированию патриотизма. Слова, знаки, речь в целом играют важную роль в жизни людей, составляют конструктивно-смысловую основу сознания человека. Но не следует забывать, что слова – это знаки, которые биологически нейтральны и оказывают воздействие на поведение и деятельность человека только в том случае, когда связаны с потребностями его организма как живого существа. От слова *халва* во рту слаще не становится. Также и со словом *патриотизм*. Простое умозрительное определение понятия и бесчисленное перечисление форм социокультурной деятельности по его формированию еще не делает человека патриотом. Человека невозможно принудить к патриотизму, потому как невозможно заставить желать, чувствовать или любить. Напротив, чем больше мы говорим о патриотизме, тем больше сказывается обратный эффект неприятия слова.

Какую же сферу социальной жизни охватывает это понятие? Чтобы определить предметное поле патриотизма и обозначить его нравственные берега, важно сопоставить его с противоположными по смыслу социально-нравственными качествами, ограничивающими социокультурный горизонт патриотизма. С одной стороны, такой противоположностью или врагом патриотизма является эгоизм и его разновидности (эгоцентризм, нарциссизм и пр.), замкнутая на себя озабоченность индивида, сосредоточенность человека на личном счастье, полное подчинение собственному «я». Эгоист лишен нравственного чувства признательности и благодарности. Эгоист рассматривает других людей сквозь призму собственного благополучия, относится к ним как к инструменту или как к средству, возможности которого нужно использовать для достижения личного счастья.

Он объединяется лишь с теми, кто ему нужен и может помочь. В социально-практическом плане формой проявления эгоистической замкнутости человека на самого себя является индивидуализм, теоретическим и политическим обоснованием которого служит высшая буржуазная мировоззренческая и нравственная ценность, краеугольный камень буржуазной идеологии и картины мира – антропоцентризм.

С другой стороны, космополитизм и такие его формы как трансгуманизм, аморализм, имморализм, трансмодернизм сознательно критикуют патриотизм, отрицая с позиций буржуазного гуманизма и буржуазной морали ценности этнического многообразия, всякие проявления национальной самобытности, поликультурной организации общества. Современной воинствующей формой космополитизма является так называемый «глобализм» во всех сферах социальной жизни, суть которого в соблюдении неких единых правил, в организации подчинения всех этносов одному центру, навязывающему свои ценностные ориентиры всему миру. Нельзя не видеть, что в сущности своей космополитизм является лицемерно-извращенной формой все той же главной европейской буржуазной ценности – антропоцентризма. Крайности сходятся. Космополитизм в своих интенциональных устремлениях суть все тот же антропоцентризм (или постантропоцентризм), только рассматриваемый не с точки зрения отдельного индивида, а с точки зрения интересов отдельного общества или группы обществ, объединенных общей экономикой и культурой. В моноэтнических государствах, втянутых в орбиту космополитизма, патриотизм может вырождаться или трансформироваться в извращенные формы агрессивного и воинствующего шовинизма, нацизма, вплоть до фашизма. В таких крайних проявлениях явственно обнаруживается аморальная сущность антропоцентризма и космополитизма.

Социальная сфера действия патриотизма всеобъемлюща. Это не только политика,

но и экономика, религия, спорт, медицина, искусство, все стороны социальной жизни. Всеобщность сферы распространения патриотизма непосредственным образом связана с универсальностью морали, вытекает из морального статуса патриотизма как высшей нравственной ценности, формула которой – «служение Отечеству». Но здесь также есть ограничения, связанные с социально-историческим разнообразием форм существования морали. Известно, что как способ социальной регуляции мораль не является одинаковой для всех, носит исторически изменчивый характер, выражает нравственные ценности доминирующего в тот или иной исторический период класса, которые он политическими средствами навязывает всему обществу. Соответственно, этические представления о патриотизме и морали являются рационально-теоретическим выражением целевой функции конкретно-исторической формы морали. Этим обуславливается многообразие теоретических представлений, ведущее к отсутствию единства в понимании морали и неизбежно порождающее идеологические конфликты, в том числе и противоречия в интерпретации сущности патриотизма.

В строящейся капиталистической стране официальная этика выражает ценности европейской буржуазной (либеральной) морали. Главной из них, как известно, является личная свобода индивида, под лозунгом которой утверждается возможность свободного выбора и самостоятельного принятия решений [3]. В основе такого понимания морали находится все тот же сакрально понятый буржуазный принцип антропоцентризма, который был сформирован так называемыми «гуманистами» как революционный вызов официальному религиозному мировоззрению. Антропоцентризм противопоставляет человека богу, ставит творческую энергию человека в центр мироздания. Как высший мировоззренческий принцип, как сущностно неустрашимый конструктивный концепт и главенствующая ценность буржуазной картины мира антропоцентризм создает и практически реализует

специфический взгляд на мир, в соответствии с которым буржуазно понятый человек занимает центральное положение в мире. Из этого центра индивид алчно смотрит на мир и утверждает себя в качестве высшей нравственной ценности как нечто абсолютное. Ответственность перед обществом, богом, другим индивидом в этой картине мира нивелируется и отступает на задний план.

В идеологическом смысле сказанное представляет собой политическую программу, целью которой является утверждение права бюргера (пополана, филистера, мещанина) свободно и самостоятельно устраивать свою судьбу, то есть реализовывать проект эгоистической замкнутости индивида на самого себя и замыкания мира на себя [2]. Прямым следствием реализации принципа антропоцентризма является индивидуализм и субъективизм, возведенные в ранг государственно-правовой нормы. Эгоистически-потребительская озабоченность индивида, его нацеленность на личное счастье выстраивают такую морально-экономическую систему, в которой благо отдельного индивида возносится выше общего блага. Под знаменами буржуазного гуманизма впервые теоретически обосновывается примат принципа тотальности индивидуализма в организации совместной жизни людей. Индивид должен жить только для себя, он есть высшая ценность и мера в мире; личный интерес индивида состоит в свободном удовлетворении любых своих желаний и страстей [2]. Но на этом пути его свободу ограничивают другие индивиды. Свое личное счастье он добывает в соперничестве, в конкурентной борьбе с ними. Подлинную суть буржуазного гуманизма можно выразить формулой – «конкуренция плюс филантропия», которая оправдывает эксплуатацию человека человеком (пусть победит сильнейший) и лицемерно провозглашает абстрактное человеколюбие (пособие проигравшим). Ясно, что такие нравственные ценности не могут служить прочным основанием патриотизма и побуждать людей к самопожертвованию своими

интересами ради интересов общества. Антропоцентризм является непримиримым врагом патриотизма. Неслучайно разбуженный гуманистами эпохи Возрождения буржуазный идеал ничем не ограниченного индивидуализма на протяжении пяти веков, начиная с Реформации и Классицизма, постоянно подвергался социальной критике, нравственным и политическим ограничениям.

Современная политическая обстановка ставит российское общество на грань выживания, и поэтому задача объединения всех граждан оформляется в патриотический идеал сплочения и нравственного единства, одно из важных условий формирования российского народа – исторической и социально-политической общности, которая представляет собой «единство в многообразии» [8, с. 346]. В условиях идеологического и политического противоборства национальная идея российского патриотизма – это идея преодоления западного индивидуализма и разобщенности людей. В сущности своей это нравственная идея замещения антропоцентризма социоцентризмом. Но не посредством казарменной уравниловки, не путем тотального политического отрицания индивидуальности и запрета личностного своеобразия граждан. Напротив, это базальный нравственный принцип, нравственная идея всемерного развития и расцвета индивидуальности, но, опять-таки, не в узких рамках эгоистической озабоченности индивида, а в совместной коллективной деятельности на благо Отечеству. Свое подлинное нравственное содержание патриотизм обретает только в условиях традиционных ценностей социоцентризма, в котором интерес каждого становится интересом всех, в котором голос общества, интересы общества становятся личным интересом и заботой каждого его члена. Тем самым патриотизм становится высшим смыслом нравственной деятельности человека.

В отличие от политики, целью которой является власть, доминирование, эгоистическое стремление удовлетворить свои

личные интересы за счет интересов всего общества, подлинная мораль устанавливает примат общественного интереса над личным. Это осознается индивидом как требование всего общества к человеку, как необходимость заботы о чужом благе, когда «чужое счастье» или «чужое горе» становится личным нравственным требованием, нравственным интересом индивида. Как голос общества в человеке мораль оберегает интересы общества и каждого его члена от эгоистических побуждений отдельного индивида. Нравственно воспитанный человек переживает чужое добро и чужое зло как свое собственное. Это значит, что подлинная мораль существует в психике индивида в виде его личных нравственных чувств, содержанием и смыслом существования которых является общественный интерес, забота об общественном благе. Таким образом, если эгоистически озабоченный индивид в рамках примата антропоцентрического индивидуализма ставит свой личный интерес выше общественного, то патриотизм, как высший нравственный принцип социализма, напротив, требует в первую очередь заботиться об общественном интересе, в рамках которого получает свое всемерное удовлетворение и личный интерес каждого индивида. Как говорил Автандил в «Витязе в тигровой шкуре» Шота Руставели: «Что ты отдал – то твое, что ты спрятал – то пропало».

Патриотизм невозможен в одиночку. Как нравственно-общественное состояние патриотизм появляется в момент объединения разнообразных личностных целей для реализации главного общественного интереса. Общий интерес необходимо отличать от одинакового интереса. Общий интерес – это такой интерес, который реализуется только в разнообразной совместной деятельности людей, в которой разнообразные цели деятельности ведут к достижению общезначимого результата. Собственная цель российского патриотизма – «единство в многообразии», социальное единство в обществе, которое достигается

посредством целенаправленного согласования интересов и разнообразия личностных усилий граждан. Социальное единство как способ сборки конкретного общества, как способ идентификации себя с целым осознается индивидом в совместном с другими индивидами переживании общезначимого общего чувства, осознается как высшее правило, как нравственная норма социально одобряемой деятельности.

Сказанное означает, что патриотизм не сводится к абстракции отдельно взятого чувства любви к своей стране, а представляет собой особую, нравственно возвышенную форму сложной совместной деятельности, смысловым содержанием которой является коллективная забота об общем счастье, благополучии Родины. Как образ жизни и способ деятельности патриотизм также не ограничивается каким-либо отдельно взятым видом социальной активности, а проявляется во всех сферах социальной жизнедеятельности. Его нравственная суть осознается и претворяется в жизнь гражданами в массовых формах самопожертвования, когда общие цели становятся личным интересом и личной заботой каждого индивида. Иногда нравственную культуру патриотизма так и определяют – как «всепроявленность способностей человека как гражданина во имя и на благо Отечества» [4, с. 25]. В таких условиях массовый героизм становится всеобщей нравственной нормой служения родному обществу.

Воспитание патриотического сознания, навыков и стимулов патриотической деятельности является важнейшей задачей суверенного общества. Как следует из вышеизложенного, смысловым содержанием патриотического воспитания должно стать формирование нравственной мотивации к патриотической деятельности [7, с. 190], а именно, воспитание нравственной способности и готовности индивида к самопожертвованию. Это достигается в сложных формах совместной коллективной деятельности. Прежде всего, необходимо преодоление индивидуалистических настроений и разобщенно-

сти людей. В основе патриотических форм деятельности лежит коллективный интерес, эмоциональное обобщение и общезначимое переживание социальных ценностей.

Интерес – это образ сознания, побуждающий индивида к действию. Интерес формируется на основе гносеологического образа, которому избирательно придается устойчивая эмоциональная окраска. Эмоция определяет ценностную значимость образа, делает его аксиологическим. Осознание общезначимых целей, которые реализуются лишь в совместной деятельности людей, происходит посредством эмоционального обобщения и появления общезначимой эмоции, которая репрезентирует коллективный интерес, а значит и общезначимую ценность в сознании индивида. Устойчивость социально оправданных ценностей обеспечивает сплоченность и эмоциональное единство общества.

Как высшее нравственное чувство патриотизм имеет сложную структуру, состоит из множества элементарных ценностных образов, в которых воплощается целостное ценностное представление о Родине. Патриотическое воспитание начинается с «Патриотического букваря» простых ценностей индивидуальной жизни. К ним прививается любовь, привязанность, навыки заботы об их сохранности, из которых позже формируются

верность, честь, священный долг и преданность идеалам. Следующим необходимым шагом должно быть обязательное воспитание нравственного чувства сострадания при виде утраты или гибели социальных ценностей. Важным моментом формирования сострадания служит воспитание чувства вины и стыда, как эмоционального способа критической социальной самооценки. В свою очередь, стыд стимулирует сознательное преодоление жалости индивида к самому себе, а также формирование нравственного презрения к собственной слабости, на основе которого только и возможен путь к героическому подвигу и самопожертвованию ради спасения социальных ценностей.

Таким образом, патриотизм – как высшая форма сложной нравственной деятельности – не появляется сам по себе, естественным путем и не создается в приказном порядке в виде государственно-правовой нормы, но формируется в длительной коллективной практике заботы о социальных интересах. Патриотизм объективно существует как нравственная норма объединения людей в коллективной деятельности суверенного воспроизводства и защиты традиционных ценностей, в которой в совместной заботе об общем благе реализуются сокровенные чаяния отдельных индивидов.

Список литературы

1. Большая российская энциклопедия 2004–2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2324213>
2. Воеводин А. П. Кризис человечности и тупики антропоцентризма // Terra культура. Луганск. ЛГАКИ, 2017. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://terra.lgaki.info/terra-kultura-5>.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. Москва: Мысль, 1970. 321с.
4. Кузнецова А. В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества: специальность: 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2004. 32 с.
5. Лыкова Т. Р. Анализ понятия «патриотизм»: педагогический аспект // Фундаментальные исследования. 2013. № 11–4. С. 778–782. [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33203>
6. Марантиди Л. Патриотизм – последнее прибежище негодяя. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/161>

7. *Отюцкий Г. П.* Культура патриотизма как научное понятие и социальный феномен // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 5А-6А. С. 185–194. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2023-5/e2-otyutskii.pdf>
8. *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. Москва: Наука, 2013. 649 с.
9. Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле: сборник материалов Международной научно-практической конференции 11–12 марта 2020 г. Нижний Новгород: НГЛУ, 2020. 267 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2020/10/Феномен-патриотизма-1.pdf>.
10. PhilPapers. URL: https://philpapers.org/browse/patriotism?ap_c2=&langFilter=&filterByAreas=&sqc=&showCategories=on&search_inside=1&ap_c1=&cn=patriotism&import_options=1&newWindow=&proOnly=on&new=1&start=0&publishedOnly=&freeOnly=&format=html&onlineOnly=&cId=5170&categoryzerOn=&sort=pubYear&catId=5170&limit=50&hideAbstracts=&jlist=&ap_c1=&ap_c2=

*

Поступила в редакцию 12.07.2024

ЭКСТРЕМИЗМ: СУЩНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

УДК 316.62

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-47-54>

В. С. Садовская

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: shupik49@mail.ru

В. А. Ремизов

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: remizov1941@mail.ru

В. А. Есаков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: esakov.va@yandex.ru

Аннотация. Статья является продолжением цикла публикаций авторов в журнале «Вестник МГУКИ» по проблеме сущности и характеристик современных социокультурных войн. Экстремизм рассмотрен как порождение этих войн, как преступность в рамках «гибридных» войн. Это и вооруженная

САДОВСКАЯ ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, декан факультета дополнительного образования, Московский государственный институт культуры

РЕМИЗОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт, Управление научной политики и инноваций, Московский государственный институт культуры

ЕСАКОВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры музыкального образования, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный работник общего образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

SADOVSKAYA VALENTINA STEPANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, dean of the faculty of further education, Moscow State Institute of Culture

REMIZOV VYACHESLAV ALEKSANDROVICH – DSc in Cultural Studies, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Expert, Department of Science Policy and Innovation, Moscow State Institute of Culture

ESAKOV VALERY ANATOLIEVICH – DSc in Cultural Studies, CSc in Philosophy, Professor of the Department of Music Education, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Садовская В. С., Ремизов В. А., Есаков В. А., 2024

«окопная война», и вооруженные диверсии, и акции «запрета культуры», и ограничения спортивного взаимодействия, механизмы «экзистенциального неприятия», информационные фейки и даже факты использования бактериологического фактора. В статье приводятся конкретные события экстремизма XX и XXI веков. На их примере обосновывается связь современного экстремизма с фашистско-националистической идеологией и действиями, а также актуализируется тема экстремизма в условиях века интернета и специализированных чатов, их функциональной активации среди молодежи. В статье приводятся данные социометрии школьников г. Москвы, материалы заседания думских комитетов по безопасности и молодежной политике. На данном фоне анализируются подходы депривации проэкстремизма среди молодежи: формирование патриотизма, любви к Родине, уважения и гордости за Отечество. В статье выделены основные противоречия, не позволяющие сегодня нарастить работу по противодействию экстремизму; разработан примерный комплекс социокультурной деятельности по профилактике условий возникновения экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, «гибридные войны», вооруженная преступность, террористический акт, экстремистский режим, патриотизм, социокультурное предупреждение проэкстремизма в молодежной среде.

Для цитирования: Садовская В. С., Ремизов В. А., Есаков В. А. Экстремизм: сущность и профилактика среди молодежи России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 47–54. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-47-54>

EXTREMISM: ESSENCE AND PREVENTION AMONG RUSSIAN YOUTH

Valentina S. Sadovskaya

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: shupik49@mail.ru

Vyacheslav A. Remizov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: remizov1941@mail.ru

Valery A. Esakov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: esakov.va@yandex.ru

Abstract. The article is a continuation of the series of publications by the authors in the journal “Vestnik MGUKI” on the problem of the essence and characteristics of modern sociocultural wars. Extremism is considered as a product of these wars, as a crime within the framework of “hybrid” wars. This includes armed “trench warfare,” armed sabotage, “culture ban” actions, and restrictions on sports interaction, mechanisms of “existential rejection,” fake information, and even facts about the use of bacteriological factors. The article provides specific events of extremism in the 20th and 21st centuries. Using their example, the connection of modern extremism with fascist-nationalist ideology and actions is substantiated, and the topic of extremism is updated in the conditions of the Internet age, the global network and specialized chats, and their functional activation among young people. The article provides data on sociometry of Moscow schoolchildren, materials from a meeting of the Duma committees on security and youth policy. Against this background, approaches to dampening pro-extremism among young people are analyzed: the formation of patriotism,

love for the Motherland, respect and pride for the Fatherland. The article highlights the main contradictions that do not allow today to increase work to counter extremism; An approximate set of sociocultural activities has been developed to prevent the conditions for the emergence of extremism among young people.

Keywords: extremism, “hybrid wars”, armed crime, terrorist attack, patriotism, prevention of extremism.

For citation: Sadovskaya V. S., Remizov V. A., Esakov V. A. Extremism: essence and prevention among Russian youth. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 47–54. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-47-54>

Циклы общественного развития имеют свои исторические фазы. В работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» выделяются *дикость, варварство и цивилизация*. Все они функционально связаны, особенно на уровнях личностной жизни. В каждой из последующих фраз – так или иначе – проявляют себя черты предыдущих, их сущность и характеристики. Можно предположить, что одной из них, начиная с «дикости», является экстремизм [9, с. 288].

Экстремизм (лат. *Extremus* – крайний), согласно словарю иностранных слов, означает приверженность к крайним взглядам и мерам. В социальных науках экстремизм рассматривается как агрессивная форма приверженности к определенным взглядам в религии, политике или общественной и личной жизни, которая несет угрозу безопасности (населению) [4, с. 834]. Это не только антигуманные, антисоциальные действия, но и призывы к действиям, которые способны изменять культурные нормы и коды. Сегодня экстремизм распространился по всему миру. Нынешнее поколение людей чуть ли не каждый день является свидетелем террористических актов, как инновации терроризма, в различных точках мира.

Безусловно, это явление, прежде всего, связано с политикой и ее порождением – войнами, с вооруженной преступностью. Сегодня все это носит характер «гибридных войн». «Гибридное» проявляет себя как смесь форм и видов действий противоборствующих сторон [1, с. 274]. Это означает введение в акт политического противоборства «на-

силственными средствами» (К. Клаузевиц) одновременно и боевого оружия, и дипломатических акций, и продукции художественной культуры, психологического давления и, конечно, экономических мер. Сегодня это и «окопная война», и бактериологические диверсии, и война на море и суше, и акции «запрета культуры», и контрпропаганда, и ограничения спортивного взаимодействия, и даже «экзистенциальное неприятие», и чисто бандитские, преступные компании, шпионаж и информационные фейки. Более того, это XX век породил формулу «Когда пушки гремят, музы молчат», и другую циничную формулу цивилизованной дикости и варварства: «Когда я слышу слово культура, моя рука тянется к парабеллуму» (пистолету). Это в XX веке немецкий генерал фон Дисфурт после того, как был разрушен прекрасный Реймский собор с его знаменитыми скульптурами, отреагировал так: «...Нас называют варварами! Пускай! Мы будем этому смеяться. Мы даже, пожалуй, можем подумать, не есть ли это для нас сейчас почетное наименование. Пусть раз и навсегда избавляет нас от этой праздной болтовни о каких-то Реймских соборах и всех вообще церквях и дворах...» [6, с. 157]. Не лишним будет напоминание и о том, что фашисты в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в библиотеках СССР уничтожили путем сожжения более 100 млн томов книг [5, с. 134], хищнически разрушили и ограбили комплекс дворцов «Северной Пальмиры» – Ленинграда. Фашисты уничтожили более 20 миллионов наших соотечественников, устраивали такие известные всем экстремистские

акции, как в Хатыни и Бабьем яре. Они создали широкую сеть концентрационных лагерей и внедрили различные варварские технологии уничтожения людей. Все это роднит сегодняшних экстремистов и организаторов преступлений, подобных тому, что произошло в концертном зале «Крокус-сити» весной 2024 года, с их предшественниками разных мастей.

XXI век полон варварского экстремизма. Фактически уничтожены представлявшие общечеловеческую ценность сооружения знаменитой древней Пальмиры в Сирии. Бесчисленное количество ценностей культуры было уничтожено в ходе американской военной агрессии в Ираке. Между тем на этой территории, которую древние греки называли Месопотамией, располагались сокровища, накопленные за семь предыдущих тысячелетий. Большинство событий Книги Бытия происходило именно здесь, а национальный музей в Багдаде, самый богатый археологический комплекс на Ближнем Востоке, был просто растерзан грабителями. Тут же сожжены книги и рукописи, хранившиеся в Библиотеке Коранов и Национальной библиотеке. Характерно при этом, что американцы рядом со стенами древнего города Ур, связанного с садами Семирамиды, с именем Навуходоносора, построили авиабазу с взлётно-посадочными полосами, а вблизи развалин греческого амфитеатра эпохи Александра Македонского поместили парковку для тяжелой военной техники [2, с. 80]. К сожалению, процесс варваризации и связанным с ней экстремизмом продолжается на фоне неофашистских действий Украины, иллюстрируя высказывания Ф. Ницше: «Интерес к истине <...> будет падать: иллюзия заблуждения, фантастика шаг за шагом завоевует свою прежнюю почву <...>, ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство; опять человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань» [11, с. 378].

Современные СМИ фиксируют заявления политологов, философов и культуроло-

гов агрессивного англо-саксонского мира о начале не просто новой войны, «холодной гражданской войны», но и о новой эре идеологии с «жестким режимом», подобным в своем действии тем методам и формам, которые применялись в борьбе с Аль-Каидой. Все это предполагает экстремистский режим «гражданских казней» над «идеологическими врагами» или над символами, по их словам, «старого морального порядка», что уже продемонстрировала и демонстрирует Украина и США [7, с. 10]. Причем, адептов данных компаний не смущает их подобие фашистским действиям времен третьего рейха. Они исходят из того, что только их жизнь ценна и достойна, а иные, «другие», недостойны жизни, сочувствия, сострадания. Они – лишние, они как бы «заслуживают» судеб Бабьего яра и печей Бухенвальда. Объективно вышеизложенная логика приводит к данному выводу.

Отметим при этом, что в век интернета и глобальной связи со всеми единовременно чуть ли не каждый обычный человек может стать во главе любого движения. Для этого разработаны специальные чаты в социальных сетях и в рамках интернет-сообщества люди могут быстро организоваться и выйти на любые, в том числе экстремистские, акции. Психология толпы такова, что благодаря эмоциональному заражению «толпа» способна к любым агрессивным действиям, вплоть до нанесения физических увечий другим людям [10, с. 428]. При этом особенно уязвима молодежь, поскольку их духовно-нравственные ориентиры только формируются, и они, как размягченная глина в руках опытных манипуляторов, двигаются в любую сторону, куда поведут их «лжепророки». Плюс к этому у них еще не развит инстинкт самосохранения, но велика потребность в активности, выражаясь молодежным сленгом, в «движухе». Показательны в этом отношении события на Болотной площади 6 мая 2012 года, когда проходил так называемый «Марш миллионов» – акция протеста против итогов прези-

дентских выборов. В эти годы авторы статьи проводили исследования в школах Западного округа города Москвы. Опросы показали, что старшеклассники, если не приняли участие в этой акции, то активно наблюдали за ней. Из числа опрошенных большинство сказали, что косвенно разделяют взгляды протестующих, однако на вопрос – «а какие эти взгляды?», ответить не смогли. Они точно даже не знали, против чего протестуют участники марша. Другие школьники сказали, что пошли из любопытства: «было интересно», «стремно», «круто», «пошли за компанию» со своими сверстниками.

Несмотря на то, что прошло уже почти 12 лет после этих событий, лидеры данного движения не только не оставили своих идей разрушить Россию изнутри, но более того, все эти годы они создавали из-за рубежа хорошо «эшелонированную» систему «промывания мозгов» молодежи. Главный их посыл: «все хорошее» только на Западе, поэтому активно шла англоизация досуга молодежи. С утра до вечера на основных каналах России все песенные конкурсы были англоязычными и, кстати, остаются пока таковыми по сегодняшний день. Было введено даже такое определение – «не формат» – для отказа на ТВ народной песне и народному творчеству. Помимо этого, «либеральная тусовка» создала в социальных сетях молодежные сообщества, в которые нередко входили и студенческие советы вузов.

Устроители упомянутых «тусовок», после начала СВО пытаются продолжать свое воздействие. Примером этого стала ситуация на журналистском факультете МГУ, когда молодого человека в майке с буквой «Z» подвергли глумлению и оскорблениям. И только после публичной огласки этого события в прессе зачинщицы-студентки были отчислены. Обратим внимание: студентки отчислены не за экстремистские взгляды, а за нецензурную брань. Отметим, что опыта профилактики экстремизма среди студенческой молодежи недостаточно. Не случайно в Госдуме решено создать ра-

бочую группу по подготовке комплексных мер по борьбе с преступностью и экстремизмом среди молодежи. Решение подготовить меры и проработать их с кабинетом и экспертами было принято на заседании думских комитетов по безопасности и по молодежной политике. Как рассказал зампред Комитета по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный, депутатов особенно беспокоит рост подростковой преступности с использованием интернет-технологий. Только в период с 2018-го по 2022-й год в три раза увеличилось количество таких противоправных деяний. Кроме того, беспокойство вызывает тот факт, что растет количество рецидивов, то есть подростки чаще стали совершать различные экстремистские преступления повторно. Нынешняя статистика: рецидивы происходят в 36% случаев. Об этом сообщил глава Комитета по молодежной политике Артем Метелев [3, с. 2].

Конечно, есть специальные органы, которые по долгу службы занимаются предотвращением экстремизма в России, но это огромная сложная педагогическая задача, которую необходимо решать всем, если мы хотим сохранить будущность российского государства как такового. Разговорами, нотациями, предупреждениями эту задачу не решить. Нужна длительная кропотливая педагогическая работа по патриотическому воспитанию от детского сада, школы до вуза. Увы, опыт такой работы утрачен. Введение отдельных элементов, таких как один раз в неделю в школе исполнять государственный гимн или один раз в год проводить специальный урок, тоже не решат проблему.

Известно, что слово «патриот» пришло к нам из Древней Греции, где под патриотизмом понимали любовь и преданность определенному обществу, готовность подчинить его интересам свои частные интересы. С тех пор прошло много веков, но и до настоящего времени патриотизм – это любовь к родине, отчизне, отечеству.

Либерально-демократическая модель общества, характерная для западного мира, особенно для Америки, также не отрицает необходимость патриотического воспитания населения. Именно оттуда пришла идея начинать день в школе с исполнения гимна страны или вывешивания национального флага над своим домом. Стержнем российской модели общественных отношений в последние годы стало то, что предлагается идеология нравственно-правового государства, построенная на традиционных духовных ценностях, заимствованных в основных религиях мира – христианстве, мусульманстве, буддизме. Отметим, однако, что генетическим началом любого мировосприятия является привязанность к «родовому гнезду», «отчому дому», с которым каждого связывают родовые корни, история и традиции семьи. Вне всякого сомнения, другим фактором мировосприятия является природа родного края. Конечно, с воспитания любви к родному дому и к природе родного края начинается патриотическое воспитание.

Здесь важно отметить, что означают понятия «родина», «отечество» и «государство». В большинстве случаев понятия «родина» и «отечество» близки по своему содержанию. Родина – это место рождения человека, оставляющее в душе его целый мир с воспоминаниями о близких людях, об особенностях быта, связь с родным языком. «Государство» – это политическая форма организации общества, имеющая в своем распоряжении специально созданный аппарат управления и принуждения: это органы, сконструированные самими людьми – полиция, армия, пенициарии, государственные учреждения. Конечно, в истории разных наций было немало примеров, когда государство начинало работать само на себя. Можно говорить о любви к своей Родине, Отечеству, но говорить о любви к государству не вполне корректно. Если правительство проводит политику, соответствующую представлениям обычных граждан о мо-

ральных нормах и ценностях, то его можно уважать и поддерживать. Если соответствия нет, то и уважения, увы, нет. В российской истории можно назвать правительства и их руководителей, которые оставили как позитивный, так и негативный след в развитии российского государства [8].

События последнего десятилетия говорят о восстановлении в российском обществе чувства уверенности в своей самодостаточности и способности занять место среди великих держав. Несмотря на многие трудности нулевых годов прошлого века, Россия в который раз смогла выйти из тяжелого положения. Была сохранена Федерация. Созданы и сохранены основы демократического строя. Экономике удалось уберечь от возможных последствий санкций. Сохранена кредитно-банковская система, началась и развивается поддержка малообеспеченных семей, материнства и многодетных семей.

Все это, безусловно, заслуживает не только одобрения, но и искреннего уважения и гордости за Отечество. Однако анализ существующих программ по противодействию проявлениям экстремизма позволяет нам констатировать односторонность освещения проблемы, недостаточную разработанность программы превентивных мер, учитывающей психологические и социально-культурные особенности асоциальных молодежных группировок экстремистской направленности. При этом наиболее существенными являются следующие противоречия:

- между необходимостью глубокого философского, исторического социокультурного анализа процессов, происходящих в сфере молодежной культуры, и острой потребностью государства и общества в научно-обоснованных практических рекомендациях по профилактике экстремизма;
- между потребностью в работе по профилактике проявлений экстремизма в молодежной среде и недостаточно-

- стью разработанности системы профилактических мер, включающих социально-педагогические условия формирования толерантности в процессе учебно-воспитательной работы;
- между потребностью в совершенствовании системы культурно-творческой деятельности подрастающего поколения и сокращением доступных для значительной части молодежи занятий по различным видам художественного и технического творчества;
 - между отсутствием авторитетных массовых общественных молодежных движений (организаций), объединяющих и воспитывающих на положительных образцах подрастающие поколения, и потребностью в консолидации и творческой реализации подростка в среде своих сверстников;
 - между задачами усиления воспитательной работы молодежи, способной к реализации жизненных перспектив, и недостаточным учетом этой задачи в системе профилактических мер по противодействию экстремизму в молодежной среде;
 - между потребностью личности школьника в самоопределении, культуре общения и взаимодействия и недостаточным уровнем сформированности этих качеств у молодых людей.

Высокая потребность разрешения выделенных противоречий определяет основную проблему научного осмысления сущности и специфики возникновения молодежного экстремизма, а также содержательных, организационных, социально-педагогических условий противодействия экстремистским установкам личности молодого человека. В теории и методике превентивных мер по противодействию экстремизму эти вопросы пока решены не в полной мере, что и определяет актуальность исследования социально-культурных условий профилактики экстремизма в молодежной среде, выявление их наиболее эффективных методов и форм.

При этом под социально-культурными условиями мы понимаем комплекс технологических компонентов современной социально-культурной деятельности, включающих:

- организационно-педагогический компонент, т. е. овладение личностью знаниями, установками и восприятием, которые необходимы для жизни в экстремальных условиях;
- социально-педагогический компонент, т. е. развитие самостоятельной активности личности, мотивированное участие в культурно-творческой, созидательной деятельности;
- кадровый компонент – процесс подготовки лидеров молодежных организаций.

Здесь также можно выделить основные направления повышения эффективности профилактики экстремизма в молодежной среде:

- работа специалистов с педагогами по включению антиэкстремистской тематики в преподавание основных дисциплин (через систему повышения квалификации и профессиональной переподготовки);
- работа специалистов с родителями по предупреждению асоциального поведения молодых людей (через организацию работы родительского университета, круглых столов, мастер-классов психологов);
- работа студентов педвузов, вузов культуры и искусства по созданию благоприятной среды в образовательном учреждении (через организацию социально-творческой деятельности молодых людей, их взаимодействие в сфере художественного и технического творчества, досуга и спорта)
- неотлагательность включения в сферу духовного опыта молодых праведного ряда художественных произведений – кино, интернет-программ, радиоспектаклей, теле-шоу, концертных представлений.

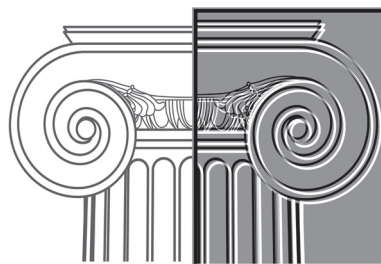

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». Санкт-Петербург: «Норинт», 2002. 1452 с.
2. Джонсон Д. Немезида. Последние дни американской республики. Москва: Столица – Принт. 2008. 80 с.
3. Замахина Т. Травлю взяли в разработку // Российская газета № 69 (9311), 29 марта 2024. С. 2.
4. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. Москва, ЭКСМО, 2008. 896 с.
5. Мазурицкий А. М. Денацификация библиотек нацистской Германии в контексте современных социально-политических реалий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 6 (116). С. 129–138.
6. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. Москва: ИНФРА-М. 2010. 480 с.
7. Ремизов М. Сможет ли Россия отделиться от Вашингтона? // Литературная газета, № 3, 2021. С. 10.
8. Чалдымов Н. А. На перепутье. Москва: Издание Школа Шаталова. 2013. 404 с.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва: АСТ. 2019. 288 с.
10. Эрлс М. Стадо: как изменить массовое поведение, используя энергию подлинно человеческой природы // Перевод с английского А. А. Калинина // Москва: ЭКСМО. 2008. 432 с.
11. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. Санкт-Петербург: Владимир Даль. 2004. 632 с.

*

Поступила в редакцию 12.06.2024

ТЕОРИЯ
И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

П ИФАГОР И ПИФАГОРЕЙСКАЯ ШКОЛА ОБ ОБРАЗОВАНИИ: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 141

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-56-64>

В. А. Волобуев

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: volobuev3@yandex.ru

В. А. Есаков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: esakov.va@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу культурного и философского наследия первых мыслителей периода античности. На фактологическом материале авторы обосновывают светскую и религиозную направленность образования в Древней Греции. Ссылаясь на широкий круг источников из истории античной философии, авторы более подробно рассматривают учение Пифагора и его последователей. Проведен анализ деятельности Пифагора, связанной с созданием философско-религиозной школы, первой в античном мире. Рассмотрены основные направления учения Пифагора, названного пифагореизмом. Проведен историко-культурный анализ различных направлений пифагореизма в гуманитарных и точных науках. На основе проведенного исследования авторы заключают, что пифагореизм явился первой античной образовательной школой. Затем авторы связывают культурологические и философские основы с современными тенденциями развития науки и общества, тем самым подчеркивая ценность идей пифагореизма.

Ключевые слова: культура, образование, светскость, религиозность, научность, философия, культурология, античная философия, Пифагор, пифагореизм.

ВОЛОБУЕВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный институт культуры

ЕСАКОВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры музыкального образования, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный работник общего образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

VOLOBUEV VIKTOR ALEKSEEVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture

ESAKOV VALERY ANATOLYEVICH – DSc in Cultural studies, CSc in Philosophy, Professor at the Department of Music Education, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Волобуев В. А., Есаков В. А., 2024

Для цитирования: Волобуев В. А., Есаков В. А. Пифагор и пифагорейская школа об образовании: культурно-философский анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 56–64. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-56-64>

PYTHAGORAS AND THE PYTHAGOREAN SCHOOL OF EDUCATION: A CULTURAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Viktor A. Volobuev

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: volobuev3@yandex.ru

Valery A. Esakov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: esakov.va@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the cultural and philosophical heritage of the first thinkers of the period of antiquity. In this article, based on factual material, the authors substantiate the secular and religious orientation of education in Ancient Greece. Referring to a wide range of sources from the history of ancient philosophy, the authors consider in more detail the teachings of Pythagoras and his followers. The following is an analysis of Pythagoras' activities related to the creation of the philosophical and religious school, the first in the ancient world. The main directions of the teaching of Pythagoras, called Pythagoreanism, are considered. The historical and cultural analysis of various areas of Pythagoreanism, ranging from the humanities to the exact sciences, is carried out. Based on the conducted research, the authors conclude that Pythagoreanism was the first ancient educational school. Then the authors connect the cultural and philosophical foundations with modern trends in the development of science and society, thereby emphasizing the value of the ideas of Pythagoreanism.

Keywords: culture, education, secularism, religiosity, scientific, philosophy, cultural studies, ancient philosophy, Pythagoras, Pythagoreanism.

For citation: Volobuev V. A., Esakov V. A. Pythagoras and the Pythagorean School of Education: a cultural and philosophical analysis. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 56–64. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-56-64>

В современных условиях развития общества идет переоценка ценностей в осознании опыта человеческой жизнедеятельности с целью использования позитивных идей прошлого в действующей образовательной практике. Современные образовательные стандарты определяют результаты образования как знания, создающие целостное мировоззрение на основе знаний из разных областей. Такие когнитивные комбинации образуют потенциал личности с комплексом различных компетенций для развития само-

стоятельности человека и последующей их реализации в дальнейшей жизни.

Одним из таких комплексных взглядов на развитие личности было учение пифагорейской школы, которая впервые в истории человечества применила системный взгляд на все процессы, происходящие вокруг развивающегося человека. Пифагорейцы коснулись всех сторон жизни. Стремление познать мироздание и объяснить его научными и чувственными способами явилось первой попыткой абстрагирования, поэтому актуальность исследований,

посвященных пифагореизму, в настоящее время приобретает новый импульс.

Однако недостаток различного рода теоретических и эмпирических материалов, имеющих отношение к осмыслению и реконструкции философского наследия первых мыслителей досократического периода античности, затрудняет не только реконструкцию общего содержания этих знаний, но и сам процесс распространения и передачи их в формах образовательной деятельности, в том числе и моделях светского и религиозного характера.

Интересен вопрос о том, когда произошел «запуск» античной образовательной парадигмы. Отсутствие ясности в вопросе исходной (стартовой) точки начального момента отсчета философского знания и моментов его генезиса ставит исследователя в ситуацию необходимости обратиться к некоторым вопросам происхождения как самой философии, так и становлению образования в Древней Греции, в частности – аспектам его светской и религиозной направленности [2]. Попытаемся рассмотреть некоторые подходы осмысления этого вопроса в русле материалов истории античной философии. В рамках этого исследования рассмотрим учение Пифагора и его последователей.

Анализ аспектов образования, связанных с Пифагором, его научно-профессиональной деятельностью, затрудняется в связи с тем, что труды Пифагора, а тем более оригиналы, до нашего времени не сохранились. В связи с этим анализ можно осуществить (что мы и пытаемся сделать) только по записям, сделанным значительно позднее, например, по материалам так называемых доксграфов, и высказываниям философов более позднего времени, включая современность.

Для начала остановимся на биографии Пифагора Самосского (вторая половина VI в. – начало V в. до н. э.). Пифагор, по ряду версий, – это не имя, а прозвище, означающее «убеждающий речью». По другим источникам, например, легенде, гласившей, что родители будущего мыслителя, отправились в свадебное путешествие в Дельфы, где им встретился местный оракул, сообщивший им, что вско-

ре у них родится сын, которому предрешиено быть мудрецом. Пророчество сбылось, и сына нарекли Пифагором в честь Пифии – жрицы бога Аполлона. Пифагор – сын резчика драгоценных камней, по другой версии – сын купца Мнесарха, родился на острове Самос (Иония). С раннего детства мальчик заинтересовался науками, поскольку обладал уникальными познавательными способностями. Музыка, живописи, риторике, чтению и письму его обучал Гермодамант. С 18 лет его наставником был Ферекид Сиросский, обучавший его знаниям в области медицины, космологии, физике и ряду других наук. Вскоре Пифагор отправляется в город Милет, чтобы обучаться у Фалеса, который преподавал в первой греческой школе, где, наряду с другими дисциплинами, преподавалась и философия [1, с. 54].

Пифагор пополнял свои знания не только в Ионии, но и за ее пределами. Для Пифагора, как и «для ранних греческих философов <...> было обычным делом набираться знаний на Востоке» [1, с. 55]. Затем Пифагор уезжает в Египет, где знакомится с жрецами и магами, затем переезжает в Вавилон (есть данные о том, что это его вторая поездка; первое пребывание связано с тем обстоятельством, что еще юношей он попал в плен к персидским завоевателям его родины и его пребывание было связано с Вавилоном), после этого он посещает Индию. В общей сложности в странах Востока он находился более 10 лет, где знакомится с различными науками, знаниями и искусствами в различных областях. Греки, обучаясь в странах Востока не просто впитывали, получаемые знания, они, добывая информацию, старались не только осмыслить ее, а понять природу тех или иных проблем умозрительно, то есть теоретически. Именно с этого момента «теоретический склад ума и метод мышления абстракциями стал приоритетным для науки. Греки <...> поставили на первое место «чистую мысль», метод дедукции как основополагающий и в науке, и в образовании» [1, с. 55]. Что касается Пифагора, то со временем, пополнив свои знания на Востоке, он перемещается по территории Западной Европы.

Здесь отметим, что метод дедукции, который появился в этот период, является одним из важных методов исследования и используется во всех науках, в том числе в культурологии. Ученые культурологи активно используют метод дедукции вместе с методом индукции в современных научных культурологических и социологических исследованиях. Особенно часто они используются в эмпирических исследованиях.

Продолжая освещение биографии Пифагора, отметим, что он в 532 году приезжает в полис Кротон (Южная Италия), в котором он первый (среди философов) создает философско-религиозную школу. Эта школа по количеству учеников, насчитывающая от 300 до 2000 человек, приближалась к Платоновской Академии, созданной несколько позднее. Таковы основные этапы жизни и деятельности Пифагора.

Далее продолжим анализ учения Пифагора, который получил название пифагореизм. Это течение исследовалось и продолжает изучаться в трудах западных и российских ученых, так как представляет значительный научный интерес для всех областей знаний, в том числе для философии и культурологии. Кроме этого, пифагореизм исследуется в точных науках.

Пифагореизм имеет долгий генезис и оказал огромное влияние на развитие культуры в Древней Греции и вообще Древнего Мира. Пифагорейцы имели определенную систему ценностей касательно политических практик. Представители этого течения предполагали, что их теория объединяет знания и мышление. И в тот период это было новаторством. Об этом в своих трудах отмечал Philip G. A. [10].

Возвращаясь к деятельности школы в Кротоне, заметим, что с этой школой связана «первая вершина» пифагореизма – политическая. В учебном процессе школа обучала аристократическому образу правления, что в конечном итоге на практике привело к столкновению с полисной демократией (общественностью) в 450 году в Кротоне, что произошло в результате неприятия этой линии обучения, поскольку она противоречила существующей традиции на практике. В результате столкновения школа-община была разгромлена, сожжена, часть уче-

ников и преподавателей были убиты; по некоторым данным, погиб и сам основатель школы, другие источники отмечают, что он все же остался жив, убежав от преследований. Разгрому пифагорейской школы-общины подверглись ее представительства и в других городах. Всего в списках Ямвлиха из 25 городов значилось 218 ученых-пифагорейцев (то есть преподавателей), осуществляющих учебный процесс и подготовку желающих получить необходимое для них образование. Окончательная ликвидация пифагорейской школы-сообщества состоялось в 430 году в Таренте, которой руководил Архит Тарентский. В итоге школа продолжала свое развитие на различных территориях античной Греции в местах пифагорейской диаспоры (рассеяния) в различных учебных образованиях – в форме лицей, например, и др.

У пифагорейцев обучение в школе было регламентированным и строгим. Стать учеником пифагорейской школы было сложно. Но самым трудным был сам процесс многолетнего обучения. Обучающиеся делились на две различные группы:

1-я группа – акусматика; по существу это послушники (слушатели), которые обязаны были в течение пяти лет только слушать своего учителя, «впитывая» знания. При этом они должны были воздерживаться от суждений, что позволяет обучающемуся сохранять живость ума и мысли, так как он (ученик) таким образом скорее усваивает материал и учится умению слушать (по Гегелю), а также понимать других. Таким образом, для слушателей школы был организован внешний (эзотерический) вариант организации учебного процесса; например, они заучивали наизусть акусмы (изречения). Можно отметить, что при такой организации обучения в большей степени получает свое развитие светская пифагорейская образовательная традиция. Однако, судя по названию этой школы, в Кротоне создается философско-религиозная школа, в которой был заложен потенциал, позволявший вести занятия по религиозным и светским областям знаний.

2-я группа – это математики, то есть ученые. Для них был организован расширенный

учебный процесс, включающий вопросно-ответный аспект. В целом математики усваивали внутреннюю (экзотерическую), то есть содержательно-научную область знаний, – логику, методологию, закономерности и так далее.

Кроме этого особенностью пифагорейской традиции является тот факт, что, закончив обучение, воспитанники были обязаны сохранять в тайне для всех непосвященных (то есть не прошедших пифагорейскую подготовку) все то, чему их учили. Эта позиция закрытости пифагорейской образовательной системы, ее внутренние требования, конечно, противостоят и диктуют необходимость дальнейшего изучения и прояснения проблем пифагореизма в этом аспекте [7; 3]. Однако, несмотря на ряд вопросов, которые желательнее еще прояснить, можно уже совершенно уверенно констатировать то бесспорное обстоятельство, что Пифагор – первый учитель в Греции, который организовал школу по преподаванию наук и сам вел занятия в ней. Его предшественники сообщали свои идеи (достижения) другим.

Из трех компонентов пифагореизма – религиозно-мифологического, научного (математического) и философского – мы уделим внимание последнему, то есть философскому. К нему следует в первую очередь отнести то, что философ (по Пифагору), и это отметил Г.В.Ф. Гегель, имеет «отношение к мудрости как любимому предмету, это отношение есть размышление, оно не есть единственно лишь голое бытие, а такое, которое осознается также в мысли» [4].

Будучи продолжателем Милетской традиции, Пифагор, размышляя над проблемой начала всего сущего, где уже сказали свое слово Фалес (для него это «архе», то есть вода, влага), Анаксимандр («апейрон» – воздух), Гераклит («огонь»), началом истинно сущего считает число – «оно и сущее, и оно же и средство постижения сущего» [1, с. 54]. Объясняя свою концепцию, Пифагор полагал, что объяснение первоначала всего сущего на словах неубедительно и поэтому для ясности и четкости его разъяснения в обучении надо прибегать к числам (арифметике) и фигурам (геометрии) [8; 1]. Таким образом, для более убедительного разъяс-

нения вопроса о первоначале всего сущего, взяв за основу число – цифры и геометрические фигуры, мыслитель попытался объяснить мир и место человека в нем.

Таким образом, нововведение «числа» в вопросе первоначала всего сущего «позволяют считать Пифагора великим мыслителем и новатором в области становления теоретической области науки. Тем более общеизвестно, что название философии как области знания и как учебному предмету тоже дал Пифагор. И эти два фактора только добавляют ему значимости.

У пифагорейцев число не только начало всех вещей, но и сущность всех вещей, а также их первооснова и первоначало. Вместе с этим Пифагор относил числа к священным, божественным. И тогда число, с одной стороны, как сущность, отражаемая в мышлении человека, принимает форму философского осмысления нематериального, идеалистического порядка, а с другой стороны, число есть высшая конкретная предметная, объективная, то есть материалистическая составляющая: оно есть цифра (единица, двойка, тройка и так далее.). Число придает философии Пифагора дуалистический характер, хотя о разграничении этого дуализма в философии Пифагора говорить не приходится, это произойдет в полной мере в учении Платона. Число, в отличие от других воззрений, всегда конкретно, и эта конкретность в учении пифагорейцев играет свою роль [8; 9].

В основании чисел лежит *единица* – как первое совершенное первоначало всего сущего. Следующее число *двоица* – прибавление к ее совершенной сущности первого первоначала. В *троице* единица достигает своей реальности: к первому совершенному прибавляется двоица. Создав философское учение о числе, пифагорейцы перешли к дедуктивно-теоретическому познанию реальности и перенесли это в обучение, а также – в образование [1, с. 66].

Пифагореизм в своем развитии представлял тщательно разработанную систему специально-научного знания (учение о противоположностях, учение о душе и др.), однако философия в их научной сфере играла ключевую роль.

Далее проанализируем диалектику пифагореизма. Диалектика имеет место в учении Пифагора, хотя и представлена довольно скромно в сравнении с Гераклитом. Его диалектика связана с учением о противоположностях и носит в большей степени характер противопоставлений. Противоположности представлены парами – их 10 (десять по Аристотелю), но никакой их характеристики, а тем более об их взаимоотношениях и взаимосвязях нет вовсе. Это краткий набросок и не более.

Коснемся вопросов, связанных с учением о душе. Понятие «души» занимает особое место в древнегреческой философии. Душе (псюхе) достойное место отводит уже Гомер. Он представляет душу как жизненную силу, которая живет в человеке до конца его земной жизни и после смерти. У пифагорейцев душа стала представляться как «демон», как бессмертное существо божественного происхождения, которое вечно странствует, переходя из одного тела в другое; тело человека для души – это могила и ее временное пристанище [1, с. 62].

Пифагор продолжил учение о метемпсихозе (перевоплощении), которое он воспринял от своего учителя Ферекида Сиросского и придал ему своеобразный импульс. У Пифагора в учении о метемпсихозе появилась тема «памяти души» о своей прежней жизни, которая несколько позднее станет одной из проблем (тем) его философского учения.

Душа состоит из трех частей – это ум (*nys*), рассудок (*phren*) и страсть (*thymos*), однако пифагореизм не дает ответа на вопрос, как они взаимодействуют. Уделяется вопрос инкарнации. При этом констатируется, что инкарнаций может быть множество, но кульминацией каждой из них должен быть катарсис (очищение). В своей телесной жизни человек, для достижения катарсиса, должен быть вегетарианцем, а также заниматься математикой и музыкой. Пифагор был противником жертвоприношений и, как следствие, воздерживался от употребления мясных продуктов, что противоречило греческой народной религии того времени, чем навлек недовольство местного населения, т. е. своих сограждан демократов, на себя и школу.

Космологические взгляды пифагорейцев занимают достойное место в их учении. Они оказали достойное влияние на науку, образование и обучение. Известно, что слово «космос» как «украшение», «порядок» использовал еще Гомер. Однако у Пифагора «Космос – бездна, и в этой бездне, где-то в середине ее, находится огонь – это зародилась «огненная единица», она вдыхает в себя беспредельное (воздух и огонь), и эта единица и оформляет космос, единица порождает двойку, тройку, четверку, а они эквивалентны возникающим космическим телам: линии, плоскости и объемному телу (телам)» [1, с. 66].

Пифагор, выдвигая идею множественности миров, предложил еще одну картину-версию мироздания, оказавшуюся достойной последующего развития. А именно: соотношение предельности и беспредельности во Вселенной, они мыслителем характеризуются определенной гармонией, в основании «которой лежит мера». Это означает, что мир предстает как гармоническая целостность, которая подчинена законообразности (Логосу – у Гераклита, числу – у Пифагора [1, с. 67].

Многие интуитивные догадки Пифагора и его последователей носят гениальную направленность: мир, возникнув в процессе гармонического сложения (сочетания предела и беспредела), принимает форму шара (как и все космические тела); движение Земли и других планет осуществляется по правильным орбитам, при этом Пифагор рассчитывает скорость движения планет [1, с. 67]. Что в условиях сочетания ростков светских традиций (математики, астрономии) и религиозных – магов, гадалок и др. явилось «великим прорывом» для дальнейшего развития интеллектуальной культуры в целом, науки и образования, в частности.

На общекультурную и образовательную парадигму античных греков оказали значительное влияние этические и социальные взгляды пифагорейцев. Общеизвестно, что пифагорейский союз, будучи консервативным (они отстаивали сформированные старшими поколениями традиции, боролись за сохранение патриархальности и т. п.), направили против себя демократически настроенных граждан, что привело к разгрому их школы в Кротоне, где

погибли его последователи; по одной из версий эта же участь постигла и Пифагора. Уже из этого эпизода вполне понятно, что пифагорейцы принимали участия в общественной практике, их практическая философия проявляла себя «в форме нравственной жизни» [1, с. 68].

В целом этика пифагорейцев очень строгая: ориентирует человека к оценке самого себя, возвышает душу человека над повседневностью, мелочами жизни, некоторыми внешними вопросами. Хотя общая тенденция развития науки и культуры в целом состояла в том, «что греческие мыслители все более и более переходили от изучения природы (натурфилософии) к изучению человека, его природы как субъекта и объекта познания, человеческого общества, дотоле целиком вписанного в природу и повиновавшегося законам «космоса»» [1, с. 66]. Более того, например, философия этого периода в своем развитии постепенно способствует «секуляции» человеческого сознания и мышления, то есть идет процесс освобождения всех сфер общественной и частной жизни из-под контроля религии в сторону мирской, светской [5; 6].

Организационно пифагорейская школа-общество была построена на принципах гетерии, то есть личных отношениях, подкрепленных авторитетом руководителя («Сам сказал»..., и слово Учителя принималась на веру беспрекословно), строгой дисциплиной и т. п. Нравственный аспект, как обязательное позитивное отношение обучающихся к занятиям, был приоритетным, а также – послушание, занятия наукой, математикой и обязательное занятие музыкой. Одновременно (как впоследствии у Платона) отрицались собственность, погоня за внешними благами жизни, тщеславие, высокомерие и пр.

Общеизвестно, что выделить в пифагореизме ту часть учения, которая принадлежит самому учителю, представляется сложным, хотя «Сам сказал, т. е. Учитель», все же является вершиной пифагорейской педагогической системы. Что касается самой философии последователями Пифагора, то в лучшем случае им принадлежит развитие тех или иных граней той науки, которую выработал их

учитель. Особенно ими хорошо представлена светская линия науки, внесшая огромный ценный вклад в образовательный и цивилизационный процесс (об этом скажем далее).

Вместе с тем одной из особенностей пифагореизма является тот фактор, что они многое сделали в сфере частно-научных знаний. Иными словами, «пифагореизм был первой философской школой, в недрах которой начали развиваться другие науки, носящие прикладной характер» [1, с. 67].

В данном материале мы коснемся некоторых идей наиболее значительных пифагорейцев-ученых – Филолая, Алкмеона, Гипсаса (V в) и Архита Тарентского (IV в.), с которыми и заканчивается доплатоновский пифагореизм.

Филолай – один из крупнейших представителей пифагорейской школы после Учителя. Он был современником Сократа. Он уцелел во время разгрома пифагорейцев в Кротоне и оттуда бежал в Фивы. Его одно из опубликованных произведений называлось традиционно – «Природа», в котором Филолай поддерживает учение Пифагора.

Филолай больше ученый светской направленности, чем философ. Однако он подчеркивал, как и Пифагор, его учитель, что все, что существует в этом мире, «можно определить числом, математической моделью» [1, с. 68].

Филолай, касаясь философии, утверждает, что природа с самого начала своего образования возникла из соединения беспредельного и предела, поэтому весь мировой порядок и все, что в нем представлено, и есть соединение этих двух начал: «если бы все было беспредельным, то (оно) совершенно не могло быть предметом познания» [1, с. 66].

Число выступает, с одной стороны, как фактор ограничения беспредельного пространства, а с другой как мера, в том числе и космоса, в котором «различные, разнородные и различным образом устроенные элементы должны быть по необходимости связаны такой гармонией, которая удержала бы их вместе в космосе» [1, с. 68].

Таким образом, Филолай является крупным представителем из последователей Пифагора. Он написал книгу под названием «Природа», где

один из первых «придал письму учение Пифагора». В частности, он отметил, что все что познаваемо, имеет число, без которого ничего нельзя проследить, а тем более познать. Существующее в мире «можно определить числом, математической моделью». Именно эти слова Филолая точно передают концепцию пифагореизма.

Филолай высвечивает отдельные, в то же время концептуальные положения пифагореизма – значение числа как принципа оформленности и познаваемости мира; уточняет и конкретизирует границы беспредельного и предела; число выступает как мера и как число-мера и др.

Филолай один из самых значительных последователей Пифагора. Вклад в сферу науки и образования других пифагорейцев V века хотя и невелик, но о некоторых научных изысканиях мы считаем возможным сказать. Акмеон Кротонский (первая половина V в.). Немногие его положения можно отнести к пифагорейству. Однако его можно характеризовать как врача и как основателя Кротонской медицинской школы. Он был врачом прагматиком, в большей степени тяготел в своих научно-медицинских изысканиях к экспериментальной деятельности. Акмеон считает, что нарушение взаимодействия между сторонами отдельных органов (особенно не совсем здоровых) действительно может привести к заболеванию.

Акмеон был первым анатомом, нарушившим традицию, которая запрещала вскрытие трупов. В целом его анатомические изыскания способствовали важным открытиям в области физиологии человека. Отметим, что китайские медицинские работники не решились на анатомирование и были вынуждены изобрести иглоукальвание, чтобы бескровно (а точнее – без вторжения во внутренние органы) лечить человека. Он проявил для того времени особый медицинский дар невропатолога (невролога) и физиолога: «открыл нервы, ведущие от органов чувств к мозгу, в том числе от мозга к глазным впадинам <...> определил, что мозг – это «технический» орган мышления и ощущения. Отмечен был и тот факт, что ощущения свойственны и человеку и животным, но последние не обладают способностью к мышлению. Он

предлагал и другие методы лечения болезней внутренних органов человека, такие как диетическое питание и гимнастика.

На наш взгляд, Акмеона можно все же (хотя и с некоторой «натяжкой») отнести к инициаторам философско-антропологического подхода лечения человека средствами медицины.

Таким образом, мы согласны с мнением Р. А. Басова в том, что с появлением в античности Акмеона из Кротона «появилась на свет медицина как с элементами философского, так и экспериментально характера, хотя в большей степени эта традиция светской направленности».

Гиппас из Метапонта (первая половина V в.). В сфере математики ему принадлежит открытие иррациональных величин и свойства несоизмеримости. По мнению И. Д. Рожанского [9], это достижение явилось поворотным моментом в истории древней математики в виду того, что нарушаются *целые* числовые соотношения (что противоречило целостности числа по пифагореизму).

Таким образом, Гиппас как можно проследить по направленности его научной деятельности, является характерным представителем светской традиции. Однако его причастность к мистической линии, то есть обнаружение духа секретности, нарушения целостности числа (числовых соотношений) свидетельствует если не о религиозности в его деятельности, то выявляет направленность возможного мистицизма.

Архит Таренский – представитель пифагорейской школы в Спарте, который семь раз был главнокомандующим вооруженными силами «Великой Греции» и ни разу не был побежден. Архит – современник Платона и был дружен с ним (1, с. 70). Архит, по заслугам политического деятеля и человека, пользовался большой популярностью и уважением своих сограждан.

В традиции Пифагора Архит считал, что число и его величина, по существу, есть «две единые первичные формы существующего». Однако предпочтение он отдавал арифметике, которая отличается совершенством знания [1, с. 70].

Архита интересовали и проблемы заботы о подрастающем поколении, например, изобретение игрушек: сделанная им модель летающего

голубя – игрушка-подарок детям на века. Как и подавляющее большинство пифагорейцев, Архит Таренский относился к изучению музыки не как к развлекательному, прикладному искусству, а как к науке, а именно: он искал в ней «соответствия с разумом» [1, с. 70].

Итак, Архит Таренский, будучи уважаемым человеком своего народа, а также значительным государственным деятелем, выполнял важную роль военачальника и руководителя полиса Спарты, а также поддерживал образовательную традицию своего региона, выполнял большую роль в деле развития науки, считая и музыку ее элементом. Все это подтверждает его приверженность в большей степени к светской научной и образовательной парадигме.

Таким образом, Пифагор и пифагореизм, несмотря на объективные сложности с наличием фактологического материала, позволяют считать, что это первая в европейской культуре и науке античная образовательная школа, где ее автор (Пифагор) и его последователи сами явились ее разработчиками, учеными и (что важно) сами явились преподавателями. И пре-

жде всего они участвовали в создании открытого Пифагором в Кротоне учебного заведения философско-религиозной направленности (о чем мы выше уже писали), где стали впервые преподаваться научные предметы, включая естественно-научную тематику (математика, геометрия), а также преподавалась музыка как научная дисциплина. В пифагореизме философский подход впервые осуществлен в системе учебного процесса.

Отметим, что пифагореизм стал отправной точкой развития науки в античном мире. Идеи, разработанные представителями пифагореизма, послужили мощным толчком для развития различных отраслей знания. При них появилось абстрактное мышление в своем зачаточном виде, что было феноменальным явлением. Дальнейшее развитие культуры и науки происходило в более поздние времена на той основе, которую подготовили представители пифагореизма. Их научные мысли поражают своей глубиной и широким охватом сущности мироздания, многие их идеи остаются актуальными и в настоящее время.

Список литературы

1. Басов Р. Х. История древнегреческой философии от Фалеса до Аристотеля / Москва: ЗАО «Издательский Дом «Летопись XXI», 2002. 416 с.
2. Богомолов А. С. Античная философия. Москва: Высшая школа, 2006. 392 с.
3. Волошинов А. В. Пифагор: Союз истины, добра и красоты. Москва: Просвещение, 1993. 224 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 799 с.
5. Есаков В. А. Современный мегаполис и проблемы развития его социальной сферы: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 071401 Социально-культурная деятельность. Москва: Московский государственный университет культуры и искусств, 2007. 75 с.
6. Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. Москва: Наука, 1990. 190 с.
7. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. Москва: Мысль, 1994. 919 с.
8. Особенности философии Пифагора. [Электронный ресурс]. URL: <https://mystroimmir.ru/filosofiya/pifagor.html>
9. Рожанский И. Д. Античная наука / Серия: история науки и техники. М.: Наука, 1980. 199 с.
10. PHILIP J. A. Pythagoras and Early Pythagoreanism. University of Toronto Press, 1966. P. 215.

*

Поступила в редакцию 10.06.2024

К

УЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ИММАНУИЛА КАНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 101.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-65-73>

Т. Н. Сумина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: tsuminova@yandex.ru

Аннотация. В статье предлагается авторская трактовка культурфилософских идей Иммануила Канта, классика немецкой трансцендентально-критической философии, рассматриваемых в контексте смысловых концепций современности. Констатируется, что Кант сгенерировал уникальный интеллектуальный «поток сознания» (У. Джеймс), в котором отражены идеи о величайшей духовной, гуманистической и культуротворческой миссии философии. В информационной цивилизации актуальны теоретико-методологические основы Иммануила Канта, способствующие рациональному осуществлению человеком жизнетворческой активности для достижения стратегического устойчивого развития политики и солидарной экономики России. Значимы идеи Канта о сути жизни личности через телеологию, о культуре как системе гуманистических ценностей человека, о категорическом императиве, содействующем самоактуализации человека, что соответствует одной из целей государственной культурной политики, связанной с формированием гармонично развитой личности с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. В контексте антропологического кризиса актуальным является то, что в основе философской системы Канта отражается единство Истины, Добра, Красоты человека, занимающегося творчеством в сфере культуры, направляемом художественной интуицией. Подчеркивается важная для современности трактовка Кантом сущности человека как природного существа и разума, искусства как особого средства, приближающего человека к гармонии, поскольку искусство есть красота, созданная человеком через разум. Утверждается, что в вихре перемен различных коллизий и трансформаций думающему человеку-гражданину России логично жить согласно одной из ключевых идей Канта: «звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Культурфилософские идеи Иммануила Канта трактуются как генерализационные векторы трактовки турбулентных трансформаций реальности, культуры и человека. Через генерацию таковых идей философ способствовал осуществлению «игры в бисер» (Г. Гессе) «препарируемых» концептов реальности для создания завершающего понимания и постижения многослойного Текста мира культуры.

Ключевые слова: Иммануил Кант, культурфилософские идеи, турбулентная реальность, социокультурные трансформации, категорический императив, Текст мира культуры, гармонично развитая личность, солидарная Россия, государственная культурная политика, антропологический кризис, традиционные российские духовно-нравственные ценности.

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, директор Издательского центра, Московский государственный институт культуры

SUMINOVA TATIANA NIKOLAEVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Social and Cultural Activity, Publishing Center Director, Moscow State Institute of Culture

© Сумина Т. Н., 2024

Для цитирования: Суминова Т. Н. Культурфилософские идеи Иммануила Канта в контексте современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 65–73. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-65-73>

CULTURAL AND PHILOSOPHICAL IDEAS OF IMMANUEL KANT IN THE CONTEXT OF MODERNITY

Tatiana N. Suminova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: tsuminova@yandex.ru

Abstract. The article offers the author's interpretation of the cultural philosophical ideas of Immanuel Kant, a classic of German transcendental critical philosophy, considered in the context of «dissected» semantic concepts of modernity. It is stated that Kant generated a unique intellectual «stream of consciousness» (W. James), which reflects ideas about the greatest spiritual, humanistic and cultural mission of philosophy. In the information civilization, the theoretical and methodological foundations of Immanuel Kant are relevant, contributing to the rational implementation of human life-creating activity in order to achieve strategic sustainable development of politics and the solidary economy of Russia. Kant's ideas about the essence of the life of the individual through teleology, about culture as a system of humanistic values of man, about the categorical imperative, promoting self-actualization of man, which corresponds to one of the goals of the state cultural policy associated with the formation of a harmoniously developed personality with traditional Russian spiritual and moral values, are significant. In the context of the anthropological crisis, it is archiactical that the basis of Kant's philosophical system reflects the unity of Truth, Goodness, and Beauty of a person engaged in creative work in the field of culture, guided by artistic intuition. Kant's interpretation of the essence of man as a natural being and mind, art as a special means of bringing a person closer to harmony, since art is beauty created by man through reason, is emphasized. It is argued that in the whirlwind of changes of various collisions and transformations, it is logical for a thinking person, a citizen of Russia, to live according to one of Kant's key ideas: «the starry sky above me and the moral law in me». Immanuel Kant's cultural and philosophical ideas are interpreted as generalization vectors of interpretation of turbulent transformations of reality, culture and man. Through the generation of such ideas, the philosopher contributed to the implementation of the «bead game» (G. Hesse) «dissected» concepts of reality to create a final understanding and comprehension of the multi-layered Text of the cultural world.

Keywords: Immanuel Kant, cultural and philosophical ideas, turbulent reality, socio-cultural transformations, categorical imperative, Text of the world of culture, harmoniously developed personality, solidary Russia, state cultural policy, anthropological crisis, traditional Russian spiritual and moral values.

For citation: Suminova T. N. Cultural and philosophical ideas of Immanuel Kant in the context of modernity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 65–73. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-65-73>

Современная реальность – это своего рода «футурошок» [15] как результат вихрей постоянных турбулентных трансформаций, генерируемых возрастающим темпоритмом перемен /вызовов /рисков, которые проявляются на протяжении последних нескольких десятилетий.

Устойчивый, простой, определенный и понятный SPOD-мир (с 1945 до 1980-х годов) мутировал в нестабильный, неопределенный, сложный и аморфный VUCA-мир [20] (с 1980-х до 2020 года). На протяжении 1990-х годов такое обозначение реальности получило широчайшее распространение,

а в начале 2000-х – стало активно использоваться в различных изданиях, раскрывающих сущность управления планированием и генерацией бизнес-стратегий. Для того, чтобы в условиях этого неоднозначного VUCA-мира наиболее эффективно осуществлять жизнетворческую деятельность, предлагалось предпринимать некоторые логичные действия как составляющие новой модели реальности – VUCA Prime [7], в контексте которой изменчивость заменять на видение; неопределенность – на понимание; сложность – на ясность; неоднозначность – на подвижность, динамичность [9].

С течением времени сгенерированные модели /сценарии как инструменты /драйверы VUCA-мира перестали быть адекватными. И поэтому возникла необходимость поиска как новых механизмов для постижения масштабов возникших изменений /разрушений (внешнеполитические и экономические процессы, пандемия COVID-19, мировой локдаун и т. д.), приведших к хаосу (политическому, экологическому, экономическому, социокультурному, гуманитарному и т. д.), так и новых вариантов выстраивания стратегий динамики развития цивилизованного мира.

Обозначенные изменения реальности отличает ее качественно-количественное состояние, являющееся доведенным до экстремального /категорического состояния VUCA-миром, который с 2017 года /или с 2020 года трансформировался в хрупкий, тревожный, нелинейный и непостижимый BANI-мир [26]. Неслучайно футуролог Ж. Каширо, автор данного акронима [22], предложил воспринимать новую реальность не в качестве туманной неопределенности VUCA-мира, а как многомерное пространство Хаоса. При этом составляющие такового мира могут быть ослаблены более интересными и значимыми современными «гранями», например, хрупкость можно заменить на устойчивость и слабость, беспокойство – на внимательность и эмпатию, нелинейность – на гибкость и контекст, непостижимость – на интуицию и прозрачность [11].

Следующий смысловой вариант концепции современной реальности – это турбулентный, случайный, хаотичный и враждебный TACI-мир [2], а с 2022 года – расщепленный, ужасный, невообразимый, беспощадный, возрождающийся SHIVA-мир [8], приводящий как к крушению прежнего, так и к генерации нового мира [12]. Данное обозначение современной реальности логично связывается с именем одного из божеств тримурти как триады индуистского пантеона, а именно Брахма, Вишну, Шива. Каждому из таковых, безусловно, отводится особая роль в Брахмане как духовном начале единого целого /Вселенной: Брахма – Создатель, Вишну – Хранитель, а Шива – не столько Разрушитель, сколько расчищающий Вселенную для ее перерождения и последующей соответствующей работы Брахмы. Таким образом, Шива вновь запускает Колесо Сансары для появления нового цикла «жизни» все и вся.

Этот жестокий, страшный SHIVA-мир вынуждает человека находиться в постоянном напряжении из-за появления «черных лебедей» как редких маловероятных событий, имеющих внушительные последствия [14]. Однако человек как разумное и волевое социальное существо во все времена убежден, что после периода Хаоса обязательно наступит Ренессанс Истины, Добра, Красоты, Любви и Гармонии – классических духовно-нравственных ценностей.

Кроме того, любопытным видится предложенное британским социологом и политическим философом З. Бауманом метафорическое обозначение реальности /эпохи бытия человечества со второй половины XX века, то есть эпохи постмодерна, как «текучей современности» [1] (liquid modernity). В отличие от прежнего сложного структурированного мира со спектром обязательств и условий новый «легкий» мир является гибким, пластичным, текучим и свободным от каких-либо условий и границ, но всё-таки – с непредсказуемостью, тревогой, непостоянством и возникающим непонятно откуда текучим страхом. Все это порождает нерешительность и неу-

веренность человека принимать какие-либо решения, поскольку для этого недостаточно четкой, конкретной, понятной информации.

Вышеобозначенные смысловые концепции современной реальности, а также четвертая промышленная революция [25] и опережающие время технологии таковой [18], генерируют и отражают спектр вызовов геополитического, социокультурного, экономического, антропологического характера. Все это категорическим образом влияет на жизнь, идентичность и одномерность человека, на экономику, технологическую систему, прозрачность мира и т. д.

В этой связи достаточно актуальным является обращение к культурфилософским идеям Иммануила Канта, 300-летний юбилей со дня рождения которого цивилизованный мир отметил в апреле этого года.

Иммануил Кант – это один из ярчайших философов-гуру немецкой трансцендентально-критической философии как уникального интеллектуального / мировоззренческого канона, в котором сфокусирована в концентрированном виде вся предшествующая эпохальная мысль культуры и цивилизаций.

Именно данный величайший представитель «немецкой классической философии» (Ф. Энгельс) Западной Европы сгенерировал уникальный интеллектуальный «поток сознания» (У. Джеймс), в котором получили отражение идеи о величайшей духовной, гуманистической и культуротворческой миссии философии как науки наук / матери всех наук. Неслучайно, что именно Кант обозначил несколько значимых для всех времен вопросов философии как критической совести культуры через рефлексию разума человека: «Что я могу знать?» (метафизика), «Что я должен делать?» (мораль), «На что я смею надеяться?» (религия), «Что такое человек?» (антропология).

Оказавшись в третьем тысячелетии – эпохе ноосферы как эпохе нового творческого, духовного зона бытия, – мировое сообщество продолжает задумываться над целым рядом проблем, среди которых – проблема обретения

устойчивой духовности, нахождения смысла жизни и гармонии.

В этой связи подчеркнем, что Кант трактовал разум как особую способность человека мыслить безусловное и беспредельное. В качестве предметов познания разума выступают Бог, свобода и бессмертие [5, с. 517]. Кроме того, разум имеет диалектическую природу, проявляющуюся в его противоречивости. Ведь лишь разуму подвластна генерация логически равных, но контентно противоположных суждений как антиномии, которая есть не нечто выдуманное само собой, а противоречие, базирующееся на природе разума человека. Вот почему антиномия значима и для разума и для процесса познания.

Человек как природное существо, подчиняющееся законам природы и необходимости, есть арена борьбы частных эгоистических интересов, что приводит к подчинению тирании чувств, царству своекорыстия, «эстетическому» эгоизму. Однако как априорная и чистая форма общности, человек находится в гармонии с самим собой и с заложенным в потустороннем мире нравственным законом. Эта чистая форма нравственности только лишь угадывалась и проявлялась в современном Канту социуме, обозначаемом им как «необщительная общность».

Во все времена в качестве единственного средства для пробуждения в душе человека глубоких переживаний является искусство, через которое происходит продвижение человека к совершенному миру, устойчивости, абсолютной гармонии бытия. Сфера искусства синтезирует мир, пронизывает его многогранность, сохраняет целостность восприятия, одухотворяет бытие индивида и интегрирует его в мировое культурное пространство.

Кант полагал, что гармония человека и его способностей, гармония интересов и чувств в мире опыта человека недостижима, а возможно лишь бесконечное приближение к этому идеалу.

Философ обращался к искусству как к особому средству установления связи между двумя мирами – природой и свободой. Кроме

того, он разделял иллюзию просветительской эстетики о том, что посредством эстетической формы можно достичь гармонии интересов человека, укротить и культивировать врожденное своекорыстие людей.

Кант справедливо утверждал, что именно искусство способно приблизить человека к гармоническому состоянию. Гармония отождествлялась философом с понятием свободы, с представлением о свободном развитии природы человека, которая обозначалась им в качестве постулата, идеала, желаемого, но труднодостижимого состояния.

Человек в этом мире – частица, вращающаяся в спиральном водовороте бытия. Кант не только предлагал рассматривать человека не как средство, а как цель, поскольку важным источником бытия человека является необходимость личной свободы, чувство долга, мораль и нравственность, но и следовал таковым правилам. Отсюда характер человека, согласно мыслителю, – это способность действовать согласно принципам.

Мировоззренческие трансформации концепций предшествующих эпох сгенерировали в условиях информационного социума [23], или постиндустриального социума [19], или информационной эпохи [6], или даже супериндустриального общества как сложной и динамичной целостности с высокоуровневой технологией и постматериалистической системой ценностей [15], современную матрицу Текста культуры, рассматриваемую аксиологию, герменевтику, семиотику и т. д.

Интересно, что если Д. Белл в 1960-х – 1970-х годах называл общество постиндустриальным, поскольку ключевым элементом такового являются знания, информация, интеллектуальные технологии, то З. Бжежинский утверждал, что динамика развития вычислительной техники и средств массовой информации, происходившая в обозначенное время в Америке, способствует трансформации постиндустриального социума в технотронное общество [21]. В таком социуме технологии оказывают колоссальное влияние на все «грани» жизнедеятельности человека, который,

как и его разум становятся объектами тотального контроля. Все это, безусловно, негативно влияет на духовную и нравственную составляющие человека.

В контексте технотронной эры, в которой находится современный цивилизованный мир, достаточно ярко проявляется антропологический кризис, связанный «с уничтожением человеческого в человеке» [13]. На это делают акцент Ч. Айтматов и М. Шаханов в главе «Преступление в тени веков, или Маркиз де Сад, Доненбай и яд африканской двузубки» книги-эссе «Плач охотника над пропастью: исповедь на исходе века» (Алматы, 1996).

А. Печчеи, создатель Римского клуба как гуманистической организации по исследованию будущего, еще в 1970-е годы предлагал один из вариантов решения данной проблемы, а именно – осуществление антропологической революции, суть которой должна состоять в генерации Нового гуманизма, влияющего на самотрансформацию человека изнутри и поднятию такового на качественно новый уровень бытия /развития /жизнедеятельности. Безусловно, что творческий и убедительный Новый гуманизм приведет к появлению новых духовных, этических, философских, эстетических, социальных и художественных ценностей и мотиваций [24], реанимации в человеке высших потребностей – любви, дружбы, взаимопонимания, солидарности, жертвенности, сосуществования, приоритета духовности.

Все это в условиях быстро переходящей «экономики постоянства» в «экономику неустойчивости» и «экономику недолговечности» [15] детерминирует важность реализации одной из целей государственной культурной политики России, а именно – формирование гармонично развитой личности, которую отличает нравственность, социальная ответственность, самостоятельность мышления, творчество и следование традиционным российским духовно-нравственным ценностям [16].

Неслучайно человек в современных условиях обращает внимание на самоотчетственность, задавая себе вопрос: «Кто я?» Осу-

ществляя поиск ответов на данный вопрос, человек «заглядывает» в недра «Я» как в некую отправную точку роста, что способствует его самоидентификации, постижению своей сущности, генерированию целостной картины мира /«образа мира» как коммуникативной системы координат, осознанию собственного места в таковой, встраивания себя в эту целостность для реализации потенциала.

В информационной цивилизации со спектром современных и грядущих трендов актуальна преобразующая /трансформирующая деятельность, креатив, инноватика самостоятельной /суверенной личности, применяющей спектр теоретико-методологических оснований – парадигм, концепций, принципов, подходов, методов, в том числе – Иммануила Канта, что способствует рациональному осуществлению человеком жизнетворческой активности для достижения стратегического устойчивого развития политики и солидарной экономики России.

Этим объясняется, почему к граням гармонично развитой личности как «объекту и субъекту истории» (К. Маркс) именно современного человека относится индивидуальность, духовность, энциклопедическая образованность, эмоциональный интеллект, пассионарность (Л. Гумилев), сила воли, целеустремленность, предприимчивость, утонченность натуры, влияющие на культуру его управленческого мышления, рациональное экономическое поведение и реализацию государственной политики, связанной с сохранением и укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей (жизнь, достоинство, права и свободы, патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [17]).

Данные традиционные духовно-нравственные ценности – это не просто сло-

ва, а нравственные ориентиры для россиян, отражающие сформированное веками глубинное мировоззрение и идентичность народов великой страны.

Этими идеями пронизана философия Иммануила Канта, поскольку для него было важно и интересно проникнуть в суть жизни личности через телеологию. Ведь «человек есть конечная цель творения» [4, с. 310], но чье творения – Бога или природы? Ответ на данный вопрос можно найти лишь «погрузившись» в восприятие Кантом собственно веры в его книге «Религии в пределах только разума» и в последних параграфах «Критики способности суждения».

Поскольку, как справедливо утверждал Кант, знать о Боге ничего нельзя, то в него можно только верить. Это объясняется моральным, нравственным доказательством бытия Бога как «творца мира» и как «моральной причины мира» [4, С. 325], которая не столько позволяет узнать о Боге, о его существовании, сколько является важным для человека, поскольку выступает в качестве постулата /закона поведения, т. е. императива, в данном случае – категорического. Вследствие этого логично «всегда поступать так, чтобы твой поступок мог стать примером для других людей». Отсюда и появляется у человека свобода поступать без каких-либо целей, интересов (что противоречит гипотетическому императиву) и выбирать то или иное собственное действие, поскольку «ты должен, потому что должен!». Иными словами, человека делает свободным долг! При этом понятно, что только разум и воля ориентируют человека на верные /правильные поступки, а эмоции /чувства мешают реализации категорического императива.

Динамика развития способности думающего, разумного человека ставить перед собой те или иные цели, которые есть мотивы его дальнейших действий, свободных действий – это есть гипотетический императив, в формуле которого заключена цель поступка, т. е. «если хочешь..., то должен...». И в этом состоит культура человека как такового, его

культура умения и культура воспитания (дисциплина), создающие стремление к самосовершенствованию, самоактуализации.

В контексте трансформаций в современном социуме, влияющих на различные сферы деятельности, в том числе на сферу культуры, важно задуматься и над неизбежностью смены парадигмы развития современной цивилизации. Об этом свидетельствует юбилейный доклад «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [28] Римского клуба как ключевой площадки, формулирующей повестку ответственного глобализма, устойчивого развития, и ориентира для значительной части мировой элиты. Авторы доклада отразили критику капитализма, финансовых спекуляций, отрицание материализма и упрощенного понимания мира, призыв к альтернативной экономике, к «новому Просвещению», духовно-нравственному мировоззрению, единой планетарной гармоничной цивилизации» [10]. Данный документ, в котором раскрываются философские основы современного состояния мира /социокультурной реальности, констатирует, что спасение таковой состоит, в первую очередь, в трансформации мировоззрения.

Все эти идеи не новы и начала таковых присутствуют и в XVIII веке в философии Канта, которая формировалась на основе существующего кризиса христианства, кризиса научной парадигмы эпохи Нового времени, возникновения новых научных дисциплин и т. д.

Кант утверждает, что лишь человек может ставить перед собой продуманные, осознанные цели и тем самым создавать мир культуры. Культура для Канта – это то, что служит во благо человеку, то есть это система гуманистических ценностей, значимая для человека. В этой связи культура противопоставляется цивилизации как внешнему, «техническому» типу культуры. Агрессивно развиваясь, цивилизация отдаляется от культуры, и в этом Кант усматривает значительную проблему для человека. При этом культура имеет органическую структуру, характерную и для государства и для нации.

Современный мир находится под влиянием метамодернизма [28], что подчеркивает важность Культуры как уникального феномена социально-культурной реальности, способствующего трансляции таких классических ценностей ноосферного социума и гражданина, как Истина, Добро, Красота, Любовь, Гармония. В основе философской системы Канта – единство Истины, Добра, Красоты человека, занимающегося творчеством в сфере культуры, направляемым художественной интуицией. Напомним, что искусство воспринималось Кантом как красота, которую творит именно человек, руководствуясь исключительно разумом.

В вихре перемен различных коллизий и трансформаций думающему человеку-гражданину России логично следовать идее Канта о том, что лишь «две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [3, с. 562].

Культурфилософская концепция Канта настолько глубока и уникальна, что отразить все ее грани в данной статье, абсолютно невозможно. Но даже лишь затрагивание нескольких «струн» мощнейшего интеллектуального «органонона» данного уникального мыслителя позволяет не только взглянуть с критической точки зрения на современность, но и получить некий «допинг» для принятия грамотных решений и осуществления действий по формированию человека, поскольку таковой есть «то, что делает из него воспитание».

Культурфилософские идеи Иммануила Канта – это генерализационные идеальные и идеалистические векторы /траектории восприятия, осмысления и трактовки турбулентных трансформаций реальности, культуры и человека. Через генерацию таковых идей философ способствовал осуществлению «игры в бисер» (Г. Гессе) многочисленных «препарируемых» концептов реальности для создания завершающего понимания и постижения многослойного Текста мира культуры.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
2. Дерябин С. Свободное погружение: о природе лидерства и приобретении личной силы Сергей Дерябин. Москва: Альпина ПРО, 2023. 170 с.
3. Кант И. Критика практического разума //Кант И. Сочинения: в 8 т. Т 4. / Пер. с нем. Москва: ЧОРО, 1994. 630 с.
4. Кант И. Критика способности суждения /Пер. с нем. Москва: Искусство, 1994. 367 с.
5. Кант И. Критика чистого разума /Пер. с нем. Москва: Мысль, 1994. 591 с.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер.с англ., Государственный университет Высшая школа экономики. Москва, 2000. 606, с.
7. Кирикова А., Арбузова А. VUCA, BANI и SHIVA: буквы, объясняющие мир. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866fde9a794701a4c38ae4>
8. Модели восприятия мира: в какое время мы сейчас живём? [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/s/1462627-daily-challenge/616133-modeli-vostryatiya-mira-v-kakoe-vremya-my-seychas-zhivem>
9. О VUCA – мире для предпринимателей и бизнесменов. [Электронный ресурс] URL: <https://teletype.in/@distant-1-konsul.ru/efDusHKcg>
10. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен!». [Электронный ресурс] URL: <http://ruspravda.info/Rimskiy-klub-yubileyniy-doklad.Verdikt-Stariy-Mir-obrechen.Noviy-Mir-neizbezhen-30313.html>
11. Родченко В. Перед лицом эпохи Хаоса. URL: <https://vc.ru/u/1122159-vladimir-rodchenko/381121-pered-licom-epochi-haosa>
12. Розин М. Шива-мир. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ecopsy.ru/insights/shivamir/>
13. Семь вечеров с Чингизом Айтматовым и Мухтаром Шахановым. [Электронный ресурс] URL: <https://yvision.kz/post/sem-vechero-s-chingizom-aytmatovym-i-muhtarom-shahanovym-433500>
14. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / [пер. с англ.]. Москва: КоЛибри, 2012. 525 с.
15. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. Москва: Издательство АСТ, 2004. 557 с.
16. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изм. и доп. от 25.01.2023 г.). [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70828330/>
17. Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
18. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции /Пер. с англ. Москва: Бомбора, 2018. 317 с.
19. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. New York: Basic Books, 1973. 540 p.
20. Bennett N., Lemoine G. J. What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world //Business Horizons. 2014. 57 (3). Pp. 311–317.
21. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role In The Technetronic Era. N.Y.: The Viking Press, 1970. 123 p.
22. Cascio J. Facing the Age of Chaos //Medium. 2020. 29 Apr. URL: <https://medium.com/@cascio/facing-the-age-of-chaos-b00687b1f51d>.

23. *Masuda Y.* The information society as post-industrial society. Washington, DC: World Future Society, 1980. 171 p.
24. *Peccei A.* The human quality. Oxford; New York: Pergamon Press, 1977. 214 p.
25. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond //World Economic Forum. 2016, 14 Jan. URL: <http://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond>.
26. SPOD, VUCA и BANI мира. Что это? Разбираемся! /Erickson Kazan 21 июля 2022. URL: https://vk.com/wall-211643375_263?z=photo-211643375_457239148%2Fwall-211643375_263.
27. *Vermeulen T., Akker R. van den.* Notes on metamodernism //Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. Issue 1.
28. *Weizsäcker E. von, Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome. New York: Springer Science+Business Media, 2018. 220 p.

*

Поступила в редакцию 12.06.2024

К

УЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

УДК 008:316.722

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-74-84>

И. А. Черников

Военно-воздушная академия
им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина,
Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: tchernikowivan@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу взаимодействия повседневного человеческого сознания и культурных индустрий, характерных для современного мира. В начале статьи рассматриваются понятия повседневного сознания и мировоззрения, которое понимается как его ядро. В мировоззрении включаются такие компоненты как картина мира, предполагающая наличие или отсутствие метафизических представлений о трансцендентном; взгляд на природу человека, в том числе как «негативную» либо «позитивную»; совокупность ведущих ценностей, а также – в индивидуальном режиме – наличие лично выработанных жизненных целей и планов. Автор отмечает, что, если в традиционных обществах мировоззрение складывалось традиционно в текущем личном опыте, регулируемом традицией и религией, в непосредственной коммуникации, то начало книжной эпохи внесло момент опосредствования печатным словом, хотя и сформулировало идеал повседневного сознания как сознания целостной деятельной личности. Однако появление современного рыночного общества сопровождалось возникновением культурных индустрий, анонимного опосредованного воздействия на огромные массы людей с целью извлечения прибыли. Соответственно, мировоззрение масс здесь целенаправленно создается с ориентацией на «человека-потребителя», а не на автономного деятеля. В статье описываются ведущие черты культурных индустрий, связанных с профессиональным созданием и динамикой распространяемых воззрений (мода). Далее речь идет о том, что совсем уклониться от воздействия культурных индустрий невозможно, в силу возникновения амальгамы личного опыта и опыта, опосредованного СМИ. Однако автор указывает на необходимость, с одной стороны, сравнения личного опыта с «электронными голосами», а с другой – на важность, в частности для России, гуманизации работы культурных индустрий.

Ключевые слова: повседневное сознание, мировоззрение, культурные индустрии, СМИ, массы, период постмодерна, мировоззренческие матрицы, потребитель, точка зрения.

Для цитирования: Черников И. А. Культурные индустрии как фактор формирования обыденного сознания современного человека // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 74–84. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-74-84>

ЧЕРНИКОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил, Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

SHERNIKOV IVAN ALEXANDROVICH – CSc in Pedagogy, senior lecturer, Military training and research center of the Air force, Air force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

© Черников И. А., 2024

CULTURAL INDUSTRIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF A MODERN PERSON

Ivan A. Chernikov

Air force Academy named after
Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin,
Voronezh, Russian Federation,
e-mail: tchernikowivan@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of interaction between everyday human consciousness and cultural industries characteristic of the modern world. At the beginning of the article, the concepts of everyday consciousness and worldview, which is understood as its core, are considered. The worldview includes such components as a picture of the world, which presupposes the presence or absence of metaphysical ideas about the transcendent; a view of human nature, including as “negative” or “positive”; a set of leading values, as well as – in an individual mode – the presence of personally developed life goals and plans. The author notes that if in traditional societies the worldview was traditionally formed in the current personal experience, regulated by tradition and religion, in direct communication, then the beginning of the book era introduced the moment of mediation by the printed word, although it formulated the ideal of everyday consciousness as the consciousness of an integral active personality. However, the emergence of a modern market society was accompanied by the emergence of cultural industries, anonymous indirect influence on huge masses of people for the purpose of making a profit. Accordingly, the worldview of the masses here is purposefully created with an orientation towards the “human consumer”, and not towards the autonomous figure. The article describes the leading features of cultural industries associated with the professional creation and dynamics of disseminated views (fashion). Further, we are talking about the fact that it is impossible to completely avoid the influence of cultural industries, due to the emergence of an amalgam of personal experience and experience mediated by the media. However, the author points out the need, on the one hand, to compare personal experience with “electronic voices”, and on the other, the importance, in particular for Russia, of humanizing the work of cultural industries.

Keywords: everyday consciousness, worldview, cultural industries, media, masses, postmodern period, ideological matrices, consumer, point of view.

For citation: Chernikov I. A. Everyday consciousness and cultural industries: the problem of interaction. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 74–84. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-74-84>

Проблема, которой посвящена данная статья, – это вопрос о соотношении обыденного сознания личности, рождающегося в ежедневном опыте, и того влияния, которое оказывают на индивида и его поведение современные культурные индустрии. Кем является человек: самостоятельной личностью или марионеткой, которую приводит в действие множество информационных нитей, явно и тайно тянущихся к нему от телевидения и радио, социальных сетей и блогов, модной рекламы и популярных кинофильмов? Возможно ли вообще быть «автономным сознанием» среди

океана социально-психологических и идейно-политических воздействий, обрушивающихся на голову любого «среднего индивида», «маленького человека», обитателя мегаполиса?

Стоит отметить, что авторы, занятые исследованиями культурных индустрий, как правило, интересуются их социальной, технологической и коммуникативной спецификой, индустриями как производителями смыслов, но сами смыслы при этом часто понимаются как нечто абстрактное, как просто момент системного функционирования культуры [10]. Проблемам информационной трансформа-

ции культуры посвящено немало исследований, как тех, что уже стали классическими (Д. Белл [1], Ж. Бодрийяр [3], М. Кастельс [7], М. Маклюэн [9], О. Тоффлер [12], и др.), так и относительно более новых (Д. Тросби [13], Д. Хезмондалш [15] и др.), но тема мировоззрения, мировоззрения и мироотношения личности поднимается там эпизодически. Попробуем же в этой небольшой статье взглянуть на ситуацию, которая складывается в отношениях между повседневным сознанием личности и многочисленными зазывающими и убеждающими голосами культурных индустрий. В качестве ядра таких индустрий мы в данном случае берем сеть Интернет, телевидение и радио, то есть, то, что называют электронными СМИ, а также феномен моды.

Повседневное сознание: традиционные и современные способы формирования

Повседневное сознание людей – это сознание, которое формируется в ходе обыденной жизни и индивидуального опыта, возникающего в интерсубъективном и организованном мире. Согласно А. Шюцу, оно включает в себя естественную установку, не содержащую сомнений в реальности окружающей действительности. Любая интерпретация этого мира основана на прежних переживаниях. «В этот наличный запас переживаний, – пишет Шюц, – входит и наше знание того, что мир, в котором мы живем, есть мир хорошо очерченных объектов, обладающих определенными качествами, – объектов, среди которых мы движемся, которые оказывают нам сопротивление и на которые мы можем воздействовать» [17, с. 402]. Повседневное сознание исполнено смысла, так как человек все время так или иначе толкует то, что с ним происходит, оно также активно и деятельно: Шюц говорит о «напряженном внимании к жизни». Труд, который включает телесную, предметную деятельность – важнейшая составляющая повседневности. Человек ставит и достигает цели, он вполне практичен и ориентируется на идеализацию повторяемости, отмеченную

еще Э. Гуссерлем: «Я могу сделать это снова». Повседневное сознание коммуникативно по своей природе, оно предполагает Других, взаимоотношения с ними, обмен мнениями и представлениями, совместные действия. Картина мира и мировоззрение человека, его представления и ориентиры, руководящие поведением, складываются именно в обыденной жизни, в личном опыте. Исследователь повседневности Е. В. Золотухина-Аболина отмечает: «Текущий опыт субъективных переживаний – опыт повседневной эмпирической жизни – является одновременно целостным и разомкнутым, сложившимся и изменчивым, закрытым и открытым» [6, с. 27].

Мировоззрение являет собой ядро повседневного сознания. «Главной особенностью мировоззрения, – удачно отмечают Н. А. Некрасова и С. И. Некрасов, – является то, что оно всегда имеет отношение к индивиду, социальной группе, эпохе, представленной конкретными лицами. Нет безличного, анонимного мировоззрения. В центре всякого мировоззрения стоит определенный субъект. Это объясняется тем, что в него включены не только знания, но и ценности, идеалы, чувства, цели, все то, что имеет смысл для конкретного человека» [11, с. 22]. Но что в структурном отношении представляет собой мировоззрение, в какую бы эпоху оно ни формировалось? Думается, можно назвать некоторые составные мировоззрения. Это, во-первых, некий общий абрис представлений о мире, картина мира, но нередко достаточно размытая, усвоенная «в общих чертах»: есть ли Бог, каковы пределы окружающего, насколько опасна и полезна природа вокруг? Во-вторых, позиция по поводу того, какова суть человека: смертен он или бессмертен, добр или зол? В-третьих, ответ на вопрос, что самое главное и ценное в жизни, к чему следует стремиться (вопрос о ведущих ценностях). И, наконец, в-четвертых, представление о значимых личных целях: чего я хочу от жизни, к чему мне стремиться, каким образцам следовать?

В течение тысячелетий мировоззренческое ядро повседневного сознания складыва-

лось под влиянием господствующей в данной культуре *религии, под влиянием обычаев, традиций, в рамках семейного воспитания и сложившихся форм образования*. Родительское воспитание в семье, домашние наставники, школы в античности, а в Средневековье уже и университеты, – все это формы созидания внутреннего мира человека, которые, конечно, были различны для разных групп и слоев общества. Однако, будь то крестьянский сын, которого приучали к молитве, трудолюбию и покорности, или же отпрыск аристократического рода, которому вменяли вместе с той же набожностью дворянскую гордыню и воинственность, воспитание и образование обоих в любом случае *осуществлялось как личное взаимодействие в рамках совместной текущей жизни*. Повседневное сознание и мировоззрение с его системой ориентиров складывалось в непосредственном общении и текущем опыте, в актуальной коммуникации. И даже возникновение «галактики Гутенберга», происхождение письменности, а затем книгопечатания, не делает создание мировоззрения *собственно опосредованным*. Сила личного влияния, примера, практического воздействия всегда перевешивала любые «книжные грезы». В те прошедшие столетия, которые мы можем образно назвать «миром традиции», в доиндустриальную эпоху, именуемую также «премодерном», мировоззренческие установки, свойственные повседневному сознанию, возникали в *прямом чувственно-практическом контакте с реальностью*. По большей части они складывались без целенаправленного намерения воспитателей и учителей сформировать исключительно автономного деятеля, скорее, напротив, добротного исполнителя. Однако, апеллируя к устойчивости социокультурных представлений, старшие, приступая к воспитанию, предполагали, что формируют качества «именно этого человека», которому не только вменяется ответственность за свое поведение, но и оставляется некий, пусть небольшой, зазор для личных вариаций картины мира.

Эпоха модерна – промышленная эпоха – нередко датируется XVI–XX веками [5, с. 31]. Это время становления и утверждения – как образа личности, так и классического образования с большой гуманитарной составляющей. «И современные, и традиционные взгляды на универсализм образования совпадают в том, – отмечает М. В. Левит, – что личность, понимаемая с позиции антропологии и ее частного случая – педагогики, – личность цельная. <...> сущность такой суверенной личности в возможности стать автором (для человека религиозного – соавтором) реальности» [8, с. 30]. Теперь педагогическая и философская рефлексия приходит к утверждению значимости не любого, а именно *сознательного и творческого индивида*, носителя разума и воли. В классическом образовании, *ориентированном на личность как целостного деятеля и творца*, присутствуют древние языки, знание истории и литературы, прививается культура чтения и истолкования письменного текста. Мировоззрение и повседневное сознание являются здесь *синтезом двух уровней – опытно-практического и гуманитарно-книжного*; опыт прямого практического научения и усвоения текстов *сливается воедино*. При этом, во всяком случае в Новое время, к читателю обращается конкретный, поименованный автор. В этот период культура творится еще не как коммерческое предприятие, она, скорее, является делом отдельных групп и одиночек, интеллектуального пласта социума, довольно узкого круга искателей и созидателей, поддержанных системой образования. Непосредственное влияние воспитателя и проповедника дополняется как книжными текстами, так и обращением к собственной мысли «подопечного-реципиента». Мировоззренческие представления и ценностные взгляды воспитуемого несут на себе печать как его личной рефлексии, связанной с текущим опытом, так и доверия к учителям и наставникам (людям лично знакомым) и авторам книг (людям, лично не знакомым, но известным и «осиянным» авторитетом издания). И адресатом воспитательных и об-

разовательных усилий выступает индивид как «разумный деятель» – сознательный член общества. Эти идеалы Просвещения, пусть в чем-то наивные и игнорирующие наличную в человеке «тьму страстей» и подсознательных импульсов, тем не менее, ориентируют подопечных и учащихся на культивирование, с одной стороны, соблюдения культурного канона, а с другой – на его личное самостоятельное прочтение. Процесс формирования повседневного мировоззрения остаётся в немалой степени делом непосредственным и личным. Однако в XX веке с рождением массового общества и массовой культуры, с гигантским развитием медиа-сферы соотношение индивидуально-личного, непосредственного, с одной стороны, и технологически-обезличенного – с другой, резко меняется.

Культурные индустрии – конвейер мировоззренческих матриц

Начинается период, который принято называть эпохой постмодерна, эпохой постиндустриального информационного общества. Соответственно меняются способы формирования обыденного сознания людей и его мировоззренческого ядра. Сфера личного воздействия и личного взаимодействия индивидов и в воспитательном, и в образовательном, и в пропагандистско-проповедническом процессе, конечно, не исчезает до конца, но существенно сужается, вытесняемая опосредованными техническими формами внедрения в умы идей, а в сердца – эмоций. Культурные индустрии, хотя их можно было бы назвать – в силу их принадлежности к постиндустриальному миру – и «постиндустриями», являются гигантским механизмом формирования сознания сразу больших масс людей: штампования взглядов, настройки умов, генерирования настроений. Они работают как глобальная фабрика, где уже нет места индивидуальному, личному, конкретно-направленному усилию воспитания именно этой узкой группы или обучения этих конкретных людей. Как ремесленные изделия были вытеснены в свое время работой

заводов, так личные старания уникальных художников, мастеров слова, вдохновенных проповедников, пламенных учителей, лично контактирующих с аудиторией, вытесняются всепланетным производством передач, кинофильмов, информационных программ, во многом созданных для всех стран и континентов по одним и тем же лекалам. В предельных же случаях мы даже можем обнаружить, что в наши дни продукция культурных индустрий вырабатывается «ботами» и нейросетями. Хотя, разумеется, за любыми роботизированными формами находятся люди, для которых нейросети и «искусственный интеллект» – это только инструмент, применяемых ради обслуживания интересов конкретных элитных групп.

Ж. Бодрийяр, строгий критик современной эпохи, когда-то ошибся, сочтя гаджеты всего лишь техническими игрушками, тешащими самолюбие. В работе «Система вещей», вышедшей в 1968 году, он писал о гаджетах: «Автоматика здесь безраздельно господствует, и её фасцинация так сильна именно потому, что не носит рационально-технического характера: в ней мы переживаем как бы некоторое бессознательное желание, как бы воображаемую суть предмета, по сравнению с которой его структура и конкретная функция нам достаточно безразличны» [4, с. 122]. Но со временем гаджеты из игрушек-развлечений превратились в «целый мир, который мы носим с собой»: все виды воздействия культурных индустрий в их многообразии можно получить через *смартфон*. А смартфон неотлучно находится с человеком в сумке или в кармане. С ним не расстаются практически нигде и никогда, так как в нем находятся и документы, и деньги, и связь со значимыми людьми, но в то же время – все новости, любые фильмы и передачи, реклама чего угодно, новые веяния моды, ток-шоу и политические дебаты. Таким образом, обезличенный, массированный, технизированный, а возможно, и сгенерированный техникой «контент», то есть, идеи, выраженные в текстах и образах, сопровождают сегодняш-

него человека все время, буквально без сна и отдыха. Проснувшись среди ночи, наш современник тянется к смартфону, чтобы обрушить на себя очередной шквал информации, направляющий внимание на то, о чем именно сейчас думать и что переживать. То есть культурные индустрии, транслируют нам заложенное в них содержание, формируют наше обыденное сознание, мировоззрение, мировосприятие, настроение, и делают это в любой момент времени и в любой точке пространства, пока мы не выключили их или не уехали на край света, где нет сети Интернет.

А в чем же заинтересованы культурные индустрии, как существующие в пространстве нашего внешнего действия, так и спрятанные в смартфоне? Чтобы в полной мере оценить их послания, адресованные всем нам порой от лиц известных, а часто – от неизвестных, обратимся к позиции непререкаемого авторитета в вопросе культурных индустрий Дэвида Хезмондалша [15]. В первой части своего огромного исследования этого феномена он утверждает правомерность политэкономического подхода, то есть ставит вопрос «Кому выгодно?». Кому и почему выгодно, чтобы различного рода тексты, несущие идеи, а также фильмы, передачи, шоу распространялись таким массовым способом, разрывали прямые связи между людьми и вставляли на место посредников, заполняя собой все щели и паузы, практически устраняли прямые воспитательные и развлекательные акции, заменяя их – вторичными, технизированными и всеохватными? Он пишет: «Показательно, что большинство потребляемых нами текстов, распространяется влиятельными корпорациями. Эти корпорации, как любые бизнес-структуры, заинтересованы в прибыли. Они хотят поддерживать условия, в которых бизнес в целом, в том числе и их собственный, может приносить большие прибыли» [15, с. 16–17]. И хотя автор потом много раз повторит, что тексты, поставляемые культурными индустриями, «сложные, неоднозначные и спорные», первичная его постановка вопроса остается в силе. Несомненно,

продукция культурных индустрий не может только призывать больше покупать, но она строится таким образом, чтобы реально покупали больше, и воздействие это осуществляется как на сознательном, так и на бессознательном уровне. При этом в товар для продажи превращаются те феномены и артефакты, которые по сути своей как бы и не предназначены для торговли: духовные искания, жизненные советы, психотерапевтические практики, религиозные ритуалы, виды общения. Все «коммодифицируется», то есть, становится прагматически-используемым, денежно выраженным, вошедшим в рыночный режим: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Судя по всему, А. С. Пушкин не представлял себе, что и вдохновением тоже можно успешно торговать, в особенности – через социальные сети, телеграм-каналы и прочие «индустриально-постиндустриальные формы».

Современный информационно-постиндустриальный вариант буржуазного развития характеризуется активным применением «культурных индустрий», а, быть может, точнее сказать, информационных каналов, для продвижения мировоззренческих установок, свойственных *не человеку-личности* и даже *не человеку-исполнителю, но прежде всего – человеку-потребителю*. Не цельная самостоятельная личность, делающая осмысленный выбор, не гуманист-подвижник являются целью и результатом вещания культурных индустрий во всех их видах. Обыденное сознание буквально создается, организуется медийными психологами, экономистами, репортерами и шоуменами как *сознание глобального потребителя*, чувствующего себя вправе переступать многие моральные запреты прошлого и коммуникативные ограничения ради стяжания денег и удовлетворения любых личных прихотей. Удовлетворение самых фантастических прихотей расширяет рынок и позволяет бизнесу, цель которого – финансовые потоки, свободно двигаться в любых направлениях, захватывая неограниченные сферы влияния. И это – в том или ином вари-

анте – ценностное содержание деятельности западных культурных индустрий, порожденных современной стадией рыночного общества. Наверное, это содержание может быть скорректировано при ином типе социально-экономического устройства: ведь нельзя же сбрасывать со счетов и наличие *общечеловеческого гуманистического содержания* в тех пластах культуры, которые неизбежно принимают «индустриально-постиндустриальную форму». Но, так или иначе, культурные индустрии сегодня – это проводники и глашатаи интересов глобального рынка, которые мировоззренческие повседневные установки формируют «под себя».

Однако тема содержания распространяемых ценностей – тема отдельная. Вернемся к сюжету характера взаимодействия современных культурных индустрий и потребителей их повсеместной продукции. Следует отметить, что увернуться от массивного технического влияния на основные анализаторы человека – зрение и слух – довольно трудно, тем более что организаторы и моды, и СМИ, и других форм применяют огромный арсенал средств – соблазнения, интриги, недосказанности, сенсационности. Главное – *привлечь и удержать внимание*, а тогда проповедуемые ориентиры – на потребление, на личный комфорт, на наслаждение – войдут во внутренний мир реципиентов сами. Работа «культурных индустрий», тесно связанная со всеми видами электронных СМИ, обладает следующими «гипнотизирующими» чертами: повторяемость, мозаичность, нередко – анонимность, быстрая смена тем с забвением вчерашних «горячих проблем», многообразии тематики, предлагаемой «на любой вкус», открытость любым фантазиям со снятием запретов.

Рассмотрим коротко условные плюсы и минусы перечисленных характеристик для тех, на чье повседневное сознание они влияют.

Повторяемость. Несомненный минус повторяемости для потребителя – ее навязчивость, которая может раздражать и утомлять, вызывать чувство протеста. Каждый знает нетерпеливое желание выключить ре-

кламу, для чего, собственно, и был изобретен пульт управления телевизором. Однако даже глупые рекламные ролики вскоре становятся привычными и начинают как бы становиться «частью аудиального интерьера». Возможно, кто-то даже почувствует без них неуют. А поставщикам «культурно-индустриальной продукции» они позволяют провести в подсознание человека конкретное содержание, которое тот должен усвоить.

Мозаичность. Мозаичность подачи информации, несомненно, снижает интеллектуальный уровень пользователя-потребителя, приучая его воспринимать только короткие тексты, но сам он этого, скорее всего, не замечает, усвоив, что смешение «Божьего дара с яичницей» – дело вполне нормальное. От длинных текстов уже целые поколения испытывают лишь дискомфорт, благодаря чему прежние виды литературного и интеллектуального творчества вытесняются из жизни, освобождая место для все тех же рекламных роликов, коротких скетчей и визуальных экспериментов. Анонимность, сопровождающая мозаичность, позволяет не загружать память избытком чужих имен.

Быстрая смена тематики с забвением вчерашних скандалов и катастроф освобождает зрителя и читателя для новых сиюминутных сенсаций, позволяет погрузиться в сегодняшнее рыночное предложение, которым в явном или скрытом виде сопровождается новая информация. «Новый хайп» – это новые продажи, новое любопытство, избавление от вчерашней, уже не нужной, рефлексии и переживаний, которые способны отягощать.

Разнообразие предложения и минимум запретности, несомненно, потакают все тому же легковесному любопытству и стремлению немалой части аудитории выйти за рамки социальных и моральных табу, что называется, «распоясаться», отказаться от необходимых ограничений, исторически сложившихся в коммуникации.

Можно констатировать, что упаковывая предложение товаров в несколько навязчивую, но расслабляющую и соблазнительную

форму, культурные индустрии, особенно связанные с деятельностью сети Интернет, настойчиво вменяют самой широкой публике не самые лучшие мировоззренческие установки такого рода:

- неважно, как устроен мир, есть ли трансцендентное и некий мировой порядок или нет, на эту тему существует сто мнений; выбирай, что хочешь, или ничего не выбирай, а живи, погружаясь в игру, в круговерть покупок, в развлечения, в инфосферу, где нет ни смерти, ни жизни, ничего серьезного, потому что в каждой игре запас по пять жизней и все – только мелькание мнений и символов;
- человек – скорее зол, чем добр, все всех грабят и убивают, и особенно никого не жалко, мир криминального чтива, детективов, «черных фэнтези», боевиков, фильмов-ужасов, романов-нуар и т. д. приучает реципиентов к насилию и садизму как к норме;
- цель и смысл жизни – в наслаждении, развлечении и доминировании, в успехе и богатстве.

Мировоззренческий вопрос о задачах личной жизни каждого, разумеется, остается за выбором и на совести самого человека, и лишь сам он, конечно, решает, в силах ли он становиться успешным в такой системе координат или же его удел оставаться лузером, неудачником, которого «съест» более сильный. Матрицы крепко вбиваются в сознание и подсознание «культурными индустриями», потому что масштаб и размах их влияния, несомненно, гораздо больше и мощнее, чем любые проповеди прошлых веков.

Можно ли «выключить электронные голоса»?

Этот вопрос не является праздным. В связи с глубокой встроенностью культурных индустрий во все пласты современного человеческого бытия совсем выключить их голоса скорее всего не представляется возможным. Разве что человек запретится в мо-

настыре или отправится на необитаемый остров. Но львиная доля населения живет той жизнью, которая сложилась в современных социокультурных условиях и без рефлексии принимает ее законы, хотя не факт, что все довольствуются ролью пассивных адептов любого последнего слова СМИ или рекламы.

Дело в том, что при всем массивном воздействии рыночно-индустриальных пропагандистов у человека есть *личный опыт непосредственного взаимодействия с миром*, который у него никто не может отнять. Этот опыт невозможно элиминировать, потому что индивиды все же обитают в чувственно-конкретной повседневной реальности, должны есть, пить, осуществлять другие физиологические функции, двигаться, сближаться с особями противоположного пола, защищаться от холода или жары – то есть, жить практической жизнью, а не витать исключительно в недрах экрана монитора или рекламного баннера. И повседневное сознание с его мировоззренческим ядром в огромной степени формируется за счет этого личного, *практического опыта*, наполненного всеми впечатлениями обыденной жизни: лично своими радостями и обидами, вкусом и цветом, тяжестью и легкостью, опытом взаимоотношений с людьми, животными и природой. И совершенно очевидно, что никакие электронные игрушки типа Тамагочи, которые и ныне можно купить на Яндекс-маркете, не заменят живых щенков и котят, так же как реальных друзей, родителей и детей. Все реальное радикально отличается от любых информационно-компьютерных имитаций, отличается как настоящее от подделки, от суррогата, от симулякра [2]. Потому что реальное общение – это общение «лицом-к-лицу» [17], оно телесно-чувственно, интуитивно-непосредственно, жизненно-значимо. В ныне уже отдаленные годы советского периода была шутка о «болезни уха-глаза»: вижу одно, а слышу (по радио) – другое. Или о конкуренции между холодильником и телевизором: телевизор рассказывает красивые сказки, а в холодильнике шаром покати.

То же самое относится к сегодняшнему дню: *опыт чувственной повседневности и опыт общения с «культурными индустриями» не совпадают*. Точнее, он совпадает лишь частично. Многие моменты эмпирического взаимодействия человека с миром остаются недостижимы для тех матриц, которые накладывают культурные индустрии. Они даны как прямые впечатления. Так формируется собственная повседневно-выстраданная точка зрения, свой неповторимый ракурс суждения и мироощущения.

Другой вопрос, что на эти прямые впечатления личного опыта набрасывается *сеть эталонов и интерпретаций*, производимых культурными индустриями во всех их видах. То есть, личный опыт начинает соизмеряться с массово заданными эталонами *не традиционного свойства*, а с теми, которые на текущий момент *придуманы профессиональными группами*, действующими в соответствующей сфере производства и торговли с целью умножения прибыли. В этом смысле фактически все проявления современного человека оказываются *подвержены моде*, целенаправленно создаваемой для увеличения количества продаж. Личный опыт «упаковывается» во внешние формы «модного и востребованного», и эти формы касаются всего – одежды, обуви, зданий, машин, предметов обихода, средств воздействия на телесность (медицина, физкультура, косметология), искусства, чувств, мыслей, тем для разговора, мировоззренческих позиций. И поскольку личный опыт попадает в меняющиеся матрицы, серийно производимые для продаж, то *и интерпретируется он* в соответствии с ними, со всегдашней на них оглядкой, со стремлением соответствовать им *и не упустить момента их изменений*. Личный опыт, предполагающий личную точку зрения, хотя и выстраивается в соответствии с перипетиями индивидуальной жизни, тем не менее, оказывается все время в погоне за *извне заданными динамичными стереотипами*: надо успевать; кто не успел, тот опоздал. Возникает ситуация, сложив-

шаяся уже к середине XX века, в пору, когда культурные индустрии, еще не будучи электронными, уже набирали силу. Тогда известным философом и психологом Э. Фроммом человек рыночного общества был описан так: «<...> Теперь его силы становятся отчужденными, отторгнутыми от него, превращаясь в предмет использования и оценки со стороны других; тем самым его чувство самоидентификации так же колеблется, как и чувство самоуважения; оно зависит от той суммы ролей, которые человеку приходится играть, – «Я таков, каким вы хотите меня видеть» [14, с. 69].

По сути дела, происходит *сплавнение, амальгамирование личного опыта и стереотипов культурных индустрий*. Отчего и мировоззрение человека, которое, казалось бы, рождалось в его неповторимой жизненной истории, несет на себе не просто мощный отпечаток «общих форм» (это есть и в традиционных обществах, которые тоже императивно формируют взгляды на мир, просто иными способами), *но постоянно меняет эти формы под давлением индустриально поставленной манипуляции*. Интересно также то, что у «среднего человека», постоянного потребителя продукции культурных индустрий, стремительно меняется даже язык, на котором он говорит, ибо новые слова, запущенные журналистами, политическими деятелями, разного рода «спичрайтерами и блогерами», моментально становятся частью повседневного лексикона, вытесняя естественно-сложившийся язык данной культуры. В наши дни агрессивным источником изменения повседневного сознания, мировоззрения и языка, на котором они себя выражают, являются *англицизмы*, охотно применяемые теле- и радиожурналистами, политологами, а также популярными психологами. Повседневное сознание представителей разных стран целенаправленно моделируется ради интереса транснациональных корпораций, а мировоззренческое ядро индивидов различных культур стереотипизируется, благодаря внедрению мод-

ной англоязычной лексики, претендующей на роль «современной латыни». Впрочем, латынь в свое время была уделом узкого круга ученых и не вторгалась в сознание масс, говоривших на своих собственных наречиях. Единообразная языковая матрица ведет к выработке единого «всепланетного» мировоззрения – мировоззрения безличного покупателя и потребителя, обеспечивающего финансовое благополучие узких сверхбогатых групп.

Вернемся к поставленному вопросу: можно ли выключить «электронные голоса»? До конца нет, но можно от них дистанцироваться и им противостоять. Современному человеку очень важно внимательно прислушиваться к «микро-опыту» своей жизни, к ситуациям и обстоятельствам близких и знакомых людей. Можно было бы сказать «доверяй, но проверяй», однако *мы не в силах проверить лично всего, что загружают в сознание масс культурные индустрии*. Для проверки обмана, надувательства, мошеннических вбросов, которые содержатся в современных СМИ, нужны специализированные структуры вроде телевизионного «Анти-фейка», который был создан в России уже в период СВО, но военные действия – особая ситуация, и на все высказывания «культурных индустрий» не напасешься специальных расследований. К тому же речь не только о фактологических обманах, но о тех *ценностях*, которые прокламируются по информационным каналам. Поэтому так важно сохранение и распространение иных, *подлинно гуманистических ценностей*, которые сформировались в европейской культуре в XIX–XX веках, – ценностей не моды и безграничного потребления, а всестороннего развития человека, который способен на доброту и щедрость по отношению к людям, развивающимся рядом с ним [16]. И это важная задача для России: сделать культурные индустрии не служанкой международных финансовых монстров, а инструментом формирования гуманистического сознания граждан современной России.

Заключение

В начале статьи нами был поставлен вопрос, возможно ли оставаться «автономным сознанием» в ситуации, когда на повседневную жизнь современных людей ежедневно и ежечасно обрушивается шквал манипулятивных воздействий, которые по объему влияния сильно отличаются от всех воспитательных и пропагандистских воздействий прошлых эпох. В результате рассмотрения повседневного сознания и специфики «культурных индустрий», служащих получению прибыли, мы пришли к следующим выводам:

- ядро повседневного сознания – мировоззрение – исторически складывалось в режиме личного непосредственного общения и печатного авторского слова, но в информационную эпоху оно все более претерпевает массивное анонимное воздействие «культурных индустрий», в первую очередь, сетей Интернет и СМИ: вмняемые индустриями матрицы сильно отличаются и отрываются от личного опыта людей;
- конвейерное проникновение этих матриц в повседневную жизнь столь велико, что совсем не подвергаться их влиянию невозможно: образуется некий *сплав* «личного опыта» индивида и той динамической системы стереотипов восприятия и эталона интерпретаций, которые задаются СМИ;
- культурные индустрии, являющиеся частью экономического механизма постиндустриального рыночного общества, массово вбрасывают в повседневное сознание, прежде всего, ценности потребления и удовлетворения личных желаний при минимальном сохранении общегуманистических ориентиров;
- выработка собственной, не зависящей от потребительских штампов точки зрения, выступает в западном мире, где родились культурные индустрии, делом лишь самого индивида, способного все же дистанцироваться на базе личного опыта от вмняемых ему матриц.

Для российского общества – даже при условии сохранения сугубо рыночных экономических механизмов – сегодня открыта возможность частичной переориентации культурных индустрий на задачи гуманистического воспитания российского гражданина. В этом случае

такая массовая и могучая форма влияния на мировоззрение, как культурные индустрии, получит позитивное содержание, связанное с идеалами человеческого блага и перспективного развития для всех членов общества, с представлением о человеке как целостном и разумном деятеле.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Москва: Academia, 1999. 783 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Москва: Рипол-классик, 2017. 320 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. Москва: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. Москва: РУДОМИНО, 2001. 224 с.
5. Дугин А. Г. Постфилософия. Москва: Евразийское движение, 2009. 744 с.
6. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и другие миры опыта. Москва: MapT, 2003. 192 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Левит М. В. Классическое образование в постнеклассическую эпоху // Проблемы современного образования. 2011. № 3. С. 27–38.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Understanding Media: The Extensions of Man / пер. с англ. В. Г. Николаева. 2-е изд. Москва: Гиперборея: Кучково поле, 2007. 462 с.
10. Мареева Е. В. Культурология или философия культуры: истоки методологического конфликта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1(99). С. 52–61.
11. Некрасова Н. А., Некрасов С. И. Мировоззрение как объект философской рефлексии // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 6. С. 20–23.
12. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ.: Е. Руднева и др. Москва: АСТ, 2003. 557 с.
13. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнаревой; 2-е изд. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 256 с.
14. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм, Э. Психоанализ и этика. Москва: Республика, 1993. С. 17–191.
15. Хезмондалиш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 455 с.
16. Черников И. А. Креативные индустрии в контексте модернизационных процессов в российской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 5(103). С. 92–103.
17. Шюц А. О множественных реальностях // Мир, светящийся смыслом. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.
18. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.

*

Поступила в редакцию 24.06.2024

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ АКТЕРА В ТЕАТРАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-85-94>

О. М. Мазаненко

Луганская государственная академия культуры
и искусств имени Михаила Матусовского,
Луганск, Российская Федерация,
e-mail: oksanamazanenko@gmail.com

Аннотация. Предметом аналитики данной статьи выступает телесная арт-практика создания художественного образа актером с позиции феноменологической теории. Автор рассматривает телесность в качестве ключевого инструмента выразительности актера. Последовательно описывает этапы активности телесности как центра восприятия, рефлексии, переживаний на этапах репрезентации «сверхзадачи» и сценического перевоплощения. Особое внимание уделено рационально-критическим и эмоционально-смысловым интенциям эстетического ожидания, которые актуализируются «во плоти» в условиях сценической интерпретации. Приводится аргументация о сущности телесности актера как сопереживания самому себе, но только не реальному, а возвышенному над ситуацией реальности в связи с привнесённым драматизмом в условную ситуацию. Подтверждение обоснований автор находит в трудах мастеров сцены, а также – в психологических исследованиях художественного творчества. Ключевым является вывод о надситуативном характере телесности актера театра, которая в сценическом пространстве выходит за пределы эмпирической пространственности, преобразовывается в качественно новую Я-концепцию.

Ключевые слова: актер, театральное творчество, образ, телесность, переживание, образ, интенция.

Для цитирования: Мазаненко О. М. Феноменология телесности актера в театральном творчестве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 85–94. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-85-94>

THE PHENOMENOLOGY OF THE ACTOR'S PHYSICALITY IN THEATRICAL WORK

Oksana M. Mazanenko

Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after Mikhail Matusovsky,
Lugansk, Russian Federation,
e-mail: oksanamazanenko@gmail.com

МАЗАНЕНКО ОКСАНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского

MAZANENKO OKSANA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky

© Мазаненко О. М., 2024

Abstract. The subject of analysis in this article will be the bodily art practice of creating an artistic image by an actor from the position of phenomenological theory. The author considers physicality as a key tool for an actor's expressiveness. Consistently describes the stages of physical activity as a center of perception, reflection, experiences at the stages of representation of the "super task" and stage transformation. Particular attention is paid to the rational-critical and emotional-semantic intentions of aesthetic expectation, which are actualized "in the flesh" in the conditions of stage interpretation. A convincing argument is given about the essence of the actor's physicality as empathy for oneself, but not the real one, but sublime above the situation of reality in connection with the drama introduced into a conditional situation. The author finds confirmation of the rationale in the works of stage masters, as well as psychological studies of artistic creativity. The key is the conclusion about the trans-situational nature of the physicality of a theater actor, which goes beyond the limits of empirical spatiality and is transformed into a self-concept that is new in quality in the stage space.

Keywords: actor, theatrical creativity, image, physicality, experience, image, intention.

For citation: Mazanenko O. M. Phenomenology of the actor's physicality in theatrical creativity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 85–94. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-85-94>

Большинство современных ученых и практиков, несмотря на различные подходы, сходятся во мнении, что человек – это совокупность и взаимосвязь мыслей, чувств и телесных реакций. В исследованиях телесности в области философии, культурологии, психологии, социологии, антропологии, анатомии, физиологии и др. подчеркивается множественность измерений данного феномена, а его интегративный анализ позволяет выйти на вопросы диалектики внешнего и внутреннего уровней телесности, свободы и детерминированности телесной организации человека в разных культурах. Особого внимания требуют исследования тех видов деятельности, в которых телесность является главным инструментом, средством выражения и передачи мыслей и эмоций человека-творца. Предметом аналитики данной статьи выступит телесная арт-практика создания художественного образа актером, который выступает «во плоти» в условиях сценической интерпретации.

В качестве методологического подхода значительными перспективами в решении обозначенных задач обладает феноменологический подход. Выбор методологического пути определен логикой понимания телесно-

сти в феноменологии. А именно: тело уже существует вне зависимости от познания, оно – основа присутствия в мире, обладания собой и направленности на окружающий мир. Будучи включенным в социокультурное пространство, оно преобразуется из природного организма в социокультурное явление. При этом телесность – это переживание состояния тела в субъективном сознании, центр восприятия, рефлексии, переживаний.

Итак, эстетика театрального творчества представлена взглядами А. Арто, Б. Брехта, П. Брука, Е. Вахтангова, Е. Гротовского, В. Мейерхольда, К. Станиславского, Ф. Феллини, М. Чехова, У. Шекспира и др. Психологические аспекты театрального творчества интересовали Л. Выготского, А. Лурию, П. Якобсона. Проблема телесности актера в той или иной степени освещается в трудах исследователей. Более пристально на данную проблематику – как бы изнутри сценического процесса – обращали внимание режиссеры А. Дикий, П. Ершов, О. Ефремов, Ю. Завадский, Г. Товстоногов, В. Топорков. Огромный вклад в понимание концепции телесности актера внес теоретик и реформатор театра К. Станиславский, вписавший видение этого феномена в оригинальную систему актерского

мастерства, популярность которой признана и остается актуальной на сегодня для всех сценических видов искусства.

Несмотря на значительный интерес к различным аспектам театрального искусства, мы не обнаружили сколько-нибудь стройной феноменологической аналитики телесности актера. Приступая к восполнению этого пробела, остановимся на феноменологической трактовке сценического искусства как раскрытия содержания и смысла художественного произведения через сценическое действие, осуществляемое с помощью всех средств языка театральной выразительности и прежде всего – телесности актера. В качестве теоретико-методологической основы изучения телесности выступают феноменологические идеи Э. Гуссерля, Г. Марселя, М. Мерло-Понти, Я. Паточки, Г. Плеснера, М. Шелера, а также труды отечественных ученых – И. Вдовиной, Р. Масловой, В. Молчанова, Н. Мотрошиловой, В. Никитиной, Я. Ямпольской.

Телесность актера как репрезентация «сверхзадачи»

В качестве отправного тезиса риторики о телесности актера будем считать положение, которое сегодня принято единогласно в научно-исследовательской практике о коллективном характере театрального творчества. По мнению К. Станиславского, все участники сценического действия являются единым творческим организмом. Квинтэссенцией усилий сценаристов, режиссеров, костюмеров, декораторов и пр. выступает выражение экспрессивной телесности, которая является ключевым инструментом выразительности актера.

В данном контексте интересны идеи одного из крупнейших отечественных специалистов в области психологии творчества П. Якобсона. Предметно исследуя различия в эмоционально-чувственной сфере представителей творческих специальностей, он подчеркивает, что для композиторов, писателей, художников понимание и сопереживание

чувств изображаемого персонажа является важной составляющей их творчества, однако не определяет сам способ воплощения материала. Для убедительной игры актера, его экспрессии, это условие, напротив, является определяющим. Собственно, целью творчества актера является воплощение на сцене образа живого человека с полнотой его чувств, мыслей, желаний и так далее. Возволнованный голос, теплый взгляд, выражение в жестах нежности, смущения, негодования и так далее – объективация в телесности чувств, близких его герою, роль которого он исполняет [12, с. 122].

Итак, в первом приближении задача творчества театрального коллектива состоит в отражении, оценке, трактовке действительности, событий, идей, характеров посредством драматического действия, выразительным эпицентром которого становится телесность актера. Однако К. Станиславский усматривает необходимость использования вместо категории «задача» концепт «сверхзадачи». Он пишет, что решение сверхзадачи есть сознательная работа актера – эмоциональная, возбуждающая всю его человеческую природу, все его «душевное и физическое существо» [7, с. 35]. Речь идет о трансцендентальном характере духовного опыта понимания мира писателя и его замысла, который актуализируется в мыслях, эмоциях, желаниях актера, «домом» которых становится его тело. Переживания предъясняются миру в телесных реакциях. Актер сжимает руки, начинает интенсивно дышать, его кожа краснеет, меняются тон и тембр голоса, плечи приподняты в напряжении, шея застывшая, окаменевший позвоночник. Его телесная реакция передает эмоцию, ведет к пониманию условий ее возникновения, потребностей, отношений.

Рационально-критические и эмоционально-смысловые интенции эстетического ожидания

Итак, концепт сверхзадачи закладывается автором на начальных этапах рабо-

ты над сценическим образом, когда актер знакомится с содержанием и погружается в замысел произведения. Этот этап в свете феноменологической методологии обнаруживает интенции рационально-смыслового и эмоционально-смыслового типа интенции, хотя их дифференциация условна, так как образ роли целостный, конкретно чувственный. Он еще будет уточняться через прояснение деталей и оттачиваться в телесных репрезентациях [3, с. 112].

Среди рационально-смысловых интенций телесности актера нужно отдельно выделить его нацеленность на аналогию, которая характерна для художественного творчества и проявляется в аллегориях, сравнениях и особенно – метафорах. Аналогия, по существу, опосредует подражательные сценические действия актера. По сути, тело, переживаемое актером изнутри как «мое тело» соотносится с телом Другого (телесность персонажа).

Перед актером возникает сложная задача – выделить из множества собственных впечатлений те, которые оставят идею автора узнаваемой, но вместе с тем будут резонировать с его личностными переживаниями. Это как узнавание музыкальной мелодии вне зависимости от того, к примеру, на каком музыкальном инструменте она исполнена. Но для начала актер сам должен узнать идею автора, что возможно только благодаря его восприимчивости к ней. Узнавание проявляется как интенция воспоминания о прошлом [1, с. 129].

Несмотря на значимость рационально-смысловых интенциональных актов в создании сценического образа, всегда наступает момент, когда актер подходит к надделению образа персонажа новым качеством через его драматизацию. К рационально-критическим интенциям сознания добавляется эмоционально-смысловой горизонт ожидания, его составляют чувственные переживания.

Сочетание смыслового и эмоционального горизонтов ожиданий складывается в эсте-

тическое ожидание, которое намного шире и богаче эмпирического восприятия. Очевидно, что критический анализ жизненной ситуации и поступков Гамлета, Дон Кихота, Фауста не обладает глубиной понимания без эстетического ожидания перцептивной установки на оценку их драматической судьбы, без поиска противоречивых переживаний, вызывающих эстетическое потрясение.

По мнению Л. Выготского, ответственность актера лежит как в смысловой плоскости создаваемого сценического образа, так и в эмоциональной плоскости выбора средств выражения драматизма, вызывающих «противочувствие несоответствий» [4, с. 206]. На наш взгляд, в этой формуле отражена сущность эстетических переживаний, которые находят объективацию в телесности актера.

Тончайшее сопереживание душевным устремлениям героев художественных произведений, их кричащим внутренним противоборствам сопряжено со взглядом актера на себя как бы со стороны, сквозь призму художественного образа. Такое переживание является эмоционально сильным, ярким, эстетически просветленным, но при этом содержит элементы критичности. Телесность актера связывает художественно-условное отображение действительности и саму действительность, сценический образ и свой жизненный мир [2, с. 81]. Именно первый схваченный сознанием образ будет настраивать все интуитивные акты восприятия и воображения актера, подготавливая и определяя систему телесных реакций актера в роли.

Надситуативная телесность актера и воображение

В принципе телесность может актуализировать мир чувств и переживаний, только освоив его. В отношении освоения сознанием конкретно-чувственного опыта актера намечается следующая интенциональная цепочка: опыт – познание – освоение – свободное творчество. Телесность в этой цепочке реализуется как опыт переживания и осознания этого переживания, выполняющее разновекторно

направленные интенции – движение к себе (персонализация) и движение в мир (самоактуализация) [8, с. 84].

Иллюстрацию этих векторов находим в описании Л. Толстым переживаний Николеньки Иртеньева, героя повести «Детство». Ребенок во время похорон матери прекрасно различает, что он чувствует на самом деле, а что хочет показать для других: «Прежде и после погребения я не переставал плакать и был грустен, но мне совестно вспоминать эту грусть, потому что к ней всегда примешивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желание показать, что я огорчен больше всех, то заботы о действии, которое я произвожу на других, то бесцельное любопытство, которое заставляло делать наблюдения над Мими и лицами присутствующих. Я презирал себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался скрывать все другие; от этого печаль моя была неискренна и неестественна. Сверх того, я испытывал какое-то наслаждение, зная, что я несчастлив, старался возбуждать сознание несчастья, и это эгоистическое чувство больше других заглушало во мне истинную печаль» [9, с. 47].

Данный отрывок, хоть и не связан с актерской игрой, однако наглядно показывает, как в телесности могут переплетаться сопереживание самому себе, но только не реальному, а возвышенному над ситуацией реальности в связи с привнесенным драматизмом в условную ситуацию.

Ситуативная и одновременно надситуативная телесность, как осознанность и эмоциональное переживание роли, и есть специфика профессиональной позиции актера. Системное описание переживания роли предлагает П. Якобсон [12, с. 206]. На основании его идей представим экспликацию творческих интенций актера. Во-первых, это интуитивные интенции воображения и воспоминания, в которых оживляются собственные переживания, схожие с эмоциональными состояниями героя. Во-вторых, это интенции творческой переработки собственных жиз-

ненных переживаний, аналогичных по условиям возникновения обстоятельствам жизни героя в целом (эти переживания затем встраиваются в воображаемые обстоятельства пьесы). По сути, это интенции категориальной интуиции усмотрения сущности (отношений, признаков, последовательности и др.) И в-третьих, это внутреннее сближение с душевным миром героя путем сознательной перестройки эмоциональной организации личности актера, которая объективируется в его телесном перевоплощении в условиях сценической интерпретации. По форме это интенция идеирующей абстракции, которая в традициях феноменологического подхода есть восхождение к нечувственному восприятию универсального, требующего надситуативной телесности.

Ведущая роль в надситуативной телесности принадлежит интуитивным интенциям воображения. В этом контексте интересны идеи Т. Рибо, который движение творческого воображения сводил к двум типам: олицетворение и преобразование (метаморфоза). Метаморфоза как феномен преобразования в игре актера есть изменения, касающиеся в большей мере внешней визуализации его телесности, порой кардинальных изменений, явно демонстрируемых зрителю. Тогда о телесности в философском смысле можно говорить как о превращающейся, меняющейся форме во всем многообразии выражения при взаимодействии с неизменностью личности актера-субъекта. В трактовке олицетворения как преобразования телесности актера на сцене акцент с изображения и надления неодушевленных предметов, стихий человеческими свойствами смещается на персонификацию в смысле антропатизма. Другими словами, телесность актера как действующий выражающий феномен является собирательным центром отвлеченных понятий, явлений действительности и вымышленного мира в контексте идеи понимания и демонстрации качеств человеческой личности (олицетворение мужества, красоты, добра, веры и так далее) [6, с. 166].

Талантливый актер М. Чехов, опираясь на собственный опыт, утверждал, что в процессе работы над ролью воображаемые образы постепенно становятся для актера все более четкими и оформленными по сравнению с собственными представлениями. Он наделяет их самостоятельностью и способностью вызывать сильные ответные чувства. Возникновение воображаемых образов он считает в большей мере иррациональным процессом, сравнивая его с волшебством и одновременно очень влиятельным, неподвластным волевым регуляции [10, с. 104]. Причем в зависимости от того, какой опыт переживаний богаче, различными будут модальности представленности образов: одни актеры, прежде всего, «слышат» своего героя, другим представляется его пластический облик.

Итак, первой репетиции предшествует сложная духовная работа над интенциональным образом, включающая сложную разветвленную систему рационально-критических и эмоционально-смысловых интенций эстетического ожидания. Однако он не окончательный. Этот образ уже обладает своим ритмом. Его ценность в намеченных опорах, удачно схваченных элементах. При каждом возвращении к ним актер получает импульсы дальнейшей ноэмо-ноэтической активности, поэтому образ остается динамичным. Посредством механизма формообразования он обрастает находками, внешне очерчивается. Воспроизведение в воображении всех предлагаемых обстоятельств роли, нуждается в проверке через осуществление в пластическом и темпо-ритмическом рисунке действий, через своеобразие речи.

Сделаем промежуточный вывод. Телесность актера воплощает найденное, и верно сыгранный отрывок, в свою очередь, дает толчок воображению. То есть действие дает возможность сознанию актера быть в ситуации и над ней одновременно. Это состояние М. Бахтин называет состоянием существования: «Все ваши мысли, слова, поступки становятся проявлениями объекта нашей концентрации. В первых двух фазах вы отделены

от объекта, в третьей – сливаетесь с ним» [1, с. 202]. Состояние существования возможно, когда создан концепт сценического образа, подготовлен телесный инструмент, отточена чувствительность. Это творческий поток, в котором нет ни отдельных размышлений, ни отдельных ощущений, но есть все сразу, одновременно, целостно. Созданный образ творит руками, чувствами, умом актера, охватывая его и зал» [1, с. 217].

Телесность запускает этот поток, собирая воедино все накопления предыдущей работы, мобилизует все потенции когнитивной системы, все уровни эмоционально-чувственной иерархии, осуществляет духовную концентрацию актера. Духовная концентрация в таком случае понимается как целостное существование в потоке творческой реализации.

Интуитивные интенции воображения, воспоминания, аналогии, олицетворения выглядят на первом этапе работы над образом как понимание и присвоение с помощью глубоких перцептивных механизмов идентификации и эмпатии, включение в свою телесность надситуативных переживаний, возвышения над ситуацией реальности.

Соответственно идеям К. Станиславского, этот этап выглядит как действие от писателя к себе. Субъективно он переживается как оценка своего интереса, желания изменить и представить свою телесность как новую данность, оценка желательности. Затем интенциональный образ переводится в сценическое действие, которое К. Станиславский рассматривает как перевоплощение, заключенное в принципе физического действия «от себя к образу». Телесность актера уточняет формулу перевоплощения: от своих совершенно реальных (физических) действий, от своего жизненного поведения к более далеким и значительным целям образа, который, собственно, и есть сверхзадача сценического творчества [7, с. 233].

Действия, осуществляемые в процессе перевоплощения, называют «сценическими». Телесная активность актера имеет принципиальное отличие от любых других действий.

Она возникает по заказу, как если бы их вызвала реальная необходимость. Причем, это уже не изображение действий, а реальные действия актера, подчиненные конкретной цели, а в более широком плане – сверхзадаче.

Чем сложнее сверхзадача роли, тем напряженней творческие усилия актера, в которых одновременно удерживаются в поле ноэмо-ноэтической активности план телесной активности (физических действий, собственных переживаний себя в ситуации определенной сцены, куска, сценического эйдоса, при постоянном взаимодействии с образом Другого и соподчинении всего этого конгломерата внутренних и внешних процессов со сверхзадачей яркого и точного выражения «жизни человеческого духа»).

Телесность актера и перевоплощение в сценической пространственности

В сценическом действии внутреннее ощущение тела распространяется вовне, в сферу эмпирической пространственности, сливается с ней и преобразует ее. Это достигается специфическими действиями актера, которые не только преобразуют его восприятие внешнего пространства в продолжение внутри телесной пространственности, но и соответствующим образом переориентируют восприятие зрителя. Предметы на сцене утрачивают свой автономный характер, становясь элементами события актерского действия, что позволяет воздействовать на зрителя, переориентировать его внимание и восприятие. Метаморфоза телесности заключается в том, что объективно тело актера продолжает пребывать в эмпирическом пространстве, а создаваемый им образ воплощается в новой сценической пространственности, являющейся продолжением его жизненного мира [3, с. 67]. То есть сценическая пространственность – это новая сценическая реальность, которая создается посредством телесной активности.

Связь сценической пространственности и телесности актера К. Станиславский описал так: «Наконец занавес медленно раздвинул-

ся. Посередине, на самой авансцене, сидела Малолеткова. Она, боясь увидеть зрителей, по-прежнему закрывала лицо руками. Царившая тишина заставляла ожидать чего-то особенного от той, которая была на сцене. Пауза обязывала. Вероятно, Малолеткова почувствовала это и поняла, что ей необходимо что-то предпринять. Она осторожно отняла от лица одну руку, потом другую, но при этом опустила голову так низко, что нам была видна лишь ее макушка с пробором. Наступила новая томительная пауза. Наконец, чувствуя общее выжидательное настроение, она взглянула в зрительный зал, но тотчас же отвернулась, точно ее ослепило ярким светом. Она стала поправляться, пересаживаться, принимать нелепые позы, откидываться, усиленно вытягивать свою короткую юбку, внимательно разглядывать что-то на полу» [7, с.48–49].

Приведенный пример неудачного опыта иллюстрирует то, насколько важна особая надситуативная телесная активность актера в сценической пространственности, ее ключевая роль в погружении зрителя в новую сценическую реальность.

Итак, сценическое действие порождает событие новой реальности, в котором тело актера и элементы сцены преобразовываются в новое по своему качеству сценическое пространство. И тело, и окружающие предметы воспринимаются артистом как события, приближающие к сверхзадаче. Другими словами, речь идет о расширении переживания телесности в сценическом пространстве.

Творчество актера в образе – сценическое переживание телесности на основе перевоплощения в ситуации условности, которые затем объективируются в реально происходящем сценическом процессе. Для актера важно найти ответы на вопросы: о чем моя роль? что я должен делать? как я должен играть?

По словам К. Станиславского, переживать роль на сцене – это значит логично, последовательно мыслить, хотеть, стремиться, действовать исходя из целей и логики поступков персонажа. Такое переживание вторично, оно включает в себя и мысль, и представле-

ние, и волевое усилие, само включается в сценическое действие и общение и составляет их динамическую основу [7, с. 246].

К. Станиславский считал, что если найдены ответы на первые два вопроса, то актеру несложно повторять ту линию действий в предлагаемых обстоятельствах, которые уже понятны и логично выстраивают последовательность сценических действий. Несмотря на подвижность системы ролевых действий и поступков, она, повторяясь от репетиции к репетиции, из спектакля в спектакль, становится достаточно определенной и устойчивой. К. Станиславский прослеживал этот путь – от жизни человеческого духа самого актера к жизни его тела в роли и от нее вновь к жизни человеческого духа образа [7, с. 258]. Телесность, через логику действий фиксируемая внешне (что?), движется дальше – к эмоциональным сценическим переживаниям (как?). И вот уже слишком глубоким стало проникновение, вчувствование актера в образ.

Вопрос «как играть?» неизбежно связан с моментом, когда актер начинает подвергать сомнению и самого себя, и созданное на предыдущих этапах: «Так это в данный момент для меня – как это на самом деле? Так ли это будет для зрителя, как и для меня?» и так далее. Описание и объяснение чувств и эмоций вообще сложная задача, связанная с размытыми критериями истинности, отсутствием четкого категориального аппарата, с необходимостью обращаться к какой-либо классификации (а их на сегодня достаточно много и они часто разрознены). В современной науке можно наблюдать тенденцию отказа от теоретического осмысления эмоционально-чувственной сферы человека и смещения акцента на описательные методы, к которым и относится феноменология.

По формулировке вопросов, на которые ищет ответы актер, становится понятной доля рациональной и иррациональной составляющей. Хотя их дифференциация условна, она важна в большей мере для осуществления экспликации, аналитики, систематизации.

Ситуация сложности объяснения эмоционально-чувственной сферы актера усугубляется тем, что актер в роли не только мыслит, но и чувствует особенно, иначе, чем в жизни; все это он делает за своего героя. Изменяются отношения актера ко всему, что его окружает на сцене. Возникает иной рисунок пластики, мимики, речи, и тем самым меняется стиль поведения. В него могут привноситься национальные, профессиональные, возрастные характеристики. Например, у артиста, которому удастся представить себя стариком, замедляется выработка условных рефлексов, все реакции ослабевают. Представление себя молодым, напротив, у способных актеров увеличивает темпы работы головного мозга [3, с. 302].

Перевоплощение в сценическом действии можно представить двухуровневостью переживаний телесности: одни переживания отвечают за выстраивание реального поведения, актерской игры, а другие осуществляют образ Другого. Потому перевоплощение как метаморфоза актера – это, в сущности, не само перевоплощение как таковое, а интенция, направленная к нему. По сути, мы с другой стороны пришли к тому же логическому выводу, что и в предыдущей части статьи о преобразении актера как осуществлению и выражению сверхзадачи, прежде всего в метаморфозах внешней визуализации его телесности, которая будет предъявлена зрителю. Эти метаморфозы подчинены эстетическому ожиданию и актуализируются в единстве рационально-критических и эмоционально-смысловых интенций телесной арт-практики создания художественного образа актером. Здесь мы аккуратно вводит термин телесной арт-практики, так как он отражает эстетическую реальность, отличительной чертой которой выступают манипуляции, метаморфозы с объектами, предметами, телесными действиями, меняющие саму действительность.

Итак, телесность актера, которая на сцене заставляет зрителя поверить, есть гармония духовного опыта, рационального и эмоционального. Этот тезис проходит в качестве

генеральной идеи в романе С. Моэма «Театр». Трагедию главной героини писатель описывает как смещение ролей и позиций; для нее подлинной является жизнь на сцене, а жизнь реальная – мир притворства.

Перенеся личную трагедию на сцену, Джулия Ламберт была настолько натуралистичной, что демонстрируемые подлинные переживания зритель чувствовал как фальшь, неправдивую, неестественную игру, а сцену воспринимал как место для самолюбования актрисы, которая казалась внутренне пустой [5, с. 188]. Последовательно описаны тонкие грани трансформации личности актрисы на сцене и в жизни: от игры чувств с холодным разумом через смешение мира притворства и реальности к особому способу существования актера. Причем к кульминации успеха актрисы С. Моэм подводит через вполне явное разграничение таланта и мастерства, с одной стороны, и рефлексии своей личности – собственных мотивов, желаний и устремлений актрисы – с другой, которые представлены в многочисленных внутренних диалогах главной героини.

Таким образом, телесность актера в сценическом действии перевоплощения должна как бы удвоиться, о чем говорят М. Бахтин, Л. Выготский, Г. Шпет. Телесность актера удерживает рационально-оценочные интенции здесь и сейчас (присутствие в чреде мизансцен, следование за разнообразием реплик, согласованность с музыкальным сопровождением, резонанс разворачивающихся переживаний) и эмоционально-смысловые интенции художественного наполнения образа [11, с. 3].

Слезы актера не имеют ничего общего с теми слезами, «которыми плачет» его переживающее Я. Потому они не мешают играть образ и, проливая их, актер испытывает внутренне восторг и ликование от хорошо сделанной работы. Здесь обнаруживаются не только свойства актера и персонажа, но и профессиональные умения, знания и навыки артиста. Все, что вошло в привычку, оформилось в алгоритм навыков артиста, стало областью тех

умений, которые были приобретены ценой больших усилий объективации телесности, но теперь не нуждается в его пристальном контроле и волевых усилиях. Однако телесность актера, которая всегда, в сущности, занята тем, что обогащается, уточняется, расширяется, развивается, не может претендовать на окончательность и фиксированность в силу своей природы, а также – по причине неисчерпаемости истинного содержания сверхзадачи. Неокончателность и неисчерпаемость всегда оставляют место для экспрессии как своеобразной игре, в которой резонируют собственные переживания с переживаниями изображаемыми [11, с. 5].

Г. Шпет в этом контексте называет актера художником, который оформляет себя, свое тело через экспрессивную игру, которая обеспечивает возможность выявления номатического содержания собственных смыслов [11, с. 10].

Итак, телесность актера на этапах создания образа, сценического действия, перевоплощения, а затем и диалога со зрителем одновременно удерживает 3 типа интенций: 1) переживания реальной телесности – «каков Я есть» (влечение, желание, оценивание); 2) переживания идеальной телесности – «каким хотел бы быть» (мотивация преобразовывать, воление, осуществление); 3) зеркальные рефлексивные переживания телесности, связанные с представлением о том, как воспринимают другие осуществленный сценический образ, эстетические переживания. Другими словами, творчество актера связано с процессом создания и «вхождения» в образ как в некую новую замкнутую систему Я-концепции, которая включает переживания собственной телесности (личность актера), телесности Я Другого (персонажа) и телесности Я Другого (зрителя).

Телесность актера предельно расширяется, становясь надситуативной, выходит за пределы эмпирической пространственности. Тело актера и элементы сцены преобразовываются в новое по своему качеству сценическое пространство.

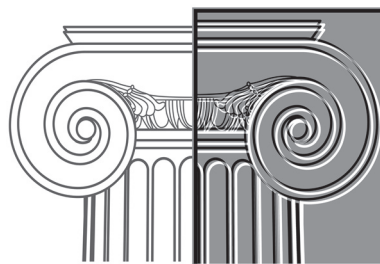

Список литературы

1. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности. Москва: Искусство, 1979. 380 с.
2. *Бритаева Н. Х.* Эмоции и чувства в сценическом творчестве. Саратов: Саратовский университет, 1986. 160 с.
3. *Вильсон Г.* Психология артистической деятельности. Москва: Когито, 2001. 383 с.
4. *Выготский Л. С.* Психология искусства. Москва: Педагогика, 1987. 345 с.
5. *Моэм У.* Театр. Москва: АСТ, 2015. 318 с.
6. *Рибо Т.* Творческое воображение. Санкт-Петербург: типография Ю. Н. Эрлих, 1901. 318 с.
7. *Станиславский К. С.* Собрание сочинений в 8 томах / гл. ред. М. Н. Кедров. Москва: Искусство, 1954–1961. Т. 4 : Работа актера над ролью. 1957. 551 с.
8. *Телесность человека: междисциплинарные исследования / ред. В. В. Николаева, П. Д. Тищенко.* Москва: Философское общество СССР, 1991. 160 с.
9. *Толстой Л. Н.* Детство. Отрочество. Юность / Собрание сочинений Л. Н. Толстого в 20 томах. Т.1. Москва: Художественная литература, 1978–1985. 120 с.
10. *Чехов М.* Путь актера: жизнь и встречи. Москва: АСТ, 2009. 212 с.
11. *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания (Статья-этюда) // Культурно-историческая психология. 2006. № 4. С. 3–17.
12. *Якобсон П. М.* Психология чувств и мотивации. Воронеж: МОДЭК, 1998. 304 с.

*

Поступила в редакцию 25.06.2024

ПЕДАГОГИКА
И ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ
КУЛЬТУРЫ

5.8.7. Методология и технология профессионального образования
(педагогические науки)

КРЕАТИВНЫЙ КОНСОРЦИУМ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ИДЕИ К ПРОЕКТУ

УДК 340

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-96-102>

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: rektor@mgik.org

А. И. Юдина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Е. Ю. Стрельцова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: strelcovaelena9191@mail.ru

Аннотация. В современных условиях трансформации высшего образования и изменения условий рынка труда возникает необходимость поиска эффективных подходов к профессиональной подготовке специалистов. Одним из перспективных направлений по достижению данной цели является объединение ресурсов образовательных организаций и создание консорциумов. В статье дае

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Московского государственного института культуры

ЮДИНА АННА ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической и воспитательной деятельности, Московский государственный институт культуры

СТРЕЛЬЦОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой народной художественной культуры, Московский государственный институт культуры

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Culture of Russian Federation, Rector of Moscow State Institute of Culture

YUDINA ANNA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Educational, Methodological and Educational Activities, Moscow State Institute of Culture

STRELTSOVA ELENA YURIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Folk Artistic Culture, Moscow State Institute of Culture

© Кудрина Е. Л., Юдина А. И., Стрельцова Е. Ю., 2024

ся краткая историческая справка о возникновении развитии академических консорциумов в России. Выявлены различные точки зрения на эффективность подобных объединений. Представлен проект создания консорциума вузов культуры в России на базе Московского государственного института культуры, стратегической целью которого является формирование новой модели образования в точке сопряжения науки, культуры, искусства и инноваций. Подводятся промежуточные итоги реализации этого проекта на начальном этапе. Дается прогноз по его дальнейшему развитию.

Ключевые слова: консорциум, высшее образование, вузы культуры, объединение ресурсов, проект креативного консорциума вузов культуры России, Московский государственный институт культуры.

Для цитирования: Кудрина Е. Л., Юдина А. И., Стрельцова Е. Ю. Креативный консорциум вузов культуры в контексте развития профессионального образования: от идеи к проекту // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 96–102. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-96-102>

CREATIVE CONSORTIUM OF CULTURAL UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL EDUCATION DEVELOPMENT: FROM IDEA TO PROJECT

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: rektor@mgik.org

Anna I. Yudina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Elena Yu. Streltsova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: strelcovaelena9191@mail.ru

Abstract. In modern conditions of transformation of higher education and changes in labor market conditions, there is a need to find effective approaches to professional training of specialists. One of the promising directions to achieve this goal is to combine the resources of educational organizations and create consortia. The article provides a brief historical background on the emergence and development of academic consortia in Russia. Various points of view on the effectiveness of such formations have been identified. A project is presented to create a consortium of Russian cultural universities on the basis of the Moscow State Institute of Culture, whose strategic goal is to form a new model of education at the interface of science, culture, art and innovation. The interim results of the implementation of this project at the initial stage are summarized. A forecast is given for its further development.

Keywords: consortium, higher education, cultural universities, pooling of resources, project of the creative consortium of Russian cultural universities, Moscow State Institute of Culture.

For citation: Kudrina E. L., Yudina A. I., Streltsova E. Yu. Creative Consortium of Cultural Universities in the context of the development of vocational education: from idea to project. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 96–102. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-96-102>

Идея формирования консорциумов – объединения и взаимодействия образовательных, научных организаций и отраслевых предприятий в академической среде для совместного достижения поставленных целей – относительно не нова. Первые академические консорциумы возникли в начале 2000-х годов. «В основу формирования консорциума заложена достаточно простая, логичная и понятная идея кооперации и взаимопомощи: чтобы достигнуть серьезной научной или образовательной цели, нужно объединить свои ресурсы: у одной организации есть необходимое оборудование и лаборатории, у другой – возможность применения результатов экспериментов на практике, у третьей – доступ к реактивам, у четвертой – команда, у пятой – имя, а у шестой – идея» [1]. Словом, консорциум стал современным воплощением принципа «объединяй и процветай».

Предпосылками бурного развития консорциумов вузов [4] в те годы стали появившаяся возможность широкого использования Интернет-технологий и стремление во что бы то ни стало воплотить в жизнь базовые принципы Болонской системы: открытость системы образования; академическую мобильность студентов и преподавателей; единые требования к документам об образовании и взаимное их признание (к слову, ни один из этих принципов так и не был реализован в российском образовательном пространстве).

Вторая волна возвращения к быстро забытой идее консорциумности была инициирована разработкой и началом реализации в июне 2021 года программы Минобрнауки РФ «Приоритет 2030», призванной помочь лучшим университетам, «которые смогут стать лидерами в научно-технологическом и социально-экономическом развитии страны», а также «проводить современные исследования, применять современные технологии в своей работе и готовить специалистов для работы в регионах России» [8]. Невероятный всплеск активности вузов в этом направлении заставил некоторых экспертов усомниться в необходимости столь срочной кооперации

и охарактеризовать бум неконсорциумности как «новомодное веяние, за которым необходимо поспевать, если ты хочешь быть передовым и современным вузом, хочешь рассчитывать на получение грантовой поддержки от государства» [1].

Сегодня, по прошествии нескольких лет реализации программ совместного развития образовательных организаций, можно вполне объективно оценить итоги проведенной работы и определенно ответить на вопрос, действительно ли реализация такого взаимодействия позволяет получить более производительный и менее затратный результат. Превратился ли консорциум в некую синергетически развивающуюся систему, где результат объединения усилий всех участников выше, чем механическое сложение этих усилий?

В этой статье нам бы хотелось обобщить опыт по созданию проекта креативного консорциума вузов культуры России на базе Московского государственного института культуры (МГИК) и его пилотной апробации. Сразу оговоримся, что МГИК не является участником программы «Приоритет 2030» и каких-либо письменных соглашений по созданию такого консорциума пока не существует. Тем не менее, проводимая работа вполне ложится в русло идей творческой кооперации и взаимопомощи, обмена опытом и развития науки и образования в сфере культуры [2].

На первом этапе был разработан проект консорциума вузов культуры России. Стратегической целью коллаборации вузов культуры стало формирование новой модели образования в точке сопряжения науки, культуры, искусства и инноваций. Миссия МГИК как двигателя проекта коллаборации состоит в том, чтобы трансформироваться в ведущий научно-образовательный центр, лидера в области новых знаний и передового опыта в области культуры и искусств для эффективного их использования в интересах государства и общества [3; 9]. В таблице 1 представлен SWOT-анализ сильных и слабых сторон такой коллаборации.

	Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
Внутренняя среда	<ol style="list-style-type: none"> 1. Возможность использования сильного кадрового потенциала МГИК. 2. Значительные территориальные возможности МГИК. 3. Сильная материально-техническая база МГИК. 4. Преимущества объединения научных, кадровых, информационных, рейтинговых и прочих ресурсов вузов. 5. Возможность использования более чем десятилетнего опыта, накопленного ФУМО по УГСН «Культуроведение и социокультурные проекты» по выстраиванию отношений с вузами в области учебно-методической работы. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Неготовность некоторых организаций высшего образования предоставить открытый доступ к использованию своих ресурсов. 2. Несформированность системы генерации образовательных и культурных ценностей (отсутствие значимых платформ, где бы можно было размещать информацию). 3. Нахождение многих гуманитарных вузов на начальной ступени цифровой трансформации.
	Возможности (O)	Угрозы (T)
Внешняя среда	<ol style="list-style-type: none"> 1. Объединение образовательных учреждений не по принципу территориальной близости, а по принципу наличия у них тех ресурсов, которые позволяют решить поставленные задачи. 2. Возможность коллаборации не только профильных, но и непрофильных вузов. 3. Объединение возможностей учебных заведений профессионального образования различного уровня: ВО, СПО. 4. Возможность выявить сущностные проблемы, разработать и реализовать общие проекты, результаты которых могут быть использованы в других регионах и теми образовательными учреждениями, которые не участвуют в программе. 5. Создание 21 сентября 2022 года Совета по профессиональным квалификациям в сфере культуры. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Невысокий уровень заинтересованности бизнес-сообщества в совместной деятельности с организациями сферы науки и образования. Господствующее мнение о том, что культура – нетехнологичная сфера. 2. Недостаточная разработанность механизмов сотрудничества с отечественными партнерами. 3. Слабая разработанность механизмов сотрудничества с зарубежными партнерами, ограниченный доступ на международный рынок образовательных услуг. 4. Малое число СПК в области культуры и искусства и слабые связи с ними.

Таблица 1. SWOT-анализ сильных и слабых сторон коллаборации вузов культуры

Содержание работы коллаборации проектировалось по отдельным направлениям деятельности: учебное, методическое, научное, экспертное, культурно-массовое, создание студенческих общественных объединений [10].

1. Учебное направление. Первоосновой коллаборации вузов были сетевые сообщества. Эту удобную и малозатратную форму кооперации нельзя сбрасывать со счетов и сегодня. Реализация этой формы открывает поистине уникальные возможности перед студентами. Они смогут обучаться по широкому спектру программ, предлагаемых вузами-участниками, а также проходить производственные и учебные практики в любом из вузов. Появится возможность учиться одновременно по двум профилям (или направлениям). Преподаватели и студенты смогут получить доступ к общим образовательным ресурсам: пользоваться

электронными базами данных и возможностями библиотек, при помощи современных интернет-технологий слушать лекции лучших преподавателей. Достаточно удобной для реализации сетевого обучения может стать образовательная платформа «Цифровая образовательная среда Консорциума», которую можно создать на базе ГИС «Современная цифровая образовательная среда».

Магистрам можно предложить программу научной стажировки продолжительностью до 10 месяцев, целью которой станет подготовка специального раздела по теме диссертационного исследования с возможным проведением эксперимента в лаборатории партнера, который (раздел), в будущем может стать частью кандидатской диссертации. Таким образом, магистратура будет готовить качественных кандидатов для поступления в аспирантуру

вузов Консорциума. Аналогичная программа стажировки может быть разработана и для аспирантов.

Для преподавателей в рамках консорциума могут быть организованы курсы повышения квалификации с широким спектром востребованных сегодня программ. Удобной формой станет создание Центра отраслевых компетенций, где будут предлагаться специальные программы по освоению педагогических компетенций. Например, для преподавателей можно организовать курсы «Современная (цифровая) дидактика». Онлайн-занятия, MOOC, мессенджеры, LMS, большие данные понемногу становятся нашими ежедневными инструментами, что ведет к трансформации привычных социальных отношений, моделей коммуникаций в образовании. В рамках консорциума можно разработать программы, рассчитанные на разноуровневую аудиторию – от освоения стандартных компьютерных программ до изучения языков программирования.

2. Методическое направление. Здесь речь идет о подготовке и издании линеек учебников, учебно-методических пособий, подготовленных объединенными коллективами по действующим образовательным стандартам и очень востребованных в учебном процессе любого вуза.

«Создание единой электронной библиотечной базы предполагает, что преподаватели могут совместно создавать новые версии учебников, проектировать и производить учебные мультимедиа-продукты, создавать виртуальные лаборатории, дидактические веб-сайты» [5, с. 24].

Организация конкурсов студенческих работ – ВКР, научно-исследовательских работ (отдельно для студентов бакалавриата, магистратуры и выпускников), проведение олимпиад по изучаемым дисциплинам – также является перспективным направлением объединенной методической работы. Многим студентам интересно начать научную карьеру уже сейчас и сделать так, чтобы курсовые работы, исследования, проекты не отправлялись «в стол». Участвовать в конкурсе научно-

исследовательских работ студентов (НИРС) – это отличный способ заявить о себе.

Анализ рынка труда, создание матрицы востребованных профессий, выработка на основе этого каталога востребованных профилей и перечня образовательных программ, являясь прерогативой ФУМО, также призваны служить коллективным целям.

3. Научное направление включает проведение совместных научных исследований – реализацию общих образовательных, научно-исследовательских проектов; развитие публикационной активности (предоставление списка журналов, входящих в перечень журналов ВАК по научным специальностям, и собственных журналов, издаваемых вузами консорциума; обмен научными трудами); создание электронной базы изданных передовых научных публикаций институтов по утвержденным направлениям и ее ежегодное обновление; совместное проведение научных конгрессов, конференций, круглых столов, тематических научных диалогов по утвержденным направлениям взаимодействия.

4. Экспертное направление связано с разработкой единой базы экспертов академического сообщества и работодателей из числа сотрудников и партнеров – членов консорциума.

5. Творческое направление предполагает создание онлайн инкубатора студенческих социально-культурных инициатив в сфере культуры и искусства по разработке креативных проектов [7, с. 129–170]. Лидеры креативных индустрий помогут студентам определиться с проблематикой, актуальностью и перспективами социальных инициатив в сфере культуры и искусства, выработать концепцию собственного креативного проекта, апробировать его на фокус-группе. Номинациями для конкурсной защиты подобных проектов могут стать дизайн и мода, декоративно-прикладное искусство, медиа (фото и видеоконтент), музыка, исполнительские искусства (театр, танец, перфоманс), событийный и культурный туризм, компьютерная графика.

6. Культурно-массовые мероприятия включают формирование перечня патрио-

тических, спортивно-массовых и творческих мероприятий для студентов вузов консорциума; проведение совместных спартакиад, универсиад, фестивалей; обмен опытом по осуществлению воспитательной работы вузами консорциума, в том числе по поддержанию позитивного психологического климата в молодежной среде, развитие форм инклюзивной воспитательной деятельности [6].

7. *Общественные студенческие объединения.* Во внеучебной деятельности можно реализовать межвузовские проекты социального добровольчества, межвузовские студенческие этнографические или историко-археологические экспедиции в интересные с этой точки зрения регионы России, а также реализовать молодежные патриотические онлайн и офлайн проекты и инициативы.

Необходимо отметить, что разработанный нами проект успешно внедряется в современную образовательную практику. Учебное направление подкреплено активным многолетним участием МГИК в Федеральном проекте «Творческие люди», в рамках которого только за 2023 год прошли профессиональную переподготовку и получили повышение квалификации около четырех тысяч специалистов сферы культуры.

Развитие методического направления обеспечивается деятельностью на базе института Федерального учебно-методического объединения «Культуроведение и социокультурные проекты», разрабатывающего совместно с вузами-участниками объединения такие важные нормативные и рекомендательные методические документы, как ФГОС и ПРОП по семи направлениям и специальностям. МГИК постоянно обогащает образовательное пространство инновационными программами. Так, разработанная преподавателями института программа по недавно введенному для всех вузов учебному курсу «Основы российской государственности» вошла в тройку лучших в России.

Научное направление представлено не только многочисленными общероссийскими конференциями, в которых среди прочих

участвуют вузы и образовательные учреждения присоединенных территорий ЛНР и ДНР. МГИК развивает активное сотрудничество с зарубежными странами. Так, в сентябре 2023 года в Минске состоялся организованный совместно с Белорусским государственным университетом культуры и искусств Международный конгресс «Вузы культуры и искусств в международном гуманитарном сотрудничестве: глобальные вызовы и стратегия действий». Соглашения о сотрудничестве (в том числе, и научном), подписаны с Яньчэнским педагогическим институтом (Китай), Государственной академией хореографии и Государственным институтом искусств и культуры (Узбекистан), Республикой Сенегал. МГИК стал первым творческим вузом, на базе которого 22 мая 2024 года открылся Научный центр Российской академии образования.

Множатся ряды партнеров института, среди которых можно назвать Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Поленова, парк искусств «Музеон», Выставку достижений народного хозяйства, картинную галерею Ильи Глазунова.

В перечне культурно-массовых мероприятий – многочисленные патриотические выступления студенческих концертных бригад перед бойцами СВО, ежегодные собрания в стенах МГИК волонтерских организаций «Движение первых», патриотические акции «Чтобы помнили»; благотворительные проекты: проведение мастер-классов в городах Абхазии в рамках гуманитарной программы «Миссия добра», проект «Дорогою добра» по развитию инклюзивного волонтерства и многие другие.

Пилотный проект по созданию Консорциума вузов культуры России, в который вошли представители вузов общей направленности, позволил получить первые положительные результаты, которые свидетельствуют об эффективности совместной работы над общими подходами и идеями в профессиональной сфере. Проект убеждает, что Консорциум способен разрабатывать новые инструменты развития научной, образовательной и методической инфраструктур в российских творческих вузах.

Список литературы

1. Консорциумы: модная тенденция для вузовской среды или четко артикулируемая потребность. [Электронный ресурс]. URL: <http://libinform.ru/read/articles>
2. Кудрина Е. Л. Национальные системы образования в сфере культуры: потенциал интеграции и стратегии развития // Вузы культуры и искусств в международном гуманитарном сотрудничестве: глобальные вызовы и стратегия действий: Сборник статей Международного конгресса, Москва, 14–16 сентября 2023 года. Москва: Московский государственный институт культуры, 2023. С. 5–11.
3. Кудрина Е. Л., Ремизов В. А. Ценностно-культурное ориентирование студентов творческого вуза в условиях вызовов XXI века // Высшее образование для XXI века. Воспитание: вызовы современности: Доклады и материалы, Москва, 24–26 ноября 2022 года / Под общей редакцией И. М. Ильинского. Москва: Московский гуманитарный университет, 2022. С. 36–43.
4. Куликова Ю. П. Инновационные вузы: этапы создания научно-образовательных консорциумов // Инновационное развитие России: условия, противоречия, приоритеты: Материалы IX Международной научной конференции. В 3-х частях, Москва, 28 марта 2013 года / Часть III. – Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2013. – С. 138–140.
5. Лесин С. М. Зарубежные модели научно-образовательных консорциумов как эффективной формы сетевого взаимодействия // Интерактивное образование. 2021. № 1. С. 22–26.
6. Мацукевич О. Ю., Ярошенко Н. Н. Инклюзивные креативные практики в развивающемся пространстве Российской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 5(109). С. 133–141. – DOI 10.24412/1997-0803-2022-5109-133-141.
7. Педагогика культуры: теоретические основания и инновационный потенциал / Е. Л. Кудрина, Н. Н. Ярошенко [и др.]. Москва: Московский государственный институт культуры, 2024. 240 с.
8. Приоритет 2030. Государственная программа поддержки университетов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://priority2030.ru/>
9. Стрельцова Е. Ю., Бабанова О. И. Реформа высшего образования: возможности и угрозы // Вузы культуры и искусств в международном гуманитарном сотрудничестве: глобальные вызовы и стратегия действий: Сборник статей Международного конгресса, Москва, 14–16 сентября 2023 года. Москва: Московский государственный институт культуры, 2023. С. 50–57.
10. Стрельцова Е. Ю., Юдина, А. И. Реформа высшего образования: возможности и угрозы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1(117). С. 119–124. – DOI 10.24412/1997-0803-2024-1117-119-124.

*

Поступила в редакцию 20.06.2024

5.8.1. Общая педагогика. История педагогики и образования
(педагогические науки)

*И*СКУССТВО В СОВРЕМЕННОЙ
ШКОЛЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
В ИСТОРИИ ОБУЧЕНИЯ

УДК 371.321

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-103-111>

Л. Г. Савенкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Российская академия образования,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: lgbloknot@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыты особенности современного преподавания искусства в школе с позиций интегрированного полихудожественного подхода, основанного на результатах многолетнего педагогического исследования в научно-исследовательском Институте художественного образования, осуществляемого под руководством Б. П. Юсова и его последователя Л. Г. Савенковой. Обращение к этому направлению сегодня обосновано тем, что за последние тридцать лет произошли радикальные изменения в жизни России, которые требуют пересмотра практики приобщения детей и молодежи к искусству. Это предполагает иную организацию образовательного процесса в целом, так как всеобщая интеграция, охватывающая науку, технику, промышленность и творчество, влияет на систему обучения, а на предметы гуманитарного и художественного цикла ложится сегодня серьезная ответственность.

Ключевые слова: художественное мышление, искусство, образование, школа, интеграция, сотворчество, полихудожественность, педагог.

Для цитирования: Савенкова Л. Г. Искусство в современной школе: общее и особенное в истории обучения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 103–111. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-103-111>

ART IN THE MODERN SCHOOL:
GENERAL AND SPECIFIC IN THE HISTORY OF EDUCATION

САВЕНКОВА ЛЮБОВЬ ГРИГОРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент
Российской академии образования, Московский государственный институт культуры
SAVENKOVA LYUBOV GRIGORIEVNA – DSc in Pedagogy, Corresponding Member of the Russian Academy
of Education, Moscow State Institute of Culture

© Савенкова Л. Г., 2024

Lyubov G. Savenkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Russian Academy of Education,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: lgbloknot@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of modern art teaching at school from the standpoint of an integrated poly-artistic approach based on the results of long-term pedagogical research by the staff of the Scientific Research Institute of Art Education, conducted under the leadership of B.P. Yusov and his follower L. G. Savenkova. The appeal to this direction today is justified by the fact that over the past thirty years there have been radical changes in the life of Russia, which require a revision of the practice of introducing children and youth to art. This implies a different organization of the educational process as a whole, since universal integration, encompassing science, technology, industry and creativity, cannot but affect the educational system, and today serious responsibility falls on subjects of the humanities and art cycle.

Keywords: artistic thinking, art, poly-artistic education, school, integration, co-creation of teachers.

For citation: Savenkova L. G. Art in modern school: general and specific in the history of education. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 103–111. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-103-111>

Последние годы XX века и первые десятилетия XXI века привнесли в жизнь России радикальные изменения, которые не могли обойти и систему образования. Общение с педагогами различных образовательных учреждений, анализ педагогической практики и изучение зарубежного опыта позволяют сделать вывод о том, что форма и система организации занятий по предметам эстетического цикла переживают в настоящее время серьезный кризис. В школьных коллективах это особенно заметно среди учителей, которые подходят к своей работе творчески. Всеобщая интеграция, охватывающая науку, технику, промышленность и художественное творчество, оказывает существенное влияние и на систему образования, в том числе на организацию образовательного процесса, в котором на гуманитарные и художественные дисциплины ложится серьезная ответственность.

Учителя предметной области «Искусство» – люди активные и неравнодушные, поэтому, понимая, что занятия искусством не должны ограничиваться лишь освоением умений и навыков (игра на инструменте, изображение предметов), стремятся превратить свои недолгие встречи с детьми в увлекательные занятия. Сказанное связано с тем, что

научить детей грамотно рисовать в условиях, когда на изобразительное искусство отводится всего 45 минут в неделю и только до 8 класса, скажем мягко, очень тяжело. Поэтому совершенно естественно, что преподаватели художественных дисциплин вынуждены искать нетрадиционные, но при этом интересные и эффективные формы работы, позволяющие за сжатые сроки пробудить у детей интерес к искусству и желание им заниматься. Это особенно важно, так как после окончания школы лишь немногие выпускники продолжают развивать свои способности в области искусства. Большинство будут соприкасаться с ним лишь эпизодически. Это означает, что школа – их единственный шанс получить необходимые знания об искусстве, его значении в жизни человека и общества в целом, а также приобрести практические умения в музыке и изобразительном искусстве.

Кому-то может показаться странным, что в настоящее время большинство учителей потянулось к науке, к педагогическому творчеству, к самосовершенствованию себя как специалиста. Такое явление характерно для частных и общеобразовательных школ, так как в специализированных художественных и музыкальных школах изобразитель-

ное искусство и музыка ведутся традиционно, главной задачей которых профессиональная подготовка обучающихся для поступления в художественные вузы.

Предлагаемое в данной статье направление раскрывает иной подход к преподаванию предметов искусства в школе, направленный на общее художественное развитие детей (в данном случае на примере изобразительного искусства, так как автор статьи специалист в этой области), когда вхождение ребенка в мир искусства (цвета, света, пространства, формы, композиции) *преломляется через среду*. Сказанное основано на том, что сфера гуманитарных и художественных предметов в школе содержит разнообразные сведения о взаимоотношениях человека с окружающим миром – природной, предметной и социальной средой. Поэтому их изучение без опоры на среду будет выглядеть неестественно, поскольку достаточно трудно представить какого-то человека, животное, архитектуру без окружения, а вместе они создают особую культурную среду (природную, социальную, предметно-пространственную). Об этом писал С. С. Аверинцев: «Мы не поймаем явления <...>, если не будем исходить из исторического момента и из социальных условий, при которых общество развивается» [1, с. 27]. Расширение пространства общения ребенка с миром, неслучайность окружения определяют весь процесс его восприятия мира, поскольку оно «сознательно или бессознательно воздействует на всех людей: может усилить наше понимание красоты формы, линий, красок или, наоборот, затормозить и даже притупить нас, до такой степени, что мы станем глухи к языку искусств» [7].

Такой подход к освоению искусства детьми оценивается мной с позиций понятия «экологии культуры» – сохранения культуры (Д. С. Лихачев). Сказанное объяснимо тем, что с помощью сухих знаний, конкретных практических умений и навыков, формул и математических понятий, химических реакций или исторических сведений вне связи с реальной жизнью трудно выстраивать полноценный

«очеловеченный» процесс вхождения современного ребенка в жизнь. Важную роль в этом процессе играют особенности региона (где находится школа), история, культурные традиции, окружающий природный и предметный мир, архитектура, а также люди, живущие в регионе и их деятельность. Это необходимо при освоении гуманитарных дисциплин и предметов художественного цикла, поскольку происходит опора на память, воображение, ощущения, представления, интуицию, ассоциации, эмоции и чувства. А художественное слово, визуальные образы, звуки, цвет, свет, движение, действия являются основой развития эмоциональной, сенсорной и умственной деятельности.

Другая важная сторона внедрения искусства в школу – совершенствование зрения, слуха, голоса, речи, красоты движений через погружение ребенка в активную творческую деятельность в разных видах искусства. Подтверждением сказанному являются слова Дж. Дьюи о том, что сущностью процесса обучения «является открытие, творчество, реальное постоянное воплощение чего-то нового. Ребенок учится на основе творческого мышления, при этом каждая решенная им задача является творческим актом открытия <...>, а изменения в ребенке происходят вследствие изменений в окружающей среде, а не в результате просьб, требований, внушений». По его мнению, творческий энтузиазм детей во многом определяется любознательностью, мотивацией, интересами и социальными установками взрослых [5].

Если не заниматься развитием у детей зрения, слуха, эмоционально-чувственной сферы, то и восприятие жизни, освоение знаний, умений и компетенций будет, мягко говоря, не совсем качественным. Следовательно, проблема творческого развития является одной из самых главных в педагогике, психологии и педагогике искусства. Анализ литературы по истории художественной педагогики, психологии детского творчества, знакомство с исследованиями ученых в области естественных наук, а также собственная многолетняя

практика автора этой статьи позволяют утверждать, что наиболее важным звеном в развитии творчества является развитие воображения в многообразии видов художественной деятельности.

«Это, в свою очередь, оказывает существенное влияние на развитие “пространства воображения” личности – своеобразный объем воображаемых действий, образов, способность человека быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, адаптироваться в любой ситуации, находить нестандартные творческие решения в разных областях деятельности» [8].

Эффективное развитие логического и образного мышления возможно только при условии активного включения в процесс обучения комплексного взаимодействия искусств, по-другому – полихудожественного образования (новый термин пришел в педагогику в конце 80-х годов XX века, автор Б. П. Юсов) и интегрированного обучения [10]. Поскольку одному педагогу в школе достаточно сложно реализовать такой подход, требуется совместная деятельность разных специалистов и их активное сотрудничество. Это подчеркивает необходимость объединения усилий педагогов, работающих с одними и теми же школьниками в различных областях искусства, для развития их творческих способностей. Принципы полихудожественного образования обогащают процесс обучения, делая его более интересным и разнообразным как для детей, так и для педагогов.

Сказанное выше позволяет не только развивать творческие способности, но также активизировать мыслительные процессы, повышать мотивацию к обучению, расширять кругозор обучающихся. Интегрированное обучение помогает детям увидеть и понять связь между разными областями знаний, необходимых в решении каких-либо проблем, то есть позволяет научить детей применять полученные знания и навыки в реальной жизни. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что внедрение интегрированного обучения в практику всей школы является эффектив-

ным не только в формировании творческих возможностей учащихся, но и необходимым условием полноценного развития у детей способности видеть, слышать, чувствовать и размышлять образно и логически в освоении любых знаний об окружающем мире.

Многолетняя работа автора этой статьи в научно-исследовательском Институте художественного образования позволяет утверждать, что наиболее важным звеном в формировании творческого мышления является развитие *воображения и фантазии* в многообразии видов художественной деятельности. Таким образом, мы подошли к основной проблеме современного образования – интегрированному обучению и комплексному взаимодействию искусств, которые, в свою очередь, *немыслимы без творческой среды общения* между детьми и педагогами на уровне *сотворчества*.

«Ребенок, который приходит в школу и детский сад с разной степенью подготовленности и сенсорного развития, но при этом воспринимает мир целостно. Это требует от педагогов более широкого подхода, выходящего за рамки одного предмета. Необходимо опираться на чувства, эмоции, интуицию и различные виды памяти детей, чтобы направить их внимание, мышление, воображение и фантазию в нужное русло. Формируемые воображаемые образы служат основой для их творческой деятельности» [8].

Активную роль в этом процессе играет связь занятий с окружающей природой, реальным предметным миром, национальными ценностями. Эта связь осуществляется через конкретные действия, освоение, анализ, проживание, оживление, сопоставление. Такой подход предполагает применение разнообразных технологий, нетрадиционных форм обучения, позволяющих быстро вводить учащегося в активную работу воображения. Пространство в данном случае рассматривается как главный признак любого искусства. П. А. Флоренский подчеркивал важность организации пространства: «Несмотря на коренные, по-видимому, различия, все искусства

произрастают от одного корня, и стоит начать вглядываться в них, как единство выступает все более убедительным. Это есть организация пространства» [10]. Представим некоторые – наиболее важные – способы организации пространства именно для «педагогике искусства»:

«Искусство в детском и школьном возрасте должно осваиваться в активном творческом действии, в разнообразных проявлениях ребенка в творчестве, в ощущении окружающего пространства жизни и себя в этом пространстве» (А. В. Бакушинский) [2].

«Всякое реалистическое изображение в основе своей имеет пространственную форму понимания действительности, в которой выражается мировоззрение художника» (В. А. Фаворский) [9].

«Предметно-преобразующая деятельность с реальным пространством является исходной формой всех видов деятельности ребенка: игровой, учебной, трудовой» (В. В. Давыдов) [4].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что главным направлением деятельности в освоении искусства с детьми является обращение к сфере предметно-пространственной деятельности, к живому активному действию в пространстве, с первых лет обучения. Такой подход к преподаванию искусства не является открытием, как видно из сказанного выше, а предлагаемые направления развития не возникли спонтанно. Яркий пример этому – период новой зарождающейся России (20-е годы XX века): творческая деятельность художников А. Родченко, Л. Поповой, П. Филонова, К. Малевича, В. Кандинского; педагогов А. В. Бакушинского, В. Г. Брюсовой, Н. П. Сакулиной, Е. А. Флериной, В. Н. Шацкой; философов А. А. Богданова, Б. И. Арватова и многих других. К сожалению, их открытия, их опыт не нашли должного отражения в образовательных программах школ советского периода 30–70 годов, а остались невостребованными и непонятыми. Реальная практика в области преподавания изобразительного искусства (рисования, как его тогда называли) носила самое элементарное

и упрощенное тематическое направление и рассматривалась первым этапом в подготовке учащихся к черчению (о чем писал в методике преподавания изобразительного искусства, предназначенной для студентов педагогических вузов художественно-графических факультетов – будущих учителей изобразительного искусства, Н. Н. Ростовцев). Существенный сдвиг в данном направлении начался с середины 70-х годов, который наиболее активно отражался в исследованиях НИИ художественного воспитания. Впервые на этапе 80-х годов Б. П. Юсов выделяет новые принципы системы занятий изобразительным искусством:

- всеобщность художественного воспитания школьников;
- преподавание искусства в тесной связи с развитием общества;
- единство обучения и художественного творчества;
- единство практической деятельности и восприятия действительности и искусства;
- разнообразие работы на плоскости и в объемно-пространственных видах художественной деятельности;
- относительно самостоятельное развитие художественного восприятия;
- единство требований искусства и педагогических условий их реализации в работе с учащимися.

Одновременно с этим Б. П. Юсов выдвинул следующее педагогическое условие художественного образования – «начиная со старшего возраста, строить художественные занятия с учетом интеграции художественных представлений с системой мировоззрения, а также раскрытия динамики отдельных видов занятий по изобразительному искусству, художественного воспитания и развития школьников» [11].

В настоящее время уже существует целый ряд авторских оригинальных программ, методик, учитывающих данные условия, но они, к сожалению, в большинстве своем остались в разработках Институты и в массовой прак-

тике практически не используются. До сих пор не разработано эффективной технологии подготовки будущих учителей изобразительного искусства и технологии, роста успеха – как ученика, так и его педагога – в рассматриваемой области. Нет полноценных методик, которые помогли бы обучить этому будущего педагога и развить в нем стремление совершенствоваться в педагогическом и художественном индивидуальном творчестве. Другой причиной столь несовершенной системы внедрения искусства в жизнь детей (дошкольного, младшего, среднего и старшего школьного возраста) является сугубо дифференцированный подход к преподаванию искусства при невероятно малом количестве учебных часов, отводимых на него в сетке предметов общеобразовательных школ.

В обозначенных выше программных курсах интегрированного обучения и полихудожественного подхода к освоению изобразительного искусства сделана реальная попытка связать это обучение с целым рядом позиций – с историей культуры народа и живой природой; с особенностями взаимодействия архитектуры (внешняя форма, внутренняя конструкция, элементы украшения, гармония соединения законов формирования архитектуры) и «вмещающего ландшафта», с активным привлечением на занятиях разных видов искусства. Материал исследовательских программ структурирован так, чтобы можно было интегрировать различные темы, изучаемые параллельно на уроках истории, географии, природоведения. Такая работа особенно важна для развития у школьников пространственного мышления и восприятия реального пространства жизни.

В программах предложены темы, среди которых следует выделить следующие: история культуры; нравы и обычаи разных народов; обряды и праздники; характер организации жилища; своеобразие народных традиций в освоении ближайшего ландшафта (природной среды, лесов, полей, гор, рек, озер).

Освоение искусства основано на взаимодействии занятий с природным и социаль-

ным окружением, на тесной связи с освоением всего культурного наследия, в котором развивается детская личность, включая национальные и культурные традиции, морально-нравственный уклад быта народа, как части общечеловеческой планетарной культуры и природной среды.

Важной стороной программ является связь восприятия и практической деятельности с активным освоением предметно-пространственных видов работы, направленных на развитие у детей многостороннего образного восприятия и художественного воображения. Данное направление раскрыто с позиций педагогической концепции интегрированного преподавания искусства, которое также впервые было педагогически обосновано Б. П. Юсовым в 1987 году в рамках исследований Лаборатории комплексного взаимодействия искусств Института художественного образования РАО, где автор статьи проработал вместе с Б. П. Юсовым более 20 лет [11].

Стержневыми понятиями данного направления работы являются

- «живое искусство» и активное действие в пространстве и среде;
- полихудожественный подход к освоению искусства;
- искусство как средство изменения пространства;
- гармония в природе и искусстве;
- взаимодействие архитектуры с природным пространством;
- пространственное ощущение мира с помощью разных видов художественной деятельности;
- создание окружающего человека социокультурного пространства;
- чуткое отношение к конструктивным задачам искусства;
- творение искусства в действии – сотворение определенной эстетической среды: относительно времени, эпохи, конкретного человека, поэтического или музыкального образа, по мотивам художественного произведения

и конкретной деятельности и так далее.

Рассматриваемый интегрированный полихудожественный подход к процессу освоения искусства с позиций пространства и среды, а также с учетом региональных и историко-культурных традиций, представляет новый качественный этап в области художественной педагогики современного периода. Переход от искусствоведческого подхода к развитию собственно творческой личности ученика-творца, когда учитель представляется как педагог-художник и как педагог-творец, сопереживающий ученику, развивающий и планирующий в ученике его успех.

Сказанное в значительной мере способствует

- созданию контекста, где искусство становится «живым», взаимодействует с окружающим миром, а не является оторванным от него;
- пониманию искусства как средства изменения окружающего мира и превращения его в художественное пространство;
- развитию представления о гармонии между природой и искусством, что способствует более глубокому пониманию окружающего мира;
- единству архитектуры и «вещающего ландшафта» (Л. Н. Гумилев);
- развитию пространственного восприятия мира с помощью разных видов искусства;
- восприятию мира через различные виды искусства;
- созданию особого пространства, характерного для конкретного человека;
- развитию чуткого отношения к конструктивным задачам искусства.

Интегрированный полихудожественный подход в обучении искусству является значимым шагом в области педагогики искусства современного периода. В 2011–2012 годы впервые в педагогике художественного образования выходят в свет первые учебно-методические комплекты (программы, учеб-

ники, методические пособия и рабочие тетради) по изобразительному искусству с 1 по 8 класс, выстроенные на позициях интегрированного полихудожественного образования (авторы Л. Г. Савенкова, Е. А. Ермолинская, Е. С. Медкова, издательство Вентана-Граф, позднее "Просвещение"). В 2015 году издаются другие учебно-методические комплекты в издательстве "Русское слово" (авторы Л. Г. Савенкова, Е. А. Ермолинская, Т. В. Селиванова, Н. Л. Селиванов). Все комплекты удачно прошли апробацию и вошли в Федеральный перечень, рекомендованный к внедрению в школы. Следует подчеркнуть, что в первых комплектах выделена мировоззренческая составляющая, во-вторых – современные направления в освоении искусства в школе, частью которых является компьютерный проект и инфографика.

Принципиальная основа выдвигаемого отношения к изучению искусства включает в себя следующие аспекты:

1. Освоение искусства через связь человека с миром:

- искусство рассматривается как окно в мир познания и сотворения мира, так как оно само вытекает из жизни, из общения его создателя с окружающим миром;
- искусство и наука взаимосвязаны и служат своеобразным способом изучения и познания жизни, а также гуманного преобразования, преобразования человека, природы и социума.

2. Культурологический аспект:

- искусство в общеобразовательной организации рассматривается как важный системообразующий фактор;
- искусство приобретает особое значение, становится активным средством познания мира и особой, наиболее понятной для ребенка, формой художественного осмысления информации об окружении;
- только при участии педагога-художника искусство в жизни ребенка приобретает особое значение.

3. Экологический подход:

- развитие разнообразных творческих способностей ребенка через искусство с опорой на его психолого-педагогические возрастные особенности, его представления и потребности: умение сопоставлять, обобщать, понимать взаимосвязь явлений окружающего мира, предметного окружения, явлений культуры и науки с позиций истории и традиций;
- внедрение интегрированного обучения при тесном взаимодействии педагогов в коллективе, предполагает формирование разнообразных творческих возможностей ребенка в условиях сотрудничества между детьми и педагогами, сотворчества детей между собой и активной работы в группе.

4. Региональный фактор:

- развитие творческих способностей каждого ребенка в условиях активного взаимодействия с окружающей природой, в опоре на культуру, которая рядом; освоение традиций, знакомство с проживающими в регионе людьми, в том числе, с историческими творческими личностями во всех областях знаний, в искусстве, народном творчестве и многом другом;
- взгляд на общечеловеческие ценности с позиций культуры родного края, умение находить в большом мире искусства свои корни, свои художественные ценности в истории мира.

5. Искусство и дети – формирование личности через искусство:

- при грамотном подходе к обучению и воспитанию искусство в жизни ребенка становится естественной потребностью для духовного роста, средством выражения внутреннего эмоционального состояния и настроения, внимания и представления, фантазии и воображения;
- искусство должно стать для ребенка потребностью, способом постижения

общечеловеческих ценностей прошлого, настоящего и будущего.

Такой многосторонний подход открывает новые горизонты в понимании и внедрении искусства в образовательный процесс, а именно, развитие творческих способностей ученика в формировании его личности и понимание им взаимосвязи явлений природы, культуры, искусства и науки через призму исторических и традиционных контекстов. Это предполагает применение разнообразных технологий, нетрадиционных форм обучения, позволяющих быстро вводить учащегося в активную работу воображения. Важную роль в этом играют сопереживание, оживление и проживание, при этом все сказанное должно происходить на уровне понимания, осмысления и осознания, а не бессознательного перевоплощения (последнее очень вредно для психики ребенка, которая у него и так неустойчива), поэтому важно не забывать этот факт.

Возрастная динамика развития детей выглядит следующим образом.

«Дошкольный возраст – опора на врожденную способность ребенка к полихудожественному освоению мира; информационное, образное, сенсорное насыщение; выражение себя в разных видах искусства.

Младший школьный возраст – развитие пространства воображения; насыщение эмоционально-чувственной сферы через многообразные формы включения в процесс творчества; опора на знания из разных областей наук и опыта реальной жизни.

Средний школьный возраст – подведение к пониманию искусства как формы художественно-образного освоения мира; развитие способности реализовывать свои представления и фантазии в действии, слове, художественном образе, символе, знаке.

Старший школьный возраст – развитие представлений об искусстве через проекцию «национальных образов мира» (Г. Д. Гачев); «художественно организованную действительность» (А. В. Бакушинский); философское

осмысление жизни, авторские творческие исследования» [8].

Из сказанного выше следует вывод, что интегрированный подход к организации и проведению занятий с детьми в области искусства предполагает

- Сотворение эмоционального (образного, духовного, национального, культурного) природного мира ребенка с помощью разных видов искусства и их взаимодействия со знаниями из области разных наук, развития общества, природы и культуры.
- Формирование оценочного, осмысленного отношения к искусству, творческой деятельности человека и выбору оптимального вида художественного творчества для собственного выражения.
- Развитие восприимчивости, отзывчивости на искусство, соответствующие особенностям авторской инди-

видуальности, своеобразию каждого произведения искусства.

- Формирование умения критически оценивать художественные явления, произведения искусства, творчество сверстников и собственную художественную деятельность.
- Развитие интереса к исследовательским, творческим работам.
- Формирование представлений о взаимосвязи как основе развития мира, искусства, науки и человека.
- Развитие философского мышления в осмыслении искусства, жизни, природы на основе выполнения исследовательских работ.
- Понимание художественного произведения как продукта осмысления художником (писателем, композитором, поэтом, хореографом, режиссером) своего проявления о мире.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия. Москва, 1976. С. 266–285
2. Бакушинский А. В. Художественное творчество и воспитание. Москва: Новая Москва, 1925. 240 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Москва, 1995. 479 с.
4. Давыдов В. В., Переверзев Л. Б. К исследованию предметной среды для детей // Техническая эстетика, 1976, № 3–4. С. 4–6.
5. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. Москва: Лабиринт, 1999. 186 с.
6. Лихачев Д. С. Книга беспокойств / Статьи, беседы, воспоминания /. Москва: Новости, 1991. 528 с.
7. Рибо Т. Опыт исследования творческого воображения. Санкт-Петербург: Издательство. Л. Ф. Пантелеев, 1901. 232 с.
8. Савенкова Л. Г. Воспитание человека в пространстве мира и культуры: интеграция в педагогике искусства. Москва: МАГМУ-РАНХиГС, 2014. С. 74–80.
9. Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. Москва: Искусство, 1986, 238 с.
10. Флоренский П. А. Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях. Москва: Прогресс, 1993, 324 с.
11. Юсов Б. П. Современная концепция предметной области «Искусство» в школе // Известия РАО. Москва: Магистр-ПРЕСС, № 6, 2000. С. 5–20.

*

Поступила в редакцию 25.06.2024

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки)

*И*СКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
И МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 372.878

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-112-120>

Л. Л. Алексеева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: klara63@list.ru

А. А. Михайлова

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова,
Саратов, Российская Федерация,
e-mail: jareshko@mail.ru

Е. Ф. Командышко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: elkom04@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные грани взаимодействия искусственного интеллекта (ИИ) и музыкального образования. Авторами раскрываются наиболее проблемные вопросы, связанные с эффективностью музыкального образования на основе и с помощью технологий ИИ, с границами их применения в обучении и т. д. В работе излагаются преимущества и риски использования

АЛЕКСЕЕВА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, доцент, эксперт, Управление научной политики и инноваций, Московский государственный институт культуры

МИХАЙЛОВА АЛЕВТИНА АНАТОЛЬЕВНА – доктор искусствоведения, профессор, и. о. заведующего кафедрой народного пения и этномузыкологии, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

КОМАНДЫШКО ЕЛЕНА ФИЛИППОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования, Московский государственный институт культуры

ALEKSEEVA LARISA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Associate professor, Expert, Department of Science Policy and Innovation, Moscow State Institute of Culture

MIKHAILOVA ALEVITINA ANATOLYEVNA – DSc in History of Arts, Professor, acting head of the Department Folk singing and Ethnomusicology, Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov

KOMANDYSHKO ELENA FILIPPOVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Music Education, Moscow State Institute of Culture

© Алексеева Л. Л., Михайлова А. А., Командышко Е. Ф., 2024

данных технологий, в том числе в развитии восприятия, творчества, музыкального мышления молодого поколения; освещаются труды современных ученых в области музыкального искусства и научного знания о нем как неотъемлемом элементе содержания музыкального образования. Предлагаются принципиально важные позиции, регулирующие применение ИИ в образовательном процессе (децентрация, управляемость); констатируется ряд функций технологического феномена (вспомогательная, культурно-просветительская, досуговая). Делается вывод о необходимости дальнейших поисков оптимальных музыкально-педагогических ресурсов для снижения имеющихся рисков; ставится перспективная задача обновления теоретико-методологических основ музыкального образования всех уровней во взаимосвязи с быстрым развитием технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, музыка, обучение, искусство, музыкальное образование, преимущества, риски.

Для цитирования: Алексеева Л. Л., Михайлова А. А., Командышко Е. Ф. Искусственный интеллект и музыкальное образование // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 112–120. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-112-120>

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MUSIC EDUCATION

Larisa L. Alekseeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: klara63@list.ru

Alevtina A. Mikhailova

Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov,
Saratov, Russian Federation,
e-mail: jareshko@mail.ru

Elena F. Komandyshko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: elkom04@gmail.com

Abstract. The article discusses certain facets of the interaction between artificial intelligence (AI) and music education. The authors reveal the most problematic issues related to the effectiveness of music education based on and with the help of AI technologies, the boundaries of application in education, etc. The paper outlines the advantages and risks of using these technologies, including in the development of perception, creativity, musical thinking of the younger generation; the works of modern scientists in the field of musical art and scientific knowledge about it as an integral element of the content of music education are highlighted. Fundamentally important positions regulating the use of AI in the educational process (decentration, controllability) are proposed; a number of functions of the technological phenomenon (auxiliary, cultural, educational, leisure) are stated. The conclusion is made about the need for further search for optimal musical and pedagogical resources to reduce the existing risks; the promising task of updating the theoretical and methodological foundations of music education at all levels in conjunction with the rapid development of artificial intelligence technologies is set.

Keywords: artificial intelligence, technology, music, training, art, music education, advantages, risks.

For citation: Alekseeva L. L., Mikhailova A. A., Komandyshko E. F. Artificial intelligence and music education. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 112–120. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-112-120>

Интенсивное развитие научной мысли и технологические достижения XXI века кардинально изменили все сферы общественной жизни, предопределили глубокие перемены в системе отечественного образования. Преимущества технологизации, открывшиеся новые возможности оперативного управления сложнейшими процессами, включая моделирование, подобное мыслительным процессам человека, внедрение искусственного интеллекта, разработанные алгоритмы оказали сильное воздействие и на музыкальное образование, равно как и на музыкальное искусство – неотъемлемую часть духовной жизни человека. Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), созданные силой человеческого разума, могут сочинять, контролировать и анализировать, воспроизводить и редактировать музыкальные произведения, оценивать, давать рекомендации и так далее. Продукты деятельности ИИ способствуют пополнению и обновлению фондов библиотек, обеспечению культурного досуга, при этом влияют на музыкальный кругозор и эстетический вкус, предпочтения и уровень культуры человека, действуют на формы и методы обучения, содержание музыкального образования, специфику профессиональной подготовки в сфере музыкального исполнительства.

С распространением ИИ расширяется тематика исследований в части проблем воздействия технологий на искусство и самого человека, влияния информационного общества в целом. В числе научных трудов отметим работы о музыкальном образовании в контексте цифровизации [4; 9]; выделим проблематику трудов, связанных с изучением искусства и его особенностей в условиях цифровой эпохи [2, с. 27–29; 8; 13, с. 178–180; 14]; обозначим отдельные статьи по вопросам музыкально-эстетического развития и достижений ИИ в генерации музыкальных композиций, а также – по проблеме ИИ и музыкального мышления [1, с. 215–221; 3; 5]; подчеркнем актуальность публикаций о ресурсах ИИ в музыкальной индустрии и появлении в связи с этим новых специальностей [6; 10].

Очевидно, с развитием ИИ проблематика научных исследований будет расширяться и углубляться, тем более, что достаточно остро, на взгляд авторов, стоит проблема восприятия сгенерированных ИИ музыкальных произведений и действительного, подлинного музыкального искусства с его преобразующей, вдохновляющей силой. Напомним и об известном влиянии музыки как вида искусства – одухотворенного человеком «инструмента», уникального по глубине эмоционального воздействия на слушателей через разнообразие музыкальных интонаций, образов, смыслов и тембров, выразительность и образительность музыкальной речи и так далее. При том, что технологии ИИ в целом (и в практике музыкального образования тоже) имеют понятные и очевидные преимущества, вызывает ряд вопросов активное применение, продвижение *техно* в сфере музыкального искусства.

Насколько эффективно для будущего музыкальное образование с помощью и на основе того, что создано ИИ в виде звуковой информации, во многом весьма полезной современному обществу, людям?

Необходимы ли сегодня и в перспективе границы применения технологий ИИ в обучении музыке как виду искусства?

Целесообразно ли рассмотрение ИИ в рамках разработки новой теории и/или обновления концептуальных основ музыкального образования всех уровней?

Предпринятое далее рассмотрение в области взаимодействия ИИ и музыкального образования не является полностью исчерпывающим, но необходимым для выявления уязвимостей с целью упреждения, устранения.

Для системы отечественного образования, включая музыкальное, применение технологий искусственного интеллекта в настоящее время не является принципиально новым [5]. Примером тому и некоторые итоги оригинального исследования на основе контент-анализа более чем пятидесяти научных работ разных лет за период 1953–2023 гг., где рассматривается процесс эволюции применения

ИИ в системе образования, включая вопросы разработанности основ теоретического обучения [11]. Авторами излагаются основные модели взаимодействия в процессе обучения реципиента, партнера и лидера с помощью технологий ИИ, раскрываются очевидные преимущества (персонализация, оценка успеваемости, снижение нагрузки и пр.). Анализируются и препятствия, так называемые «барьеры», в виде отсутствия на данном этапе возможностей ИИ для развития у обучающихся критического мышления, «творчества и управления знаниями» [11, с. 29, 30–33, 35–37]. Учеными подчеркивается неременная ориентация образования на самого человека, а не на использование инновационных технологий; в заключении констатируется необходимость учитывать важнейшую цель образования – «... не только образованные, но и ответственные индивиды, разделяющие общие ценности гуманизма» [11, с. 38].

В области музыкального образования тематику рассмотрения трудно назвать сегодня всесторонней и глубоко исследованной, при этом в научно-педагогическом сообществе, как правило, приводятся примеры преимуществ развития ИИ, хотя высказываются и разные опасения. Так, обозначается важная роль программирования и компьютерных технологий для создания аранжировок, поиска и отбора акустических, исполнительских возможностей при обучении искусству игры на музыкальном инструменте; отмечается позитивность реального «погружения» в виртуальное пространство и раскрываются немалые ресурсы цифровой образовательной среды в формировании нового типа музыкального мышления у студентов; говорится о практическом значении, «рационализации» учебных технологий (моделей, модулей) для «разумной алгоритмизации учебного процесса» [4, с. 240–242, 243–244]. Вместе с тем в логике рассмотрения имеющихся достижений науки, ИИ и музыкального искусства обосновывается позиция об острой необходимости противостояния возрастающим угрозам цифровой цивилизации и сохранения одухот-

воряющего творческого начала для предотвращения его полной замены «обезличенной бездушной технологией» [8, с. 42].

Современными исследователями уделяется внимание реальным и возможным рискам использования ИИ в образовании, в определенной степени эти риски присущи и музыкальному образованию. В одной из публикаций ИИ анализируется с противоположных позиций, в качестве «прорывной» и «подрывной» технологии, рассматривается его так называемая «обезличенность», причем в качестве позитива и негатива с конкретными примерами; указывается на необходимость реализации междисциплинарного подхода для постоянного анализа всего, что связано с действиями ИИ в образовании [12, с. 44–45, 46]. Предлагаемая ученым междисциплинарность изучения обуславливается тем, что технологии ИИ привносятся в социогуманитарную сферу, в наибольшей мере связанную с жизнью каждого растущего и взрослого человека, всего общества. «Грамотное управление», взвешенность решений для конструктивной помощи педагогам, активный мониторинг современных применяемых средств, а также проведение в будущем широкоформатных исследований для предупреждения возможных ошибок, по мнению исследователя, может обеспечить полезность и нивелировать потенциальные риски ИИ.

Общеизвестна значимость музыкального образования на каждом из его уровней в развитии музыкального мышления обучающихся. Данной проблематике в контексте использования технологий ИИ посвящается одна из недавних научных работ. Автором детально анализируются основные категории музыкального мышления человека, рассматриваются существовавшие ранее ресурсы для создания музыки с помощью компьютера, описываются «алгоритмические процессы композиции» и «монтаж "звукового тела"», излагаются эксперименты музыкального интеллекта, говорится о шаблонах в составе музыки от ИИ, «служащих манипулятивными механизмами» и так далее [5, с. 86, 88–89, 93].

В опоре на теоретический анализ ряда исследований выделяются факторы, обусловившие развитие музыкального искусственного интеллекта. В первую очередь, это трансформация роли композитора-творца, создающего музыку, в «позицию проектировщика». В работе убедительно доказывается, что сама специфика и закономерности музыкального мышления человека не имеют общности с ИИ, его технологиями. Алгоритмы заданных действий запрограммированы человеком на составление элементов из имеющихся готовых шаблонов, то есть на имитацию развития, хотя возможно и многообразную. Исследователем констатируется, что «машина мыслить не способна», «отсутствует глубина содержания, сам процесс лишь "скользит по поверхности видимого", не создавая новых смыслов», и если речь идет о музыке, созданной искусственным интеллектом, то налицо «намеренная подмена культурного опыта» [5, с. 93]. Тогда как композитор при создании произведений выражает свое восприятие окружающего мира и событий в звучании, является одухотворенным носителем особого, исторически сформировавшегося эстетико-культурного кода.

Сочинение музыки на основе технологий ИИ – это реальность, предопределенная опытом прошлого [5; 8 и др.], устремленная в будущее. И в этой области искусственно создаваемого творчества с помощью нейросетей имеются современные достижения. Одним из примеров является разработанное программное средство для генерации музыкальных композиций на основе произвольных изображений и по предварительно заданным параметрам [3]. Учеными детально рассматривается процесс и конкретные результаты деятельности по созданию нейросетевой *encoder-decoder* архитектуры, обозначается несомненная практическая значимость проделанной весьма сложной работы. Роль человека в этом контексте сводится к программированию «функции критика», отбору и сохранению итогов генерирования [3, с. 84]. Можно говорить о преимуществе данного программного средства «в помощь челове-

ку» – композитору, музыкальному оформителю, звукорежиссеру и др., – с позиций эффективной реализации *вспомогательной функции* при создании музыки ИИ, равно как для системы музыкального образования в целом.

Для широкой молодежной аудитории слушателей и зрителей сочиняемые таким образом композиции представляют особый познавательный интерес, поскольку растущему молодому поколению в значительной мере присуще повышенное внимание к новейшим развивающимся технологиям в разнообразии современного музыкального искусства. Для профессионалов, наверное, не исключены размышления по поводу эстетической ценности, смысла, художественно-образного содержания искусственно созданного, особенностей восприятия, эмоциональной стороны в плане воздействия и отзывчивости, вдохновенности звучания (исполнения). Однако на примере программного средства [3] и возможностей его дальнейшей реализации в разных сферах современной общественной и музыкальной жизни, можно говорить о *культурно-просветительской функции* сгенерированной ИИ музыки, способной «настраивать» человека и с помощью произведений изобразительного искусства. В случае же намеренной манипуляции негативного характера это может быть еще одной потенциальной угрозой для человека и общества.

Примечателен творческий взгляд композитора А. Г. Левина на проблемы, обусловленные нарастающим применением ИИ в музыкальном искусстве. Неоднозначность по отношению к этому феномену как результату научно-технического прогресса, осторожность и осознанность в применении, обозначенные в научной работе [6, с. 123], по сути, являются общими принципами для перспективного и вряд ли обратимого взаимодействия в музыке традиционного, исторически сложившегося, и технологического, на примере ИИ. При рассмотрении процесса музыкального образования автором отмечаются безусловные преимущества и ценность ИИ как инструмента помощи, поддержки и сопро-

вождения, не умалется, но акцентируется при этом необходимость непосредственного творческого общения, обмена мнениями, впечатлениями, личностного взаимодействия с преподавателями и так далее.

В качестве позитивной возможности обозначается сфера влияния ИИ, подразумевающая разработку, непрерывное обновление программного обеспечения с множеством функций для совершенствования качественных, тембральных характеристик музыкального звука, применения различных эффектов звучания. Говорится о востребованности, растущей популярности технологий ИИ – для разнообразия культурного досуга, применения в композициях, знакомства со стилями и жанрами – среди слушателей и исполнителей. Создание музыки с помощью ИИ, по мнению композитора, может в известной мере привнести многообразие в увлекательный процесс творчества, освободить от «рутинных задач»: к примеру, соотнести и сравнить сочиненное автором и ИИ, моделировать, комбинировать звучание, подключая и выключая разные музыкальные инструменты и так далее. Как положительный факт композитором отмечается появление новых специальностей в связи со стремительным развитием технологий ИИ в музыке. И с большой долей вероятности этот процесс продолжится, оказывая значительное воздействие на содержание музыкального образования на всех уровнях в будущем [6, с. 126].

В отношении рисков и потенциальных опасностей этические аспекты называются в первую очередь, что в музыкальном искусстве и любом другом виде творческой деятельности связано с проблемами авторского права. Ставятся также вопросы о реальной ценности «творчества» ИИ в сравнении с подлинным искусством как воплощением духовно-нравственного опыта всего человечества; затрагивается проблема эмоционального влияния на слушателей музыкальных произведений, сгенерированных ИИ, и не остается в стороне сама возможность широкого использования технологий, до-

ступности сгенерированной музыки для всех; говорится о долгосрочном, не всегда предсказуемом действии ИИ на развитие музыкального искусства и подлинного, настоящего творчества человека в целом. Вывод композитора однозначен: ИИ, в совокупности предлагаемых возможностей и разнообразных преимуществ, не сможет заменить человека, «поскольку все полученные им результаты являются следствием компиляции (по принципу «черного ящика») огромного количества примеров, созданных человеком» [6, с. 127].

Как известно, то, что человеку свойственно от природы – как думающему, создающему, размышляющему, – присуще и/или развивается в процессе образования, и музыкального в том числе, на разных его уровнях. В связи с этим видится угрожающей, на взгляд авторов, возможная тенденция безусловного преобладания в содержании музыкального образования творчества только лишь на основе ИИ. Вместе с тем применение ресурсов современных технологий в практике при обучении музыкальному искусству, в том числе в системе высшего образования, представляется логичным и полезным. Во избежание потенциальных рисков следует, по мнению ученых, формировать у обучающихся «понимание и критический взгляд на информацию» при поиске и интерпретации широкодоступных знаний в условиях глобальной сети [9, с. 225]. В статье обозначается несомненная практическая польза имеющихся сегодня «технологических помощников» (программного обеспечения для изучения теории музыки, а также ее создания, обработки и т. д., мобильных устройств, интерактивных досок) с многообразным спектром инструментов для музыкального цифрового обучения. Упомянутся специально созданные платформы обучения (к примеру, Chordify) с использованием ИИ для доступности и оптимизации «среды обучения в сочетании с традиционными моделями», а также – индивидуализации, персонализации музыкального образования. В части музыкального развития называются основные навыки, поддерживаемые и разви-

ваемые на основе цифровых технологий (музыкальная нотация в существующем многообразии, запись и редактирование звучания, творческий поиск необходимых музыкальных данных) [9, с. 227–229]. Важен вывод исследователей о преимуществе цифровых технологий именно как о «мощном дополнительном ресурсе» для образовательного пространства.

Развитие технологий ИИ в значительной мере повлияло на расширение «потокowego воспроизведения музыки» и стимулировало прогресс индустрии в этой области искусства [6; 10 и др.]. Музыка разных эпох и стилей, форм и жанров, с уникальными возможностями персонализации, моментальной генерации на основе технологий ИИ и запросов потребителей, включая их настроение, сердцебиение, голосовое и/или видеообращение, стала неотъемлемой частью общественной и культурной жизни, то есть «фоновым сопровождением». В этом случае ИИ, приумножая количество пользователей, предлагая широкий набор разнообразных инструментов для музыкантов-профессионалов, издателей и слушателей, рекламодателей и так далее, представляет собой не только универсальную возможность удовлетворения музыкальных запросов пользователей, но способствует и во многом успешной реализации *функции досуговой деятельности* в самом широком формате.

Проблемы воздействия цифровой эпохи и современных технологий на человека и общество, включая дигитализацию классических произведений музыкального искусства, изучаются не только в педагогическом, но и в культурологическом ракурсе, в еще большей мере раскрывая междисциплинарный контекст проводимых исследований. Например, Е. Н. Шапинской глубоко анализируются вопросы трансформации, популяризации музыкальной классики для «приближения» к человеку, современному массовому потребителю. Ученым высказывается мнение о проблематичности однозначного ответа по поводу успешности воспитания эстетического вкуса, эффективности формирования системы эстетических ценностей у молодых

людей при таком «приближении»; подчеркивается и то, что «технология не может ни заменить, ни привить любви к искусству, в особенности если речь идет о классическом наследии»; не умаляя положительного влияния развивающихся технологий для распространения музыкальной классики, констатируется необходимость глубокого понимания искусства, «воспитания подготовленного слушателя и зрителя» для адекватной оценки имеющихся средств «технической воспроизводимости» [14, с. 168, 177–178].

В качестве обобщения представим далее принципиально важные позиции, регулирующие использование ИИ в системе музыкального образования: *децентрация искусственного интеллекта и управляемость искусственным интеллектом*.

Децентрация искусственного интеллекта выражается в отсутствии абсолютного доминирования данных технологий в процессе музыкального образования разных уровней; имеет прямое отношение к содержанию, формам и методам обучения музыкальному искусству во всем многообразии его традиционных и современных, развивающихся видов.

Управляемость искусственным интеллектом – целесообразное, реальное и перспективное применение таковых технологий с целью достижения эффективности и современного качества музыкального образования; отбор и выбор, допустимость и интенсивность определяются обучающим в соответствии с уровнем образования, подготовки и музыкального развития обучающихся.

На основании выполненного рассмотрения можно констатировать, что в современном музыкальном образовании искусственному интеллекту придается особое значение, благодаря неоспоримым достоинствам для быстрой коммуникации и управления данными, создания, исполнения, обработки сочинений. При этом педагогическое и научное сообщество имеет в целом объективный взгляд на преимущества таковых технологий, а также – на их реальные и возможные угрозы в области музыкального образования и музыкального ис-

куства. В настоящее время наиболее уязвим процесс и результат восприятия музыки, созданной ИИ; вызывает сомнение также развитие у молодого поколения самостоятельного творческого воображения и музыкального мышления, вне использования готовых шаблонов. Представляется необходимым широкое обсуждение вопроса об ограничении применения в системе отечественного музыкального образования технологий ИИ, связанного с очевидно негативным эффектом, искажением, замещением действительно человеческого. Проведение в перспективе междисциплинарных исследований позволит выявить оптимальные музыкально-педагогические ресурсы для существенного снижения имеющихся рисков, вплоть до полного устранения опасного влияния технологий ИИ на успешное развитие когнитивных способностей взрослого человека. Эффективность и качество

будущего музыкального образования с помощью искусственного интеллекта обусловлены скорейшей разработкой и внедрением оптимальных моделей, учитывающих и нейтрализующих реальные и перспективные угрозы от данных технологий. Одним из концептов таковых моделей является ведущая роль (или функция приоритета) музыкального искусства, созданного человеком, и вспомогательная роль (или функция обеспечения приоритета) технологий ИИ. С учетом того, что современными учеными уже разработана теория художественно-эстетической виртуальности в области кинематографа [7], видится своевременным и необходимым обновление теоретико-методологических основ музыкального образования всех уровней и разработка новейшей теории с безусловным преобладанием отечественных традиций при поддержке технологий искусственного интеллекта.

Список литературы

1. *Алексеева Л. Л.* Музыкально-эстетическое развитие детей и юношества в условиях цифровой эпохи: // Искусство, творчество и образование в фокусе традиционных ценностей: монография. Москва: Сфера, 2023. 304 с.
2. *Белокреницкая П. А.* Обучение нейросети пению домашних корелл как первый шаг к изучению универсальной грамматики и налаживанию межвидовой коммуникации // Музыка–Философия–Культура. Тезисы докладов IX Международной междисциплинарной научной конференции: К 90-летию С. А. Губайдулиной [парал. текст на рус. и англ. яз.]. Редколлегия: К. В. Зенкин, Е. В. Ровенко (сост.) [и др.], 15–17 ноября 2021 г. Москва: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2022. 208 с.
3. *Бурякова О. С., Решетникова И. В., Черкесова Л. В.* Методы искусственного интеллекта в генерации алгоритмических музыкальных композиций // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 8. С. 82–91. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=39271> (дата обращения: 27.06.2024). DOI: 10.17513/snt.39271.
4. *Киселев М. В., Ануфриева Н. И.* Диалог традиций и новаторства в цифровой образовательной среде музыкального вуза: народные струнно-щипковые инструменты (балалайка) // Искусство и образование. 2024. № 2. С. 238–245.
5. *Лаврова С. В.* Проблема музыкального мышления и искусственный интеллект // Южно-Российский музыкальный альманах. 2023. № 4. С. 84–95. DOI: 10.52469/20764766_2023_04_62.
6. *Левин А. Г.* Искусственный интеллект в музыке. Его влияние на музыкальную индустрию в будущем // Молодой ученый. 2024. № 8 (507). С. 123–128. URL: <https://moluch.ru/archive/507/111467/>
7. *Маньковская Н. Б., Бычков В. В.* Современное искусство как феномен техногенной цивилизации. Москва: ВГИК, 2011. 208 с.
8. *Нагорная Л. Н.* Научные достижения и искусственный интеллект в мире музыкального искусства // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 4(39). С. 32–43. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2020-439-32-43>.

9. Низамутдинова С. М., Юдин А. П. Специфика музыкального образования в цифровую эпоху // Искусство и образование. 2024. № 2. С. 223–230.
10. Пальмов С. В., Скакун О. О. Использование искусственного интеллекта музыкальными сервисами // Прикладные экономические исследования. 2023. № 1. С. 198–203. DOI: 10.47576/2949-1908_2023_1_198.
11. Платов А. В., Гаврилина Ю. И. Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10. № 1. С. 26–43. DOI: 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3.
12. Фурс С. П. Искусственный интеллект в сфере образования – помощник педагога или «подрывная» технология? // Преподаватель XXI век. 2023. № 1. Часть 1. С. 40–49. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-1-40-49.
13. Хомич Н. К. Техногенное искусство и культура. Тезисы докладов IX Международной междисциплинарной научной конференции: К 90-летию С. А. Губайдулиной [парал. текст на рус. и англ. яз.]. Редакция: К. В. Зенкин, Е. В. Ровенко (сост.) [и др.], 15–17 ноября 2021, Москва: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2022. 208 с.
14. Шапинская Е. Н. Производство искусства в эпоху его цифровой воспроизводимости // Человек. Культура. Образование. 2015. № 2 (16). С. 161–179.

*

Поступила в редакцию 24.06.2024

5.8.1. Общая педагогика. История педагогики и образования
(педагогические науки)

ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ПЕДАГОГИКИ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩИМИ ЗАКОНАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 37.011.33

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-121-126>

А. Д. Жарков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: kdd007@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается детерминированность социально-культурной деятельности общими законами педагогики. Педагогика социально-культурной деятельности интерпретируется как интегральная, полифункциональная дисциплина, востребованная в современном трансформирующемся обществе. Проблемы общей педагогики и педагогики социально-культурной деятельности неразрывно связаны, ибо направлены на целостного человека, которого надо приобщать к Истине, Любви, Красоте, справедливости и духовности. Методология и теория общей педагогики и педагогики социально-культурной деятельности в воспитательном процессе структурно триедины по когнитивному, эмоционально-оценочному и поведенческому компонентам при определяющей роли деятельности. Конструктивной формой синтеза педагогики и социально-культурной деятельности является создание на базе Московского государственного института культуры Научного центра Российской Академии образования, что позволит разработать методологические и теоретические основы рациональных связей науки и практики.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, педагогика социально-культурной деятельности, педагогика, воспитание личности, образование в сфере культуры, формирование личности.

Для цитирования: Жарков А. Д. Детерминированность педагогики социально-культурной деятельности общими законами педагогической науки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 121–126. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-121-126>

ЖАРКОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ – доктор педагогических наук, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

ZHARKOV ANATOLY DMITRIEVICH – DSc in Pedagogy, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

© Жарков А. Д., 2024

DETERMINISM OF THE PEDAGOGY OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITY BY THE GENERAL LAWS OF PEDAGOGICAL SCIENCE

Anatoly D. Zharkov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: kdd007@bk.ru

Abstract. The article examines the determination of socio-cultural activities by the general laws of pedagogy. The pedagogy of socio-cultural activity is interpreted as an integral, multifunctional discipline, in demand in a modern transforming society. The problems of general pedagogy and pedagogy of socio-cultural activity are inextricably linked, because they are aimed at a person as a whole, who must be introduced to Truth, Love, Beauty, justice and spirituality. The methodology and theory of general pedagogy and pedagogy of socio-cultural activity are structurally triune in the educational process in terms of cognitive, emotional-evaluative and behavioral components, with the determining role of activity. A constructive form of synthesis of pedagogy and socio-cultural activities is the creation of a Scientific Center of the Russian Academy of Education on the basis of the Moscow State Institute of Culture, which will allow the development of methodological and theoretical foundations for rational connections between science and practice.

Keywords: socio-cultural activity, pedagogy of socio-cultural activity, pedagogy, personality education, education in the field of culture, personality formation.

For citation: Zharkov A. D. Determinism of the pedagogy of socio-cultural activity by the general laws of pedagogical science. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 121–126. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-121-126>

*Жизнь подобна езде на велосипеде.
Чтобы сохранять равновесие,
необходимо продолжать движение.
А. Эйнштейн*

Одна из важных задач педагогической науки в связи с реформированием научных специальностей состоит в том, чтобы на основе законов диалектики уточнить теоретико-методологические основы воспитательных процессов, их взаимосвязь и взаимообусловленность, погруженность в глубины истории. Диалектика рассматривается автором как методология всех наук, где педагогика становится полем связей человека с миром, а детерминированность определяет обусловленность избранного направления связей.

Профессор А. А. Жаркова считает, что «педагогика социально-культурной деятельности является интегральным полифункциональным видом деятельности в современном обществе. В целях гармоничного и всесторон-

него развития личности социально-культурная деятельность осуществляет умственное, нравственное, трудовое, эстетическое, физическое, правовое, гражданское, экономическое, экологическое и другие направления воспитания и способно приумножить духовные ценности нашего общества в будущем. В качестве результатов социально-культурной деятельности выступают личностные новообразования, связанные с осознанием и изменением системы мировоззрения, ценностных отношений субъектов, позволяющих совершенствовать образ жизни, стратегию и тактику поведения личности. Социально-культурное воспитание реализуется на социальном, институциональном, социально-психологическом, межличностном и интраперсональном уровнях» [3, с. 9].

Разобраться в этих сложных проблемах помогает всеобщий закон причинности. На основании этого закона многие ученые стремились объяснить различные явления. Так, например, «в начале 60-х годов прошлого столетия учёные провели исследования в океане, которые показали, что в колониях организмов, живущих в воде, каждый берет себе только 20 процентов необходимых для жизни веществ, 80 процентов выбрасывает в воду. Оказалось, что вроде бы напрасно выбрасываемые химические вещества создают межорганизменные связи, благодаря которым и выживает колония. Эти правила работают на всех уровнях организации живого. Человек – не исключение... Здоровая клетка сначала работает на организм, потом на себя. Если клетка забывает об организме и начинает работать на себя, то она подлежит уничтожению» [4, с. 4–5].

Так на основе закона «причинности» функционирует и космическое пространство, образуя реальность человеческого бытия. Великий русский космист С. А. Подолинский, рассмотрев постоянные величины во Вселенной и их взаимосвязь как целое, доказал: «человек является единственной известной в науке силой природы» [9, с. 28].

Многолетний психологический анализ показывает, что человек развивается биологически и духовно как системная целостность: «Современный мир, представленный хаотически структурируемым состоянием и выкристаллизацией принципиально нового, стадийно значимого исторического состояния, втянул в активный процесс развития на разном уровне, но практически все культурно-исторические структуры. Сформировалась глобально представленная связь компонентов культурно-исторического процесса как выражение постоянно воспроизводимой тенденции к реальной целостности Социума, в данном случае практически в ее реальной представленности. И путь к такой целостности был изначально заложен как важнейшая тенденция развития Социума, реализующего социальное движение, обусловленное становлением во всеобщем бытии

системной целостности особой определенности – Человек» [8, с. 9].

Человек формируется на всей дистанции культурно-исторического процесса: «Индивидуальное развитие человека зависит не только от фактора социального действия/воздействия, т. е. оттого, куда субъекта предпочитает направлять социум, но и от того, насколько у него обогатена генетическая программа развития и наличествуют возможности для того, чтобы стать самим собой. В этом смысле следует еще раз подчеркнуть, что органические предпосылки сами по себе не предрешают личностное развитие, точно так же как социальные условия жизни не предопределяют, вырастет ли в этих условиях пекущийся о своем благополучии приспособленец или же борец, готовый отдать жизнь ради рождения нового общества» [2, с. 49].

И, конечно, основным механизмом понимания связи человека с миром является деятельность, согласно А. Н. Леонтьеву, доказывающему, что «осуществленная деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание» [5, с. 129]. Так человек вступает в бесконечные связи с окружающей реальностью и культурой сообщества.

Как известно, «сознание – это высшая, свойственная только людям и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мыслительном построении действий, предвидении их результатов, в разном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [12, с. 132]. Сознание человека необходимо ориентировать на общечеловеческие проблемы. С высоко развитым сознанием человек становится ответственным, культурным, с позитивным настроением, рефлексивным отношением к жизни. Х. А. Ливрага считает, что «жизнь как таковая, проявляет себя как деятельность, активность: все, что активно, мы называем живым, а все то, что не дотягивает до этой границы, имеет какую-то иную жизнь, которую мы порой просто не способны понять» [6, с. 13].

Таким образом, все, что сделано и делается человеком в интересах общества, имеет педагогическую и социально-культурную ценность. Педагогика в мире наук занимает одно из ведущих положений, ибо это и наука, и искусство, и обучение, и практика: «Педагогика, как всякая живая наука, развивается неоднозначно и противоречиво, переживая одновременно и процессы интеграции нового знания из смежных наук, и дифференциации своего теоретического «поля». Но, действуя в системе наук о человеке, педагогика использует принятые в человековедении фундаментальные модальности познания. Они отличаются различной степенью эксплицированности (предварительной сформулированности). В системе наук о человеке педагогика не только воспринимает междисциплинарные взаимодействия, но и сама оказывает серьезное влияние на другие области знания. И философия, и психология, и иные науки из области человековедения все больше и больше нуждаются в том технологическом компоненте (в возможности получать новое знание о человеке в специально организуемых образовательных системах), которым обладает именно педагогика» [1, с. 30]. Поэтому педагогическая наука функционирует на основе всеобщего закона равновесия природы и общества. В педагогике как системе закон равновесия позволил разработать и создать множество мета-, мега-, макро- и микросистем. Значит, поиск новых законов остается приоритетной задачей общей педагогики, истории педагогики и образования в системах развития, воспитания, образования и формирования личности.

Наиболее доступным для научного познания является изучение педагогических закономерностей в процессе воспитания: «Процесс воспитания – объективная реальность. Его изучение открывает объективные, существенные и достаточно устойчивые связи в протекании самого процесса, в его организации, в повторяемости результатов. Закономерности процесса воспитания нельзя понимать как собрание неких аксиом, отражающих

неизбежно объективные результаты. Закономерности фиксируют достаточно устойчивые тенденции процесса воспитания, поэтому на их основе можно объяснить существенные причинно-следственные связи воспитания, можно прогнозировать последствия тех или иных педагогических действий воспитателя, их результат» [1, с. 85].

В отечественной педагогике слово «воспитание (вос-питание)» восходит к значению «духовное питание», «питание человека из духовного источника», когда воспитатель, не возвышаясь (в плохом смысле слова) над объектом, учитывает его природу в деятельности. Проблемы общей педагогики и педагогики социально-культурной деятельности неразрывно связаны, ибо направлены на человека как целое, которого надо «подтягивать» к Истине, Любви, Красоте, справедливости и духовности. Методология и теория общей педагогики и педагогики социально-культурной деятельности в воспитательном процессе структурно триедины по когнитивному, эмоционально-оценочному и поведенческому компонентам, при определяющей роли деятельности.

В структуре процесса воспитания все элементы теснейшим образом взаимосвязаны. Поскольку процесс сложный, многофакторный, функционирующий в системе общества, то на него оказывают непосредственное влияние объективные и субъективные факторы.

«К группе объективных факторов относятся:

- генетическая наследственность и состояние здоровья человека;
- социальная и культурная принадлежность семьи, оказывающая влияние на его непосредственное окружение;
- обстоятельства биографии;
- культурная традиция, профессиональный и социальный статус;
- особенности страны и исторической эпохи.

Группу субъективных факторов составляют:

- психические особенности, мировоззрение, ценностные ориентации, внутренние потребности и интересы как воспитателя, так и воспитуемого;
- система отношений с социумом;
- организованные воспитательные воздействия на человека со стороны отдельных людей, групп, объединений и всего сообщества» [10, с. 237].

В ходе исторического развития человечество ставило перед собой новые цели, на каждом этапе происходило осмысление новых проблем, закономерностей, видов, типов, форм, средств, методов и технологий воспитания и обучения. Сама жизнь показала, что воспитание и культура нераздельны: «Культура всегда исторична. Человек как природное существо, находясь в пространстве культуры, приобретает характеристики, которые накладываются на его изначальную (биологическую) природу. Эти характеристики образуют его "вторую (культурную) природу". Жизнь человека, приобретшего "вторую природу", стала подвластной двум линиям детерминации: природной и культурной. Культурная детерминация подталкивает человека к жизни в трех измерениях: прошлое, настоящее и будущее. Она настоятельно требует воссоздания в потоке индивидуальной жизни культурного опыта прошлого, его пополнения в настоящем и транслирования в будущее. Такая детерминация позволяет людям стать личностями, творящими свою историю» [7, с. 13].

В российском обществе государство и общественность весьма озабочены снижением культурного уровня населения. К сожалению, разрушены некоторые социокультурные системы, в которых складывались десятилетиями традиции, верования, жизненные уклады, стили жизни. Сегодня наше общество стало очень стратифицировано. Страты вырабатывают свои ценности и способы их трансляции, к тому же существуют автономно. Рыночные отношения расширяют горизонты стратификации, добавив в их число большой пласт мигрантов, которые формируют свою культурную среду. Вследствие этого изменя-

ется и сама языковая система, которая наиболее динамично влияет на социокультурную ситуацию.

Социокультурная ситуация кризиса усугубляется и с появлением на телевидении и в других средствах массовой информации «свободы слова», что приводит к понижению культурного уровня населения. В отсутствие контроля над чистотой речи, над средствами массовой информации актуальным становится поиск нового педагогического направления – педагогики культуры. В Московском государственном институте культуры издана коллективная монография «Педагогика и образование в сфере культуры», посвященная актуальным проблемам культуры и образования. Педагогика культуры – это новое направление педагогической науки, в котором исследуются вопросы, связанные с воспитанием и образованием личности, изучением системы духовных ценностей, смыслов, творчества человека. Это и выявление формирования взаимосвязей и отношений между человеком и коллективом.

Осознание детерминированности социально-культурной деятельности закономерностями педагогической науки поможет развитию формируемой и формирующей деятельности личности. Формируемая деятельность личности априори находится под влиянием других видов деятельности, объективно воспитательной. Именно в этом качестве она становится воспитательно-формирующей: «формирование» человека понятие более объемное, чем «воспитание». Поэтому формирующая деятельность осуществляется специалистами-профессионалами, с позиций стратегии и тактики. Формирование – многоступенчатый, сложный процесс, который эффективен только при совпадении целей общей педагогики, педагогики социально-культурной деятельности и жизненных целей человека.

Социально-культурная деятельность ориентирована и на различные, в том числе «трудные», категории людей, у которых нет потребности в приобщении к культуре в трудовой деятельности или в условиях досуга.

Итак, детерминированность педагогики социально-культурной деятельности общими закономерностями педагогической науки происходит на основе общих законов природы и общества за счет высокой степени взаимосвязи в педагогической системе ее элементов. Под педагогической системой понимается процесс, в котором предмет, объект, субъект, включая социально-культурную среду, социум и общество в целом, находятся в идеальном равновесном состоянии. Педагогическая система жизнеспособна, если она имеет механизм постоянного обновления элементов, адаптации и приведения ее в состояние развития.

Размышляя о педагогике, П. Г. Редкин отмечает: «Живая, как сама жизнь, педагогика должна возбуждать мышление во всяком, кто только привык мыслить. Общие ее положения должны быть не общие места, а, так сказать, темы для рассуждений. Правда, воспользоваться правилами, излагаемыми в педагогике, может вполне только тот, кто сам их в себе

снова переосмыслит; оценит же их и оправдает только человек с достаточным запасом опытных сведений, соединяющий взгляд всесторонний, глубокий, светлый» [11, с. 78]. Поэтому первоочередная задача, стоящая перед педагогической наукой, – разработать теоретико-методологические основы рациональных связей общей педагогики и педагогики социально-культурной деятельности диалектично.

Конструктивной формой сращивания педагогики и социально-культурной деятельности является создание на базе Московского государственного института культуры Научного центра Российской Академии образования, что позволит разработать методологические и теоретические основы рациональных связей науки и практики. Естественно, что Центр будет расширяться за счет создания кафедральных объединений и специализированных лабораторий. Это позволит упростить научный поиск на всех этапах, от замысла до внедрения.

Список литературы

1. Голованова Н. Ф. Общая педагогика. Учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург, 2005.
2. Дудко В. А. Психологические основы развития и преобразования личности. // Мир психологии, 2012. № 2. С. 46–54.
3. Жаркова А. А. Педагогика социально-культурной деятельности. Монография. Москва: МГИК, 2021. 148 с.
4. Ивашов Л. Утраченный разум. Москва: ООО Издательство «Аргументы недели». 2021. 512 с.
5. Леонтьев А. Н. Личность. Сознание. Деятельность. Москва: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Ливрага Х. А., Гусман Д. С. Сокровенный смысл жизни: Сборник статей. Москва: Новый Акрополь, 2003. 408 с.
7. Лукацкий М. А. На пороге будущего. Исторические судьбы «человека обучающегося» // Образование и общество, 2009. № 5 (58). С. 12–25.
8. От редколлегии // Мир психологии. 2012. С. 3–11.
9. Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. Санкт-Петербург, 1880. 82 с.
10. Реан А. А., Бордовская Н. В., Розум С. И. Психология и педагогика. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 92 с.
11. Редкин П. Г. На чем должна основываться наука воспитания. // Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения. Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 58–86.
12. Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд. Москва: Гардарики, 2006. 736 с.

*

Поступила в редакцию 24.07.2024

5.8.1. Общая педагогика. История педагогики и образования
(педагогические науки)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-127-134>

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 7948493@mail.ru

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Институт гуманитарных и прикладных наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: yaroch1@yandex.ru

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики, Московский государственный институт культуры; Московский государственный лингвистический университет, Институт гуманитарных и прикладных наук

МАЦУКЕВИЧ ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

SHARKOVSKAYA NATALIA VLADIMIROVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activity, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture; Moscow State Linguistic University, Institute of Humanities and Applied Sciences

MATSUKEVICH OLGA YURIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

© Шарковская Н. В., Ярошенко Н. Н., Мацукевич О. Ю., 2024

О. Ю. Мацукевич

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: olgmats@yandex.ru

Аннотация. В статье обоснована значимость исследования сущности и специфики педагогического потенциала просветительской деятельности в учреждениях культуры. Представлено авторское определение понятия «просветительская деятельность» применительно к социально-культурной сфере. Обоснован выбор аксиологии как новой методологии просветительской деятельности в раскрытии ее гуманистических начал, педагогических возможностей. Выявлены и охарактеризованы социальные функции педагогического потенциала просветительской деятельности: гуманистическая, ценностно-смысловая, культуротворческая, а также функция педагогического взаимодействия специалиста с посетителями учреждений культуры. Сформулированы критерии выбора педагогических технологий организации просветительской деятельности, среди которых: факторы трансформации современных форм организации педагогического процесса в учреждениях культуры, разработка новых педагогических средств формирования целеполагания в организации просветительской деятельности. Сделан вывод, что педагогический потенциал современной просветительской деятельности базируется на трех ведущих составляющих – познавательной, развивающей, воспитывающей, каждая из которых обладает отличительными признаками.

Ключевые слова: личность, педагогический потенциал, просветительская деятельность, гуманистически ориентированная среда учреждений культуры, организационно-педагогические условия, социальные функции, критерии выбора педагогических технологий.

Для цитирования: Шарковская Н. В., Ярошенко Н. Н., Мацукевич О. Ю. Педагогический потенциал просветительской деятельности учреждений культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 127–134. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-127-134>

THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CULTURAL INSTITUTIONS

Natalia V. Sharkovskaya

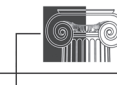
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: 7948493@mail.ru

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,
Institute of Humanities and Applied Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: yarochn1@yandex.ru

Olga Yu. Matsukevich

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: olgmats@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the importance of studying the essence and specifics of the pedagogical potential of educational activities in cultural institutions. The author's definition of the concept of "educational activity" in relation to the socio-cultural sphere is presented. The choice of axiology as a new methodology of educational activity in revealing its humanistic principles and pedagogical capabilities is justified. The social functions of the pedagogical potential of educational activities are identified and characterized: humanistic, value-semantic, cultural, as well as the function of pedagogical interaction of a specialist with visitors to cultural institutions. The criteria for choosing pedagogical technologies for organizing educational activities are formulated, among which are: factors of transformation of modern forms of organizing the pedagogical process in cultural institutions, the development of new pedagogical means of goal-setting in the organization of educational activities. It is concluded that the pedagogical potential of modern educational activities is based on three leading components: cognitive, developmental, and educative, each of which has distinctive features.

Keywords: personality, pedagogical potential, educational activities, humanistically oriented environment of cultural institutions, organizational and pedagogical conditions, social functions, criteria for choosing pedagogical technologies.

For citation: Sharkovskaya N. V., Yaroshenko N. N., Matsukevich O. Yu. The pedagogical potential of the educational activities of cultural institutions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 127–134. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-127-134>

Происходящая в настоящее время инновационная модернизация учреждений культуры актуализирует вопросы, связанные с решением ключевых задач государственной культурной политики, в том числе с повышением эффективности поступательного развития просветительской деятельности.

Современная просветительская деятельность – это вид многогранной педагогической деятельности, в которой осуществляется субъектная интерпретация и одновременно трансляция предметного содержания культурных ценностей, прежде всего традиционных духовно-нравственных ценностей, в педагогической подсистеме «специалист сферы культуры – обобщенный субъект» гуманистически ориентированной среды учреждений культуры [11]. Как средство позитивной социализации личности, просветительская деятельность способствует развитию гражданского самосознания, расширению спектра значимых жизненных и профессиональных перспектив, творческой самореализации личности специалиста и посетителя.

Заметим, что нынешняя социальная ситуация настоятельно требует переосмысления ценностно-смысловых основ содержания, форм и методов просветительской деятельно-

сти учреждений культуры. Для достижения конструктивного осуществления этих изменений необходимо в полной мере учитывать отечественный педагогический опыт, накопленный учреждениями культуры, в частности, в реализации педагогического потенциала просветительской деятельности [2; 6].

Именно педагогический потенциал просветительской деятельности позволяет стимулировать социально-педагогические механизмы формирования базовой культуры личности и нивелировать психологические барьеры, возникающие в ходе реализации этого процесса [9]. Данный вид потенциала просветительской деятельности обусловлен её теоретико-методологической основой, представленной конкретными методологическими принципами – системным, аксиологическим, полисубъектным, личностно-ориентированным, культурологическим. Этот потенциал определяется концепцией педагогики социально-культурной деятельности как подвида педагогики культуры (Н. Н. Ярошенко), которая интегрирует идеи свободного воспитания (С. Т. Шацкий); психологии и педагогики ненасилия (В. Г. Маралов, В. А. Ситаров); педагогики сотрудничества (И. П. Иванов), а также специализирован-

ные концепции воспитания личности в самодетельном коллективе (Е. И. Смирнова, А. С. Каргин); социализации (А. В. Мудрик) и культурной ресоциализации личности (О. Ю. Мацукевич).

Приоритетной задачей просветительской деятельности является определение гуманистической сущности данной деятельности, ее отношения к личности человека как высшей ценности общества и целевой установки социального развития. В формате педагогического процесса современных учреждений культуры, в соответствии с критерием «предметное содержание», выделяются ценности-цели, ценности-средства, ценности-отношения, ценности-качества. *Ценности-цели* – основа духовно-нравственного развития личности специалистов, посетителей конкретного учреждения культуры, выражающая педагогическую сущность просветительской деятельности. *Ценности-средства*, подразделяясь на ценности-отношения, ценности-качества и ценности-знания, в своей общности, отражают как профессиональные интересы специалистов, так и духовные потребности посетителей, тем самым обеспечивая их межличностное взаимодействие, основанное на сотрудничестве, что определяет уровень их культурного развития, самореализации и творческого самовыражения. Специфической особенностью ценностей-средств выступает отношение посетителей к учреждениям культуры как к жизненно значимым социально-культурным институтам, способным моделировать пространство культурного досуга, позволяющего развивать профессиональные, надпрофессиональные и общекультурные компетентности [8, с. 115–117].

Сущность педагогического потенциала просветительской деятельности проявляется в ее практико-ориентированных векторах, систематизированных авторами статьи по следующим показателям:

- по степени педагогических новшеств и сфер реализации (локальные, субъективные, условные; сферы: традиционные, инновационные);

- по форме и стилю межличностного общения в педагогической подсистеме «учреждение культуры – посетитель – посетители»: диалог, монолог, полилог; демократический, авторитарный, либеральный;
- по соответствию возрастным характеристикам целевой аудитории учреждения культуры: для детей, молодежи, посетителей среднего и старшего возраста;
- по типовому предназначению: экологический, художественный, научно-технический, правовой, экономический, физкультурно-оздоровительный, санитарно-гигиенический и др.;
- по характеру развивающего культурного пространства: реальное, виртуальное [3; 10; 13].

Каждый из представленных векторов в виде социально-культурной мотивационной модальности просветительства ориентирован на формирование культурной активности посетителей, социальной желательности расширения спектра знаний, умений и навыков в свободное от основных занятий время, а также – досуговой мобильности как неотъемлемого фактора личностного развития.

На примере созданных в библиотеках Кемеровской области (Кемерово, Юрга) публичных центров правовой и социальной информации покажем наиболее востребованные формы просветительской деятельности в рамках социально-культурных проектов «Школа правовой культуры», «Университет третьего поколения», «Служба социального комфорта». К ним могут быть отнесены: *благотворительная акция*: «Грамотный потребитель», «Правовое поле пенсионера»; *информационно-правовой час*: «Право быть ребенком», «Конвенция о правах ребенка», «Социальная защита для пенсионеров», «Пути предотвращения мошенничества»; *круглый стол* – заседания правоведческого факультета: «Социальные и имущественные налоговые вычеты», «Знакомство с системой обязательного медицинского страхования»;

библиотечный блог «В мире прав и закона» в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте» и т. д.

Педагогическими принципами продуктивной реализации форм просветительской деятельности в целостном педагогическом процессе учреждений культуры выступают:

- принцип индивидуального культурного развития посетителей с учетом признания уникальности их социального опыта в гуманистически ориентированной среде учреждений культуры;
- принцип саморегуляции личностных жизненных позиций и ценностного самоопределения посетителей в выборе форм и методов просветительской деятельности;
- принцип обратной связи в межличностном взаимодействии посетителей и специалистов, выраженный в формате оценки, отражающей результативность просветительской деятельности [1; 4].

Педагогический потенциал просветительской деятельности прослеживается в ходе анализа ключевых компонентов структурной модели просветительской деятельности: цели, социально-педагогических условий, социальных функций, методов, педагогических технологий.

Среди многомерных объектов целей просветительской деятельности ведущими выступают гуманистически ориентированная среда учреждений культуры, профессиональная деятельность специалистов, самодеятельный творческий коллектив и клубное формирование. Реализация целей просветительской деятельности в указанных объектах обусловлена поиском конструктивных решений таких социально-педагогических задач как

- а) педагогическое проектирование разновидностей гуманистически ориентированной среды учреждений культуры (информационно-коммуникационной, креативной, социально-реабилитационной и др.);
- б) создание любительских коллективов и клубных формирований в учреж-

дениях культуры (хореографических, театральных, музыкальных, хоровых и т. д.) с целью развития интеллектуальных, творческих способностей их участников [5];

- в) формирование культурной идентичности личности посетителя в организационном процессе учреждений культуры, в частности, в содержательном расширении критериев качества социально-педагогической информации: актуальности, законности распространения, достоверности.

Указанные цели и задачи просветительской деятельности, проявляясь в виде отражения объективных тенденций социального и духовно-нравственного развития личности, способны приводить содержание, формы просветительской деятельности в соответствие с социальным заказом на достижение продуктивной организации просвещения.

Актуализация педагогического потенциала просветительской деятельности личности посетителей учреждений культуры обеспечивается совокупностью организационно-педагогических условий:

- обеспечение автономности и осознанного выбора посетителями конкретных сфер реализации просветительской деятельности: межкультурное сотрудничество, досуговая деятельность, неформальные и информальные виды деятельности и др.;
- применение технологии педагогического сопровождения посетителей, ориентированного на развитие их социальных и общекультурных компетенций, активизацию межличностного взаимодействия и субъектной самоактуализации;
- предметное участие в реализации долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных социально-педагогических проектов, ориентированных на достижение взаимной профессиональной / любительской увлеченности специалистов и посетителей;

- соответствие личных творческих инициатив посетителей в организации просветительской деятельности, посвященной актуальным проблемам повышения информативности педагогической системы в конкретных учреждениях культуры.

Педагогический потенциал просветительской деятельности в учреждениях культуры раскрывается через призму таких доминирующих социальных функций, как гуманистическая, ценностно-смысловая, культуротворческая, а также – функций педагогического взаимодействия специалиста с посетителями учреждений культуры, информационного ориентирования о сферах реализации просветительской деятельности.

Гуманистическая функция выражается в укреплении гуманистических начал, составляющих содержательную основу проектирования культурно-просветительных событий в учреждениях культуры; последовательном приобщении посетителей к ценностям – общечеловеческим, нравственным и терминальным.

Ценностно-смысловая функция ориентирует на познание закономерностей динамичного развития социальной реальности, важных для постижения духовных и нравственных основ просветительства, их смысловой роли в системной организации культурной жизнедеятельности личности.

Культуротворческая функция фиксируется стремлением посетителя к повышению уровня творческой активности для личной самореализации с учетом выбора разных типов авторской рефлексии (размышление, творческое воображение, отрицание самоанализа) предметных действий в избранных сферах просветительской деятельности.

Функция педагогического взаимодействия специалиста с посетителями учреждений культуры состоит в усовершенствовании приемов коммуникации с участниками культурно-просветительских программ, проектов на основе правил профессиональной этики, рассматриваемых в виде конкретиза-

ции общих нравственных принципов применительно к деятельности.

Функция информационного ориентирования о сферах реализации просветительской деятельности заключается в актуализации роли информации при выборе посетителями конкретного вида данной деятельности в соответствии с личными культурными установками; взаимосвязи социально-культурной мотивации с эмоциональным отношением к социально-педагогической роли просветительской деятельности в организации профессиональной и культурной жизни личности [7; 11].

Педагогический потенциал просветительской деятельности, базирующийся на интегральном множестве социальных функций, гарантирующих осуществление разнообразных социальных и педагогических методов, в том числе *метода опережающего общекультурного развития* (М. А. Ариарский, И. А. Ивлева), *метода погружения* в атмосферу конкретного культурного события (Эллис А., Фрутсон Д.), *метода микрооткрытий* (Синицын Е. С.), а также *метода синектики* (У. Дж. Гордон) [9], способен обеспечить реализацию полного комплекса педагогических технологий, «имеющих организационно-управленческое, информационно-просветительское, рекреативно-оздоровительное, развлекательно-гедонистическое, анимационное, реабилитационное функциональное предназначение» [14, с. 134].

Анализ специальной литературы показывает, что критериями выбора указанных педагогических технологий в организации просветительской деятельности, как правило, выступают:

- а) типология учреждений культуры, факторы трансформации современных форм организации педагогического процесса в них;
- б) реализация возрастного и личностно-ориентированного подходов в осуществлении просветительской деятельности;
- в) разработка новых педагогических средств формирования целеполагания в организации просветительской деятельности [11; 12].

Данные критерии, сопряженные с предметно-профессиональными действиями специалистов, их компетенциями, обуславливают сущность и специфику педагогических технологий на таких научных уровнях исследования как общепедагогический, частно-педагогический, локально-педагогический [10].

В целом, интегрирование характеристик организационно-педагогических условий, социальных функций, методов и педагогических технологий просветительской деятельности в учреждениях культуры позволяет сделать вывод о том, что ее педагогический потенциал базируется на трех составляющих – познавательной, развивающей и воспитывающей.

Познавательная составляющая заключается в организации процесса целенаправленной передачи социально-исторического, культурного опыта, формирования ключевых предметных, надпредметных и общекультурных компетенций личности.

Развивающая составляющая выражается в активизации процесса вхождения личности в новую, гуманистически ориентированную, среду учреждений культуры и успешной интеграции в ней в результате этого процесса.

Воспитывающая составляющая основывается на формировании досуговых установок, ценностных ориентаций личности, обеспечивающих условия для культурного развития и саморазвития, проявления социальной инициативности.

Список литературы

1. *Бордовская Н. В.* Диалектика педагогического исследования: монография. Москва: КНОРУС, 2020. 512 с.
2. *Дмитриева А. В.* Педагогический потенциал инновационных форм социально-культурной деятельности в процессе воспитания детей и подростков: учебное пособие. Краснодар: КГИК, 2018. 111 с.
3. *Мацукевич О. Ю.* Теоретико-методологические основы социально-культурной ресоциализации личности дезадаптантов / автореф. дис. ... доктора педагогических наук. М. 2014. 48 с.
4. *Мацукевич О. Ю., Водостоева В. А.* Просветительская деятельность театра-студии как направление профилактики аддиктивного поведения у подростков // Культура: теория и практика. 2021. № 1 (40).
5. Модельный закон о просветительской деятельности (новая редакция). Постановление № 44–11 Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ «О новой редакции Модельного закона «О просветительской деятельности» (принято в г. Санкт-Петербурге 20.05.2016). [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru>
6. *Никифоров Н. В.* Условия и технологии реализации педагогического потенциала социально-культурной деятельности в формировании здорового образа жизни: учебное пособие. Казань: Культура, 2012. 87 с.
7. *Секретова Л. В.* Индустрия досуга: Учебное пособие. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2020. 98 с.
8. *Шарковская Н. В.* Аксиологическая направленность современной индустрии досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 4 (102). С. 112–118.
9. *Шарковская Н. В.* Педагогический потенциал современных методов организации досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 138–144.
10. *Шарковская Н. В.* Сущность технологического потенциала современной культурно-просветительской деятельности // Культура: теория и практика. 2024. № 2 (57).
11. *Шарковская Н. В.* Технологии культурно-просветительской деятельности: уровни и критерии выбора // Культура: теория и практика. 2023. № 2 (53).

12. Ярошенко Н. Н. Педагогика культуры в понятийно-терминологической системе общей педагогики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 1 (117). С. 109–118.
13. Ярошенко Н. Н. Педагогика социально-культурной деятельности: институциональная основа и теоретический базис // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 6 (104). С. 107–124.
14. Ярошенко Н. Н. Педагогическая имплементация понятия «социально-культурная деятельность» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 5 (103). С. 124–136.

*

Поступила в редакцию 28.06.2024

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки)

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
БУДУЩИХ НАРОДНЫХ ПЕВЦОВ

УДК 377, 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-135-142>

Е. Ф. Командышко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: elkom04@gmail.com

А. А. Михайлова

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова,
Саратов, Российская Федерация,
e-mail: jareshko@mail.ru

Л. Л. Алексеева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: klara63@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обучения и воспитания молодого поколения музыкантов, решение которых выступает наиболее значимым условием эффективности процесса формирования их конкурентоспособности, профессиональной мотивации к достижению вершин му-

КОМАНДЫШКО ЕЛЕНА ФИЛИППОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования, Московский государственный институт культуры

МИХАЙЛОВА АЛЕВТИНА АНАТОЛЬЕВНА – доктор искусствоведения, профессор, и. о. заведующего кафедрой народного пения и этномузыкологии, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

АЛЕКСЕЕВА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, доцент, эксперт, Управление научной политики и инноваций, Московский государственный институт культуры

KOMANDYSHKO ELENA FILIPPOVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Music Education, Moscow State Institute of Culture

MIKHAILOVA ALEVITINA ANATOLYEVNA – DSc in History of Arts, Professor, acting head of the Department Folk singing and Ethnomusicology, Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov

ALEKSEEVA LARISA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Associate professor, Expert, Department of Science Policy and Innovation, Moscow State Institute of Culture

© Командышко Е. Ф., Михайлова А. А., Алексеева Л. Л., 2024

зыкально-исполнительского мастерства. Авторы полагают, что конкурентоспособность будущих народных певцов формируется под воздействием внутренних и внешних факторов профильного музыкально-образовательного пространства, построенного на оптимально современных моделях функционирования и высокоэффективных педагогических технологиях. Разработка, научное обоснование и последующее внедрение современных педагогических моделей обучения музыкантов – народных певцов – сегодня выступает архиактуальной задачей, так как сохранение и передача последующим поколениям ценностей исконной музыкально-песенной традиции – чрезвычайно важная проблема, требующая своевременного решения.

Ключевые слова: образование, культурное наследие, фольклор, музыкальное образование, обучение и воспитание, народные певцы.

Для цитирования: Командышко Е. Ф., Михайлова А. А., Алексеева Л. Л. Современные педагогические модели обучения и воспитания будущих народных певцов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 135–142. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-135-142>

MODERN PEDAGOGICAL MODELS OF TRAINING AND EDUCATION OF FUTURE FOLK SINGERS

Elena F. Komandyshko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: elkom04@gmail.com

Alevtina A. Mikhailova

Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov,
Saratov, Russian Federation,
e-mail: jareshko@mail.ru

Larisa L. Alekseeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: klara63@list.ru

Abstract. The article considers the problems of training and education of the young generation of musicians, the solution of which is the most significant condition for the effectiveness of the process of forming their competitiveness, professional motivation to achieve the heights of musical and performing skills. The authors believe that the competitiveness of future folk singers is formed under the influence of internal and external factors of the specialized musical and educational space built on optimally modern models of functioning and highly effective pedagogical technologies. The development, scientific substantiation and subsequent implementation of modern pedagogical models of training musicians – folk singers – today is an extremely urgent task, since the preservation and transmission to future generations of the values of the original musical and song tradition is an extremely important problem that requires a timely solution.

Keywords: education, cultural heritage, folklore, music education, training and education, folk singers.

For citation: Komandyshko E. F., Mikhailova A. A., Alekseeva L. L. Modern pedagogical models of training and education of future folk singers. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 135–142. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-135-142>

В современном социально-культурном пространстве сегодня с особой четкостью обнажились проблемы в сфере гуманитарных областей научного знания, связанных с процессом формирования системы жизненно важных духовно-нравственных ценностей человека. Это связано, прежде всего, с тем, что реформирование различных социально-экономических, политических, технологических сторон нашего общества приобретает все более глобализационный характер, базирующийся на достижениях информационно-коммуникационных технологий, фундаментально изменяющих практически все направления жизнедеятельности людей.

Маргинализация, охватившая все страны и государства мира, стремительно приобретает все более необратимый характер, так как активное расширение информационных потоков рождает новую систему ценностей, новое мышление, новую социокультурную среду. Современные тенденции в образовательном пространстве России инициируют согласованность действий ученых-исследователей и преподавателей, которые, опираясь на уже существующий опыт подготовки будущих специалистов в различных сферах жизнедеятельности общества, анализируют, разрабатывают и внедряют в учебный процесс современные педагогические модели, в том числе – в сфере культуры и искусства, несущие в себе духовные константы нации.

Исторически сложившийся опыт функционирования в жизненно важной среде представителей каждого этноса, каждой этнической группы всегда обеспечивает незримые связи их с социумом, в котором каждый человек формируется как личность, активно усваивая всю систему нравственных норм, традиций, правил. Узловым положением этого процесса выступает развиваемое ныне рядом ученых утверждение о перцептивной культуре личности как звена, связывающего, с одной стороны, личность, например, каждого будущего специалиста сферы культуры и искусства, с материально-духовным творческим наследием, а с другой – с про-

цессом творческого преобразования личностной сферы каждого профессионального музыканта-исполнителя, педагога-музыканта, музыканта-просветителя.

В этой связи следует выделить наличие у молодых музыкантов-обучающихся сформированных умений мобилизации личностного отношения к получаемому новому знанию и объединением этих умений с образным и интеллектуально-логическим мышлением, а также – с уже полученным ранее опытом перцептивных художественно-эстетических переживаний и профессиональных действий в процессе интерпретации народно-песенного репертуара.

Следовательно, в процессе формирования личности будущего профессионального народного певца, развития его природных задатков, общих и специальных способностей особая роль принадлежит процессу его «погружения» в художественно-образный мир народной песни: «Традиция, выступая как духовно-практическая деятельность и являясь интегрированным видом деятельности, объединяет процессы производства и потребления художественного творчества народа. Народная традиция органично соединяет и обеспечивает удовлетворение и дальнейшее обогащение духовных интересов и потребностей человека, стимулирует развитие его творческих потенций и включение его в разнообразные формы художественного творчества» [4, с. 7].

Следует отметить, что именно ценности народно-песенной традиции выполняли и продолжают выполнять фундаментальную роль в духовном воспитании современного музыканта: «Россия – богатая страна во всех ее проявлениях, и главное ее богатство, неисчерпаемый источник народной мудрости – народные традиции» [6, с. 3]. Народная песня всегда сохраняла за собой максимальное усиление идейно-эмоциональной выразительности с преобладанием композиционных принципов построения.

В процессе обучения в профильно-организованной среде образовательного

учреждения у будущего народного певца происходит интенсивное формирование комплекса не только жизненно важных навыков дальнейшей профессиональной деятельности, но кристаллизуются способы личностного творческого самовыражения путем адекватной передачи различных художественных образов изучаемого традиционного фольклорного песенного репертуара.

При изучении произведений определенной региональной песенной традиции педагогу-музыканту необходимо убедительно и эмоционально ярко иллюстрировать жанровую структуру каждого аутентичного музыкального примера, его диалектные, стилевые специфические приемы, что будет способствовать формированию у обучающихся профессиональных навыков работы над содержанием песни, ее корректной расшифровки, приобретению навыков организации и проведения обрядов, народных праздников и др.

Применение принципа перманентности в процессе изучения музыкантами аутентичных образцов песенной традиции обеспечивает высокий уровень эффективности данного процесса, особенно при «оттачивании» интонационной выразительности, так как достижение точной интонации и артикуляции обеспечивает народному певцу достижение философского и высокохудожественного смыслового начала песни: «Философия черпает прямо в музыке свою силу объяснения действительности; не изменяя сама себе, музыка становится рупором философии и ее шифром. Философия оказывается пришедшей к себе музыкой, а музыка заключает в себе становящийся в истории “мировой дух”» [3, с. 220].

Однако следует подчеркнуть, что современный музыкальный рынок сегодня демонстрирует определённые требования к обучающимся образовательных учреждений музыкальной направленности, которые заключаются в необходимости решения проблемы их конкурентоспособности. Это касается и народных певцов. Специальные социологические и педагогические исследования, практи-

ческий опыт ведущих мастеров-исполнителей народной песни свидетельствуют о глубокой, сущностной, а не внешней взаимосвязи культурно-исторической и музыкально-исполнительской, информационно-коммуникативной подготовки будущего поколения народных певцов в контексте комплексного подхода к использованию каждого из видов искусства и цифровых технологий: «Высокие требования к качествам личности и уровню профессиональной подготовленности специалистов культуры обуславливают необходимость формирования основ профессионального мастерства у обучающихся и учащихся учебных заведений культуры и искусств в процессе обучения, что вызывает потребность в разработке его психолого-педагогических основ» [5, с. 8].

Кроме этого, цифровизация всех сфер жизнедеятельности современного общества уже сегодня выступает неотъемлемой частью образовательного процесса практически во всех видах и типах учреждений, в том числе колледжей, вузов. Этому процессу способствовало Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» [1].

Исследованию процесса цифровизации музыкально-образовательной среды колледжей, вузов посвящено достаточное количество публикаций. Так, например, И. Б. Горбунова, Н. Н. Петрова, осмысливая проблему цифрового инструментария в образовательных учреждениях музыкально-художественной направленности, подчеркивают необходимость дальнейшего научного обоснования «социальной интенции на новые формы “культуротворчества”» в цифровом его претворении [7, с. 369].

М. В. Киселев, анализируя проблему процесса цифровизации в музыкально-образовательной среде образовательного учреждения, приходит к выводу, что «целенаправленное формирование у обучающихся музыкальных вузов цифровой компетентно-

сти имеет большое значение в системе образования современной России, так как цифровые технологии сегодня играют одну из важных ролей в различных сферах жизнедеятельности общества, включая музыкальное искусство и профессиональное музыкальное образование» [12. с. 104].

Следует также отметить, что подготовка народных певцов должна органично сочетать в себе веками сложенные песенные традиции и инновационные мультимедийные технологии. Такая установка на процесс обучения и воспитания музыкантов-народников будет способствовать значительному расширению и наполнению образовательного пространства уникальными музыкально-педагогическими технологиями, соответствующими современным тенденциям в педагогике и психологии художественного творчества.

Внедрение инновационных мультимедийных технологий в процесс реализации на практике содержания профессиональных образовательных программ подготовки специалистов в сфере культуры и искусства – народных певцов – позволит педагогическому сообществу максимально в сжатые сроки адаптироваться к потребностям музыкальной индустрии, требованиям к организации и реализации нормативно-декларативных материалов, отражённых во ФГОС СПО, ФГОС ВО.

Оптимизация профильно-образовательной среды учреждений, реализующих программы по направлениям и профилям обучения будущих народных певцов, повлекла за собой расширение «полей» технологической компетентности преподавателей и сформированных у обучающихся навыков работы в виртуальном медиа пространстве, в том числе – в режиме «культурно-образовательных мостов».

Процесс разработки и внедрения современных моделей обучения и воспитания музыкантов-народников значительно активизировал процесс установления профессионального обмена специалистами из различных регионов нашей страны, дал толчок появле-

нию значительного количества электронных контентов по дисциплинам учебных планов, которые заложены в основу подготовки специалистов данного профиля.

В настоящее время представители научно-педагогического сообщества стремятся взаимодействовать с учеными-исследователями из разных областей гуманитарного и научно-технического знания. Активно функционирующие международные образовательные платформы сегодня позволяют трансформировать процесс обучения в более эффективные формы, значительно расширить пространство как в научном, так и в музыкально-исполнительском плане, укрепить межкультурное взаимодействие, создать уникальные просветительские проекты с привлечением отечественных и зарубежных коллег-партнеров.

В настоящее время, например, под пристальным вниманием ученых и педагогов-практиков находится технология «блокчейн», которая применяется, в том числе, в системе образования. Эта технология позволяет безопасно функционировать всем участникам-музыкантам конкретной образовательной среды в цифровом пространстве благодаря зашифрованным данным. «Блокчейн-технология» способствует созданию кодировки текста, который невозможно изменить сторонними путями без доступа к базе данных, не допускает плагиата и изменения научной статьи без автора. Тем самым исследователи в сфере гуманитарного знания имеют возможность обмениваться своим опытом и укреплять научно-деловую коммуникацию, как на территорию своей страны, так и за ее пределами.

Кроме того, данная технология, применяемая в сфере онлайн-образования, активно внедряется в реализацию различных образовательных профессиональных программ, по окончании которых обучившиеся имеют право получить сертификаты и дипломы государственного образца. Достаточно большое количество желающих, находящихся за пределами своего государства, официаль-

но получают профессиональный уровень образования, находясь в любой точке мира, вне зависимости от языковых различий, тем самым укрепляя международное сотрудничество [10, с. 237].

Цифровые технологии позволяют музыкантам – будущим народным певцам – записывать и анализировать свои выступления, получать обратную связь от педагогов, слушательской аудитории, изучать аутентичные записи народных исполнителей из разных регионов России и мира.

Индивидуальные занятия с педагогом в режиме онлайн в удобное для каждого участника время позволяют участникам процесса обучения сосредоточиться на конкретных задачах, за короткий промежуток времени решить проблемы, появляющиеся в работе над учебным и концертным репертуаром. Виртуальные репетиции в музыкально-образовательном пространстве позволяют большому количеству желающих включаться в активный межкультурный профессиональный обмен, реализацию культурно-просветительских проектов, плотное взаимодействие по видам музыкально-исполнительской деятельности. В процессе получения необходимого комплекса компетенций, соответствующих требованиям нормативных документов и регламентирующих процесс обучения и воспитания будущих народных певцов, у молодых музыкантов формируются необходимые для исполнителя навыки создания собственного имиджа, своего бренда и др.

Цифровизация процесса обучения и воспитания народных певцов дает возможность каждому из них активно коммуницировать в музыкальном онлайн-пространстве – продвигать свое творчество на популярных интернет-площадках, корректно создавать рекламу, знакомиться с современными, эффективными методиками обучения по основам мастерства исполнения произведений народной певческой традиции.

Данные компетенции предоставляют музыкантам возможность активно взаимо-

действовать с Мастерами – исполнителями народной песни, успешно осваивать техники и стили исполнения произведений аутентичного фольклора, которые выступают своеобразными, уникальными «ключами» для вхождения будущего специалиста – народного певца – в пространство истинного наследия национальной культуры.

Сформированные на высоком уровне у обучающихся народных певцов навыки продвижения в социальных сетях достижений своей концертно-исполнительской деятельности позволяют исполнителю сформировать свою слушательскую аудиторию: «Современные модели развития интеллектуальной активности, несомненно, способствуют повышению эффективности процесса развития интеллектуальной активности, поскольку на первом плане оказывается обучающийся как субъект деятельности и основные педагогические усилия направляются на его познавательное и личностное развитие» [14, с. 7].

Социальные сети, а также онлайн платформы дают возможность современным музыкантам – исполнителям народной песни – создавать целые сообщества ученых, педагогов-практиков, музыкантов-исполнителей, обучающихся, в которых они могут обмениваться информацией и наработанным опытом в области этномузыкального знания, этнофольклористики, этноорганологии, аутентичных примеров песенной традиции. Это позволяет каждому члену сообщества в короткие временные сроки получать информацию и активно пополнять свое профессиональный «багаж».

Определёнными тенденциями сегодняшнего времени выступают онлайн-конкурсы и фестивали, в которых музыкант-исполнитель может принять участие. Будущих профессиональных исполнителей народной песни оценивает жюри, и в достаточно короткие сроки каждый из участников получает результаты своего выступления. Весьма примечательно, что трансляция конкурсных программ представлена в вир-

туальном пространстве, что способствует её доступности и актуальности не только музыкантам-исполнителям, но и слушательской аудитории.

В то же время трансляция видеозаписей конкурсов позволяет каждому участнику проанализировать, оценить, осмыслить свое выступление, выделить достоинства своего исполнения и определить недостатки, допущенные при исполнении конкурсной программы. Следует отметить, что регулярные записи, а также их анализ под руководством педагога-музыканта, могут способствовать системно-организованному профессиональному росту будущего народного певца.

Следовательно, социальные сети и онлайн-платформы максимально способствуют популяризации направлений и профилей подготовки молодого поколения музыкантов-исполнителей, посвящающих свое творчество решению задачи по сохранению, популяризации и передаче последующим поколениям ценностей национальной музыкальной культуры в многообразии ее стилевых и жанровых направлений.

В этой связи необходимо отметить еще один немаловажный факт, который свидетельствует о необходимости применения современных информационно-коммуникационных технологий в их цифровом претворении в процессе обучения народных певцов. Так, например, современные слушатели не всегда адекватно воспринимают тексты песен на старославянском языке. Расшифровке ценностно-смыслового содержания исполняемого старинного песенного репертуара способствует применение цифровых технологий в различных видах и формах.

В этой связи необходимо выделить основные направления процесса внедрения цифровых технологий в обучение и воспитание будущих народных певцов:

- мотивирование музыкантов-народных певцов на активизацию профессионального роста и самосовершенствования;

- формирование устойчивой ориентации на повышение уровня информационно-коммуникативной компетентности;
- актуализация потребностей «погружения» обучающихся в ценности традиционного музыкального фольклора и др.

Современные модели обучения и воспитания будущих народных певцов открывают для представителей музыкально-педагогического сообщества новые горизонты научного поиска, развивают потенциальную готовность проявить себя и достичь высокого уровня в концертно-исполнительской, педагогической, просветительской и других видах деятельности. При этом опора на вековые традиции песенного народного искусства позволяет молодым музыкантам адаптировать современную слушательскую аудиторию к исконным ценностям отечественной музыкальной культуры в ее аутентичной форме существования.

Цифровизация процесса обучения и воспитания специалистов, музыкантов – народных певцов, позволяет педагогам профильных образовательных учреждений значительно обогатить ход постижения обучающимися многоплановых, многоаспектных форм народной песенной традиции с позиций эмоционального и интеллектуального познания ее сущностного смысла, открывающего современному человеку глубину идейно-нравственных, философских, витальных констант.

Цифровые платформы для записи и анализа исполнительских приемов носителей песенной традиции, онлайн-курсы, посвященные изучению культурного кода народной песни, наполнение профильно-обучающей среды образовательного учреждения сегодня активно функционируют и демонстрируют молодому поколению будущих исполнителей народной песенной традиции престиж и привлекательность данной профессии.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru> 2021. 21 декабря (дата обращения 03.07.2024).
2. *Абдуллин Э. Б.* Методологический анализ проблем музыкальной педагогики в системе высшего образования. Москва: Просвещение, 1990. 187 с.
3. *Адорно Т.* Избранное: Социология музыки. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. 445 с.
4. *Ануфриева Н. И.* Народная художественная культура в музыкально-образовательном пространстве вуза: учебное пособие. Москва: РГСУ, 2013. 390 с.
5. *Бакланова Н. К.* Психолого-педагогические основы профессионального мастерства специалистов культуры художественного профиля // Автореф. дис. ... доктора пед. наук. Москва, 1997. 57 с.
6. *Бородина Е. М.* Певческие стили // Учебно-методическое пособие. Кемерово: КемГУКИ, 2006. 48 с.
7. *Горбунова И. Б., Петрова Н. Н.* Цифровой инструментарий в системе современного музыкально-художественного образования // МНКО. 2019. № 6 (79). С. 367–370.
8. *Горбунова И. Б.* Феномен музыкально-компьютерных технологий как новая образовательная творческая среда. [Электронный ресурс] URL: <https://lib.herzen.spb.ru>
9. *Глухов А. П., Бычкова М. Н., Гужова И. В.* и др. Культура сетевых коммуникаций и цифровая грамотность / Науч. ред. А. П. Глухов. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 106 с.
10. *Гузъ Н. А.* Тренды цифровизации высшего образования // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 235–237.
11. *Каган М. С.* Введение в историю мировой культуры / М. С. Каган. Кн. 1. – 2-е изд. Санкт-Петербург: Петрополис, 2003. 336 с.
12. *Киселев М. В.* Системообразующая основа процесса цифровизации в музыкально-образовательной среде вуза // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве: материалы XXI Международной научно-практической конференции / Под науч. ред. Л. С. Майковской, А. П. Мансуровой. Москва: МГИК, 2024. С. 104–110.
13. *Медушевский В. В.* О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. Москва: Музыка, 1976. 254 с.
14. *Мусийчук М. В., Пуэнтес Р. В., Гусева Л. Г.* Современные модели развивающего обучения как интеллектуальная активность на основе ментального опыта // Педагогика и психология образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 15–21.
15. *Фильчаков С. И., Буторина Н. И.* Музыкально-компьютерные технологии: трактовки понятия, проблемы, возможности // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XIII международной научно-практической конференции, 24–28 февраля 2020. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2020. С. 701–713.

*

Поступила в редакцию 24.07.2024

5.8.7. Методология и технология профессионального образования
(педагогические науки)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
КАРЬЕРНОГО РОСТА ВЫПУСКНИКА ВУЗА КУЛЬТУРЫ:
ЗАПРОСЫ ПРАКТИКИ И АКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ

УДК 378.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-143-148>

А. И. Юдина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Е. Ю. Стрельцова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: strelcovaelena9191@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы педагогического сопровождения карьерного роста выпускника с учетом требований современного рынка труда в сфере культуры. Представлен практический опыт Московского государственного института культуры по внедрению системы педагогического сопровождения трудоустройства выпускников через Центр компетенций и карьеры, который является реперной точкой встречи студентов, работодателей и региональной власти для решения кадровых вопросов. По мнению авторов статьи, в современных условиях для построения успешной карьеры от выпускника вуза культуры требуется умение ориентироваться на результат, эффективно приспосабливаться к новым условиям, находить нестандартные решения, проявлять лидерские качества, обладать стрессоустойчивостью, эмоциональным интеллектом и надпрофессиональными навыками.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, карьера, карьерный рост, выпускник вуза культуры, надпрофессиональные навыки.

ЮДИНА АННА ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической и воспитательной деятельности, Московский государственный институт культуры

СТРЕЛЬЦОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой народной художественной культуры, Московский государственный институт культуры

YUDINA ANNA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Vice-Rector for Educational, Methodological and Educational Activities, Moscow State Institute of Culture

STRELTSOVA ELENA YURIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Folk Artistic Culture, Moscow State Institute of Culture

© Юдина А. И., Стрельцова Е. Ю., 2024

Для цитирования: Юдина А. И., Стрельцова Е. Ю. Педагогическое сопровождение карьерного роста выпускника вуза культуры: запросы практики и актуальный опыт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 143–148. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-143-148>

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR CAREER GROWTH OF A CULTURAL UNIVERSITY GRADUATE: PRACTICAL NEEDS AND CURRENT EXPERIENCE

Anna I. Yudina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Elena Yu. Streltsova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: strelcovaelena9191@mail.ru

Abstract. The scientific article examines the problems of pedagogical support for the career growth of a cultural university graduate, taking into account the requirements of the modern labor market in the field of culture. The practical experience of the Moscow State Institute of Culture in introducing a system of pedagogical support for the employment of graduates through the Competence and Career Center, which is a meeting place for students, employers and regional authorities to resolve personnel issues, is presented. According to the authors of the article, in modern conditions, in order to build a successful career, a graduate of a cultural university must be able to focus on results, effectively adapt to new conditions, find innovative solutions, demonstrate leadership qualities, have stress resistance, emotional intelligence and soft skills.

Keywords: pedagogical support, career, career growth, cultural university graduate, soft skills.

For citation: Yudina A. I., Streltsova E. Yu. Pedagogical support for career growth of a cultural university graduate: practical needs and current experience. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 143–148. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-143-148>

Развитие карьеры выпускника вуза культуры зависит от множества факторов, включая социально-экономическую и геополитическую ситуацию, технологический прогресс, а также динамику текущей ситуации и прогноз будущих тенденций рынка труда в сфере культуры. Современный рынок труда в сфере культуры претерпевает серьезные изменения, которые можно охарактеризовать следующими тенденциями:

1. **Цифровизация продукта культуры.** С развитием цифровых технологий и интернета, культура становится все более цифровой. Это приводит к появлению новых профессий, связан-

ных с созданием и распространением цифрового контента, а также – к необходимости адаптации традиционных профессий к новым условиям.

2. **Глобализация.** Культура становится все более глобальной, что ведет к расширению международного сотрудничества и обмена опытом. Это создает новые возможности для карьерного роста и развития профессиональных навыков будущих специалистов сферы культуры, которые должны транслировать в обществе лучшие образцы культурного наследия и народных традиций.

3. Динамика демографической структуры общества, которая ведет к изменениям потребности в культурных услугах. Например, увеличение доли пожилых людей может привести к росту спроса на культурные программы, адаптированные для этой возрастной группы.
4. Развитие творческих индустрий, таких как дизайн, реклама, киноиндустрия и другие, создает новые рабочие места и возможности для карьерного роста выпускников вуза культуры.
5. Развитие социальных медиа. Социальные медиа становятся все более важными инструментами для продвижения культурных проектов и услуг. Это создает новые возможности для работы в области маркетинга и PR в культуре.
6. Развитие инфраструктуры культуры делает возможным создание новых рабочих мест в области библиотечного дела, социально-культурной деятельности и управления.
7. Развитие волонтерства. Волонтерство становится все более популярным способом участия в культурной жизни. Это создает новые возможности для тех, кто хочет внести свой вклад в культуру.
8. Развитие альтернативных форм занятости, таких как фриланс и удаленная работа, создает новые возможности для специалистов в области культуры.

Для успешной карьеры выпускнику вуза культуры необходимы коммуникативные навыки; лидерские качества; способность к критическому мышлению; креативность; организаторские и технические навыки; умение работать в команде; способность адаптироваться к изменяющимся условиям и находить новые пути решения проблем; готовность к постоянному обучению.

По мнению Л. В. Широковой, «карьера – это результат осознанной позиции и поведения человека в области трудовой деятельности, связанный с должностным или профессиональным ростом. Другими словами, это

поступательное продвижение по служебной лестнице, изменение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров вознаграждения, связанных с трудовой деятельностью индивида» [7].

Современная образовательная среда вуза должна предусматривать педагогическое сопровождение выпускника вуза при трудоустройстве и развитии траектории карьерного роста.

О. А. Сергеева под педагогическим сопровождением понимает «деятельность, обеспечивающую создание условий для успешной адаптации человека к условиям его жизнедеятельности» [6, с. 22].

По мнению Е. А. Салахудиновой, педагогическое сопровождение студентов – это «целенаправленная деятельность всех субъектов педагогического процесса, направленная на содействие в обретении студентом позиции субъекта отношений, на его ориентацию в системе социальных отношений в вузе, организацию взаимодействия с сокурсниками и преподавателями в образовательном процессе и внеаудиторной деятельности» [5, с. 25].

В. А. Айрапетов определяет педагогическое сопровождение как «форму партнерского взаимодействия, в процессе которого согласуются смыслы деятельности и создаются условия для индивидуального принятия решений [2, с. 67.]».

Применительно к нашему исследованию данные определения подробно раскрывают цели педагогического сопровождения как конкретные результаты развития личности в профессиональной деятельности.

В Московском государственном институте культуры педагогическое сопровождение трудоустройства выпускников и развития их профессиональной карьеры организовано через «Центр компетенций и карьеры», который призван помочь трудоустройству студентов с учетом их умений, знаний и индивидуальных креативных способностей. Стратегическая цель Центра – диагностика и развитие надпрофессиональных компетенций с последующим построением индивидуальной карьерной траектории развития студента.

История создания такого подразделения вуза обусловлена государственной политикой. Еще в 2021 году Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин дал поручение Автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей», совместно с Министерством науки и высшего образования, внедрить пилотный проект в высшие образовательные организации «Оценка и развитие управленческих компетенций в российских образовательных организациях». В 2023 году создание центров компетенций нашло отражение в «Плане мероприятий по развитию творческого образования в Российской Федерации до 2030 года», утвержденного 10 января 2023 года Министерством культуры Российской Федерации [4].

Центр компетенций и карьеры является реперной точкой встречи студентов, работодателей и региональной власти, которые зачастую решают кадровые вопросы на базе вуза. В современных условиях для построения успешной карьеры недостаточно профессиональных знаний. Ценным становится работник, который умеет быстро учиться и ориентироваться на результат, эффективно приспосабливаться к новым условиям, находить нестандартные решения, проявлять лидерские качества, обладает стрессоустойчивостью, эмоциональным интеллектом и надпрофессиональными навыками.

В Центре компетенций и карьеры МГИК студенты смогут понять с помощью специально разработанной диагностики надпрофессиональных компетенций по 22 их разновидностям, какие им нужны «мягкие навыки». Командой Проекта «Твои компетенции» Автономной некоммерческой организацией «Россия – страна возможностей» были разработаны опросные листы для проведения социологического исследования сформированности уровня надпрофессиональных навыков студентов. Реализация данного проекта проходила в рамках подписанного соглашения о сотрудничестве между Московским государственным институтом культуры и АНО «РСВ». Проводилась индивидуальная диагностика надпрофессиональных компетенций, обучающихся с целью обеспечения каждого

прошедшего тестирование студента построенной и выверенной индивидуальной траекторией личностного развития и профессионального роста. После тестирования студент получал личную карту развития и возможность проработать свои компетенции в рамках индивидуальной траектории развития с целью ориентации на запросы конкретных работодателей [4].

В сентябре 2023 года была проведена диагностика обучающихся первых курсов по различным направлениям подготовки во МГИК. Всего прошли диагностику 393 человека из 585, что составляет 67% обучающихся [1]. Согласно графику по всем компетенциям большая часть выборки студентов попадает в область среднего уровня формирования компетенций. Вместе с тем следует обратить внимание на отдельные аспекты результатов ниже среднего показателя. Наибольший балл и наибольшее количество респондентов с начальным уровнем формирования компетенций наблюдается по таким показателям, как анализ информации, пассивный словарный запас, следование правилам.

Результаты исследования показали, что меньшая часть выборки студентов попадает в область высокого уровня формирования компетенций. Наибольший балл и наибольшее количество респондентов с высоким уровнем формирования компетенций наблюдается по таким показателям, как коммуникативность и клиентоориентированность.

Во МГИК на базе Центра компетенций и карьеры была разработана система педагогического сопровождения трудоустройства и развития карьеры выпускников вуза. Данная система включает следующие блоки: обучения и повышение квалификации преподавателей; социальное партнерство вуза и работодателей; цикл олимпиад для школьников и студентов; проведение творческих и профессиональных конкурсов; организация наставничества.

В целях эффективного решения задач, направленных на развитие надпрофессиональных компетенций каждого обучающегося, сотрудники Центра прошли обучение в «Центре компетенций» АНО «РСВ» по программе «Особенности функционирования

Центров компетенций в Университетах». В рамках программы обучения разработана концепция развития «Центра компетенций и карьеры Московского государственного института культуры» и определена миссия Центра как проводника актуальных знаний для современной креативной экономики.

В целях развития навыков проектирования образовательных программ и внеучебных мероприятий, включающих развитие надпрофессиональных компетенций, ЦКК организовано обучение из числа профессорско-преподавательского состава и руководителей структурных подразделений Института в Обособленном подразделении «Мастерская управления «Сенеж» «РСВ» по программе дополнительного профессионального образования «Развитие надпрофессиональных компетенций студентов через образовательную деятельность». Цель программы – познакомить слушателей с разными способами интеграции инструментов и механик развития УК студентов в учебный план ОПОП через связку образовательной и внеучебной деятельности в ООВО.

В рамках Федерального проекта «Социальные лифты для каждого» (оператор АНО Ассоциация «Я – профессионал», нацеленного на создание возможностей для профессионального и карьерного роста граждан путем формирования и развития системы профессиональных конкурсов. Институт третий сезон проходит конкурсный отбор и является организатором базового направления «Креативные индустрии» Всероссийской олимпиады студентов «Я – профессионал».

В седьмом сезоне отличительной чертой олимпиады становится переход к полному циклу карьерного наставничества своих участников с момента регистрации: студенты получают доступ к экспресс-курсу карьерно-психологического консультирования, карьерному тестированию и информационным ресурсам олимпиады и ее партнеров.

В VII сезоне подали заявки на направление «Креативные индустрии» 17938 человек (13887 – студенты бакалавриата и 4051 – студенты магистратуры), то есть на 5210 человек

больше, чем в VI сезоне, в котором участвовали 12728 человек.

Центром карьеры и компетенций ведется большая работа по созданию условий для приобретения в рамках освоения образовательных программ предпринимательских компетенций, знаний и умений, необходимых для ведения предпринимательской деятельности, организуется участие обучающихся во Всероссийской программе по развитию молодежного предпринимательства и самозанятости.

В рамках Федерального проекта «Университетское технологическое предпринимательство» МГИК принимает участие в проведении Акселерационных программ НТИ, направленных на развитие предпринимательских компетенций обучающихся. Акселерационная программа «Социальная реабилитация населения и территорий, пострадавших от явлений чрезвычайного характера» направлена на развитие рынка НТИ «Хелснет». За время проведения акселерационной программы (2023 г.) более 500 студентов приняли в ней участие, создали свой профиль и оставили цифровой след на платформе сообществ технологических лидеров <https://leader-id.ru/>, студентами создано 50 технологичных стартап проектов с минимальной жизнестойкостью [1].

Оказание помощи на старте карьеры посредством повышения квалификации и востребованности на рынке труда, получения второй профессии реализуется с помощью активного участия в федеральном проекте «Содействие занятости» в рамках национального проекта «Демография» (организация профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан). Обучено 100 студентов выпускных курсов, которые завершают свое обучение по программам среднего профессионального или высшего образования в текущем календарном году (за исключением получивших грант на обучение или обучающихся по договорам о целевом обучении), обратившиеся в органы службы занятости, для которых отсутствует подходящая работа по получаемой профессии (специальности).

С целью помощи студентам и выпускникам вуза в трудоустройстве в 2023 году проведено более 35 карьерных мероприятий при содействии партнеров: ГБУ г. Москвы флагманский центр занятости «Моя работа», Ассоциаций организаций и экспертов по профориентации «СуперДжоб», проект «В Работе» общероссийского общественного молодежного движения «Ассоциация студентов и студенческих объединений России» [1].

При Центре карьеры и компетенций МГИК действует студенческий клуб «Траектория развития». В клубе проводятся карьерные консультации, консультации по оформлению резюме, написанию сопроводительного письма. В клубе занимается более 150 обучающихся.

На основе результатов диагностики и прохождения траектории был сформирован профиль студента. При получении диплома о высшем образовании ему дополнительно выдавался «Паспорт компетенций». Наличие паспорта компетенций открывает дополнительные возможности успешного построения карьеры выпускником вуза культуры.

Данный проект был направлен на развитие надпрофессиональных компетенций студентов посредством включения в общеобразовательные программы специальных модулей развития указанных компетенций с одновременным формированием и развитием института наставничества (стажировок) и, как следствие, повышение эффективности трудоустройства обучающихся студентов.

Таким образом, Центр карьеры и трудоустройства занимается работой по основным направлениям содействия трудоустройству выпускников, таким как постоянная и временная занятость; взаимодействие с работодателями, местными органами власти и молодёжными организациями; исследование рынка труда, существенного мирового опыта по содействию трудоустройству. Работа Центра основывается на индивидуальном подходе к каждому из студентов в части его предстоящего трудоустройства после окончания образовательной организации.

Список литературы

1. *Аверина Е. В., Садовская В. С.* Креативные индустрии и профессиональная подготовка специалистов сферы // *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств.* 2023. 4 (51). С. 92–98.
2. *Айрапетов В. А.* Педагогическое сопровождение духовного становления старшеклассников в процессе их приобщения к русской художественной культуре: дисс. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2005. 241 с.
3. *Пыхтин А. И., Овечкин О. В., Широкова Л. В., Запольский А. Д.* Система мониторинга трудоустройства выпускников как фактор повышения эффективности образовательной деятельности вуза / А. И. Пыхтин, О. В. Овчинкин, Л. В. Широкова, А. Д. Запольский // *Современные наукоемкие технологии.* 2019. № 2. С. 133–137.
4. Работа в России [Электронный ресурс]. https://trudvsem.ru/vacancy/search?_busy=PROBATION&_page
5. *Салахутдинова Е. А.* Педагогическое сопровождение адаптации студентов в учебной группе: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2014. 36 с.
6. *Сергеева О. А.* Система педагогического сопровождения эмоционально-чувственной сферы старшеклассников: дисс. ... докт. пед. наук. Москва, 2013. 310 с.
7. *Широкова Л. В.* Трудоустройство выпускников с учетом современных условий рынка труда / Л. В. Широкова, С. А. Киракосян // *О влиянии государства на развитие демографических процессов: сборник докладов и тезисов участников конференции.* Ярославль, 2016. С. 319–322.

*

Поступила в редакцию 21.06.2024

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ОБУЧЕНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ ЭСТРАДНЫХ
ВОКАЛИСТОВ КИТАЯ В РОССИЙСКИХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

УДК 377; 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-149-155>

Е. Ф. Командышко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: elkom04@gmail.com

Л. Л. Алексеева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: klara63@list.ru

Ч. Юе

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: hiphoenix0305@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются технологии арт-менеджмента в качестве формирования социокультурной среды обучения эстраднему вокалу китайских студентов. На основе проведенного исследования авторами статьи раскрывается специфика исполнительской деятельности эстрадного певца с учетом эффективных способов и приемов организации самого процесса обучения эстрад-

КОМАНДЫШКО ЕЛЕНА ФИЛИППОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования, Московский государственный институт культуры

АЛЕКСЕЕВА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, доцент, эксперт, Управление научной политики и инноваций, Московский государственный институт культуры

ЮЕ ЧЭНСЭНЬ – аспирант кафедры музыкального образования, Московский государственный институт культуры

KOMANDYSHKO ELENA FILIPPOVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Music Education, Moscow State Institute of Culture

ALEKSEEVA LARISA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Associate professor, Expert, Department of Science Policy and Innovation, Moscow State Institute of Culture

YUE CHENGSEN – Postgraduate student at the Department of Music Education, Moscow State Institute of Culture

© Командышко Е. Ф., Алексеева Л. Л., Юе Ч., 2024

ному вокалу. Авторами предлагается способ организации профессиональной деятельности студентов из Китая в совместной работе над арт-проектом. Отмечается стимулирующее действие данного способа на развитие профессионально важных качеств при реализации широкого спектра проектной деятельности – производства разнообразных шоу-программ, концертов, фестивалей, конкурсов, авторских вечеров, производства аудио- и видеопродукции. В выводах констатируется эффективность развития профессиональных качеств будущих эстрадных вокалистов в условиях социокультурной среды и организованного восприятия произведений искусства в совокупности с опытом практической деятельности; излагается действенность технологий арт-менеджмента, применяемых с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, вовлеченности в образовательный процесс освоения национально-культурных традиций Китая.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, обучение эстрадных вокалистов, исполнительская деятельность, социокультурная среда, технологии арт-менеджмента.

Для цитирования: Командышко Е. Ф., Алексеева Л. Л., Юе Ч. Социокультурная среда обучения и воспитания эстрадных вокалистов Китая в российских образовательных организациях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 149–155. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-149-155>

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF TRAINING AND EDUCATION OF VARIETY SINGERS OF CHINA IN RUSSIAN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Elena F. Komandyshko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: elkom04@gmail.com

Larisa L. Alekseeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: klara63@list.ru

Chengsen Yue

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: hiphoenix0305@gmail.com

Abstract. The article examines art management technologies as the formation of a sociocultural environment for teaching pop vocals to Chinese students. Based on the research conducted by the authors of the article, the specifics of the performing activity of a pop singer are revealed, taking into account effective ways and techniques for organizing the process of teaching pop vocals. The authors propose a way to organize the professional activities of students from China in joint work on an art project. The stimulating effect of this method on the development of professionally important qualities in the implementation of a wide range of project activities is noted – the production of various show programs, concerts, festivals, competitions, author's evenings, production of audio and video products. The conclusions state the effectiveness of developing the professional qualities of future pop vocalists in the conditions of a sociocultural environment and organized perception of works of art in conjunction with practical experience; outlines the effectiveness of art management technologies used taking into account the individual characteristics of students, involvement in the educational process of mastering the national and cultural traditions of China.

Keywords: professional training, training of pop singers, performing activities, socio-cultural environment, art management technologies.

For citation: Komandyshko E. F., Alekseeva L. L., Yue Ch. Socio-cultural environment of training and education of variety singers of China in Russian educational organization. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 149–155. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-149-155>

Процесс обучения студентов из Китая на музыкальных факультетах вузов культуры в России является актуальной проблемой современного образования. Успешная подготовка эстрадных вокалистов связана с освоением ряда элементов, являющихся важными для вокально-исполнительской деятельности, что базируется на постановке голоса, совершенствовании навыков интонирования, звуковедения, подборе музыкального репертуара, непосредственно связанного с воплощением художественного образа в исполняемом произведении. В этой связи важно учитывать, что в профессиональной подготовке студентов из Китая существует целый ряд нерешенных проблем, связанных с опорой на общие требования вокальной педагогики и индивидуальные особенности голоса певца с учетом национальных вокальных традиций.

Целью исследования является анализ научно-педагогической и искусствоведческой литературы по проблеме профессиональной подготовки эстрадных вокалистов и обоснованием эффективных педагогических технологий арт-менеджмента в обучении китайских студентов эстраднему вокалу.

Специфика исполнительской деятельности эстрадного певца

В работах современных исследователей – Арутюновой А. Б., Гемадиева Д. И., Коваль Л. М. Поповой М. В. [5; 7; 11] и других ученых – выделены специфические нюансы деятельности эстрадного певца, которые следует рассматривать как фактор интегрирования его творческих, профессиональных и личностных качеств.

Так, исследователь Л. М. Коваль принимает попытку организации целостного процесса обучения студентов с выделением принципов, способов и приемов их творческого развития, учитывая не только основные компоненты жанра эстрады, но и профессионально значимые качества эстрадных вокалистов. Автор делает акцент на обогащении знаний о музыке и специфике функций музыкального искусства, важности владения техникой исполнения, готовя студентов к сценическому воплощению художественных образов, пониманию музыкального содержания и поиска передачи смысла музыкальных сочинений разными способами интонирования [7].

В исследовании М. В. Поповой личностные качества вокалиста подразделяются на три группы: интеллектуальные, волевые, эмоциональные. По мнению автора, все личностные качества дополняют друг друга в процессе восприятия и исполнения музыкальных произведений. Выявлено, что процесс формирования личностных качеств наиболее эффективен в условиях применения индивидуальных адресных занятий, на которых творческая деятельность студентов способствует раскрытию их индивидуальных особенностей [11].

В одной из научных работ на основе целенаправленного педагогического наблюдения рассматриваются приоритеты учащейся молодежи в отношении эстрадных песен, а также их тематика; отмечается необходимость особого внимания к осваиваемому вокально-педагогическому репертуару и обучению эстраднему вокалу как виду сценического искусства, обладающему особым влиянием на широкую аудиторию слушателей, зрителей [1]. В современных исследованиях так-

же учитывается организация персональной среды для обучающихся, что имеет большое значение на всех этапах обучения эстраднему вокалу. Раскрывается алгоритм формирования необходимых умений, способствующих росту профессионального уровня эстрадных вокалистов, развитию их критического мышления [5].

Формирование социокультурной среды обучения эстрадных вокалистов

Социокультурная среда, посредством которой начинают включаться в образовательный процесс культурные связи современного общества, приобретает особую значимость организации профессиональной подготовки эстрадных вокалистов. По мнению Л. С. Астафьевой, организованная среда образовательных учреждений наиболее естественно погружает студентов в процесс социализации, что надлежащим образом воздействует на организацию обучения, в которой студенты взаимодействуют [2, с. 271–274].

Результаты исследователя М. С. Бережной по проблеме социокультурной адаптации учащейся молодежи подтвердили значимость применения принципа социокультурной направленности обучения, в котором интегрируется социальная, личностная и культурная сферы деятельности [3]. Выявлено, что в социокультурной среде обучения наиболее эффективно осуществляется развивающий процесс, влияющий на эмоциональный отклик и адекватное восприятие социальных, гуманитарных, культурных и духовных противоречий.

Эстрадное искусство Китая связано с гармоничным соединением западной музыки и национального стиля, что необходимо учитывать в процессе профессиональной подготовки студентов-музыкантов из Китая [13]. Именно данный ракурс обучения является приоритетным в выборе важных условий проводимого нами эксперимента. Учитывая особенности развития эстрадного искусства в Китае, следует опираться на характерные особенности китайской эстрадной музыки:

- 1) китайскую пентатонику (пять ступеней китайской гаммы, которые также называют пятиступенчатой интервальной системой, соответствующие До Ре Ми Соль Ля);
- 2) китайские народные инструменты (бамбуковая флейта, эрху, гучжэн, пипа и другие);
- 3) элементы традиционной китайской оперы, то есть её мотивы, аккомпанемент, арии [4; 10].

Китайским студентам важно понять, что под влиянием западной музыки постепенно сформировался китайский музыкальный стиль, который интегрирует три важных направления: стили джазовой и танцевальной музыки; этнический народный стиль; западный стиль [10]. Опора на художественные и поэтические образы-символы в выражении автором музыкального произведения своих эмоций – одна из характерных особенностей традиционной музыкальной эстетики Китая (Ло Инсинь, Лян Сяомэй, Чжао Минхуэй, Чжао Ся).

Способ прочтения семантики музыкальных интонаций через образность разных видов искусства также должен быть понятен китайским студентам, что открывает естественный путь вхождения в иные интонационные системы, в том числе – восприятие музыкальных образов европейской и российской музыки в контексте освоения мировой художественной культуры. Эмоциональность как отражение внутреннего мира студентов является выражением чувств в создаваемых ими образах их творческой деятельности.

Применение технологий арт-менеджмента

Особое значение в подготовке эстрадных вокалистов в XXI веке приобретают технологии арт-менеджмента. С их помощью создается особая творческая атмосфера, в которой важным элементом восприятия современного искусства является не только исполнительская деятельность, но и самостоятельный анализ, оценка, проявление мотивов самореализации.

Технологии арт-менеджмента подразделяются на организационно-распорядительные и маркетинговые; образовательные и профессионально-ориентированные; развивающие и формирующие; коммуникативные, event-технологии; publicity-технологии [9].

При освоении арт-менеджмента студенты обретают знания об особенностях разных жанров искусства, представление о функциях искусства, о сущности художественно-творческой деятельности, современных формах организации искусства, специфике маркетинговой деятельности в подготовке и реализации арт-продуктов [7]. Вовлечение обучающихся в социально-значимые музыкальные проекты помогает эстрадным вокалистам сформировать готовность к профессиональной музыкальной и творческой деятельности. Целевые ориентиры применения технологий арт-менеджмента в вузе связаны с обновлением предметного содержания, сопряжения в нем различных форм деятельности, смысловых спектров и ценностных ориентиров, а также – предоставлением возможности личностного саморазвития.

В целом технологии арт-менеджмента базируются на концептуальных идеях:

- 1) технологии мастерских (Ф. Селестен и др.);
- 2) свободного воспитания (Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой, С. Френе);
- 3) гуманизма (Ж. Пиаже, К. Роджерс).

В технологии арт-менеджмента, как и в технологии мастерских, главное – передавать способы работы, а не конкретные знания.

Способ организации вокально-исполнительской деятельности студентов из Китая в условиях освоения арт-менеджмента является особым фактором совместной (коллективной) работы, которая оказывает мощное стимулирующее действие на развитие профессионально важных качеств эстрадных вокалистов.

Следует отметить, что внедрение в образовательный процесс современного вуза технологий арт-менеджмента устанавливает

связь развивающейся личности с различными сторонами художественной культуры, делает возможным ее осмысление. К примеру, осмысление современного периода диверсификации эстрадной музыки в Китае на основе технологий арт-менеджмента позволяет осуществить анализ формирования и изменения стиля песен китайской эстрадной музыки в телепрограммах «Лучший женский голос», «Голос Китая», «Я певец» и др.

Центральным звеном обучения студентов на основе технологий арт-менеджмента является арт-проект. Характерную его особенность составляет отличие от уже существующих решений и проектов, который и определяется как новый вид творческого продукта [8]. Новизна обозначенного подхода обусловлена признанием того, что для освоения инновационных технологий арт-менеджмента и работе над арт-проектом (шоу-программой) требуется неустанная работа по саморазвитию и расширению своего художественно-эстетического опыта. В работе со студентами-музыкантами сегодня существует достаточно широкий спектр проектной деятельности: производство разнообразных шоу-программ, концертов, фестивалей, конкурсов, авторских вечеров, производство аудио и видеопродукции и др.

Музыкальные фестивали – это публичное действие, готовый рекламный продукт, с помощью которого можно формировать имидж института, города, региона и т. п.; привлекать внимание к проблемам общества; формировать культурные потребности посетителей фестивалей. Дополнительные возможности музыкальных фестивалей:

- запись концерта на аудио- и видео носители;
- выпуск аудио- и видеопродукции с записями прошедших мероприятий;
- продвижение молодых исполнителей (студентов-музыкантов);
- присвоение различных званий участникам в целях рекламы самого фестиваля и оценки профессиональных умений.

В настоящее время содержание образования учащейся молодежи не должно ограничиваться узкоспецифическими требованиями, ориентированными на конкретные программы и методики. Оно должно быть разносторонним, достаточным для формирования эрудиции, широкого художественного кругозора. Отсюда следует, что соответствующие способы и средства проектной художественно-творческой деятельности в условиях освоения арт-менеджмента являются важным фактором обогащения художественно-творческого опыта и развития профессионально-значимых качеств эстрадных вокалистов.

Выводы

1. Эффективность развития профессиональных качеств будущих эстрадных вокалистов наиболее раскрывается в условиях социокультурной среды, в которой процесс восприятия дополняется опытом практической деятельности студентов.
2. Опора на технологии арт-менеджмента позволяет выстраивать образовательный процесс на принципах учета

индивидуальных особенностей студентов, актуализации их личностного эмоционального опыта и вовлеченности в образовательный процесс при освоении национально-культурных традиций Китая и расширения эмоционально-образного восприятия произведений искусства.

3. Реализация инновационных технологий арт-менеджмента в подготовке эстрадных вокалистов способствует расширению опыта музыкально-исполнительской деятельности студентов из Китая, что требует нестандартных решений в разработке аудиторных (лекционных, семинарских, практических) занятий со студентами. В этой связи применение технологий арт-менеджмента способствует формированию особой социокультурной среды, сквозь призму которой глубже осознаются профессионально значимые качества эстрадного вокалиста в процессе разработки музыкальных проектов и реализации концертно-исполнительской деятельности.

Список литературы

1. Алексеева Л. Л., Беккерман П. Б., Вязников А. В. Эстрадная песня в современном образовательном пространстве // Сибирский учитель. 2020. № 5 (132). С. 94–99.
2. Астафьева Л. С. Социокультурная среда как условие успешной адаптации иностранных студентов в многонациональном вузе // Личность в межкультурном пространстве: материалы III международной конференции к 100-летию социальной психологии, 20–21 ноября 2008 г., Москва, Российский университет дружбы народов // Под ред. А. И. Крупнова, З. Н. Новиковой. Ч. 2. Москва: РУДН, 2008. 391 с.
3. Бережная М. С., Никитин О. Д., Фузейникова И. Н. и др. Критерии социокультурной адаптации личности в педагогической практике // Социокультурная адаптация личности в процессе гуманитарного образования. Москва: Институт художественного образования Российской академии образования, 2011. 260 с.
4. Ван Сыци. История китайской современной эстрадной музыки. Пекин: Издательство «СанЛень», 2020. 119 с.
5. Гемаддиев Д. И. Организация персональной образовательной среды обучающимся эстрадному вокалу // Музыкальное искусство и образование. 2023. Т. 11. № 2. С. 161–175.
6. Жевагина С. А., Щербакова А. И. Эстрадный вокал в современном пространстве культуры // Культура, искусство, образование в информационном пространстве третьего тысячелетия: проблемы

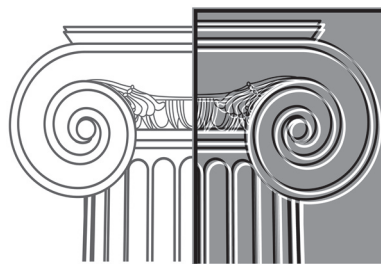

и перспективы: Сборник научных трудов. Факультет искусств и социокультурной деятельности РГСУ. Москва: Российский государственный социальный университет, 2015. С. 103–105.

7. Коваль Л. М. Интегрированный подход к обучению эстрадных певцов: автореф. дис. ... канд. пед. наук; 13.00.02. Москва, 2013. 29 с.
8. Командышко Е. Ф. Арт-менеджмент: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2023. 249 с.
9. Костылев С. В., Викторук Е. Н. Этика и аксиология арт-менеджмента в сфере культуры и искусства. Теория, методология, практика: монография. Москва: РУСАЙНС, 2020. 172 с.
10. Линь Чжефу. Популярная музыка Китая в контексте социокультурных процессов современности // Теория и история искусства. 2022. № 2 (85). С. 35–43.
11. Попова М. В. Формирование личностных качеств студентов-вокалистов в вузах культуры и искусств: дис. ... канд. пед. наук; 13.00.08. Москва, 2010. 242 с.
12. Ю Цзинбо. Краткая история китайской эстрадной музыки. Китай: Шанхайское Музыкальное Издательство, 2015. 163с.
13. Юе Чэнсэнь. Особенности становления эстрадного песенного искусства в Китае (период Гонконга и Тайваня) // Искусство. Педагогика. Культура: сборник научных и научно-методических статей. Вып. 8. Санкт-Петербург: Издательство «НИЦ АРТ», 2024. С. 170–174.

*

Поступила в редакцию 20.06.2024

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ,
БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ
И КНИГОВЕДЕНИЕ

И НФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЕДИНОМ ЭЛЕКТРОННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 37.03

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-157-171>

Н. И. Гендина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: cmik@mgik.org

Е. В. Косолапова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: cmik@mgik.org

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: rektor@mgik.org

Аннотация. Дается характеристика понятия «информационная подготовка». Раскрывается концепция информационной культуры личности. Характеризуется модель учебного курса «Основы информационной культуры личности» для различных категорий обучаемых. Анализируются понятия «цифровое поколение» и «поколение Z». Приводятся результаты исследования ментальных и поведенческих особенностей, ценностей и установок цифрового поколения, сформированных под воздействием процесса глобализации, развития информационных технологий, мобильной связи и Ин-

ГЕНДИНА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор центра междисциплинарных исследований культуры, Московский государственный институт культуры

КОСОЛАПОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, заместитель директора центра междисциплинарных исследований культуры, Московский государственный институт культуры

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Московского государственного института культуры

GENDINA NATALIA IVANOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Science of Russian Federation, Director of Center for Interdisciplinary Cultural Research, Moscow State Institute of Culture

KOSOLAPOVA ELENA VITALIEVNA – CSc in Pedagogy, deputy director of Center for Interdisciplinary Cultural Research, Moscow State Institute of Culture

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Honorary Worker of Culture of Russian Federation, Rector of the Moscow State Institute of Culture

© Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Кудрина Е. Л., 2024

тернета. Отмечается, что информационной подготовкой человека в России традиционно занимаются – наряду с семьей – образовательные учреждения (школы, колледжи, университеты) и библиотеки. Характеризуется использование современных интернет-платформ, веб-сервисов и электронных ресурсов в различных сферах жизни современного человека. Показывается влияние изменений современного информационного пространства и появления «цифрового поколения» на содержание вузовской учебной дисциплины «Информационная культура личности».

Ключевые слова: информационная подготовка, информационная культура личности, информационное мировоззрение, цифровое поколение, поколение Z, Московский государственный институт культуры, информационное пространство, библиотеки, образовательные учреждения.

Для цитирования: Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Кудрина Е. Л. Информационная культура цифрового поколения в контексте деятельности библиотек и образовательных учреждений в едином электронном информационном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 157–171. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-157-171>

INFORMATION CULTURE OF THE DIGITAL GENERATION IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF LIBRARIES AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN A SINGLE ELECTRONIC INFORMATION SPACE

Natalia I. Gendina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: cmik@mgik.org

Elena V. Kosolapova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: cmik@mgik.org

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: rektor@mgik.org

Abstract. The characteristic of the concept of "information training" is given. The conception of the information culture of the individual is revealed. The model of the training course "Basics of the personal information culture" for various categories of students is characterized. The concepts of "digital generation" and "generation Z" are analyzed. The results of the study of mental and behavioral characteristics, values and attitudes of the digital generation, formed under the influence of the globalization process, the development of information technology, mobile communications and the Internet are presented. It is noted that in Russia, information training of a person is traditionally carried out by educational institutions (schools, colleges, universities) and libraries, along with the family. The use of modern Internet platforms, web services and electronic resources in various spheres of life of a modern person is characterized. The influence of changes in the modern information space and the emergence of the "digital generation" on the content of the university academic discipline "Personal Information Culture" is shown.

Keywords: information training, information culture of the individual, information worldview, digital generation, generation Z, Moscow State Institute of Culture, information space, libraries, educational institutions.

For citation: Gendina N. I. Kosolapova E. V., Kudrina E. L. Information culture of the digital generation in the context of the activities of libraries and educational institutions in a single electronic information space. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 157–171. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-157-171>

Ни один вид деятельности современного человека не возможен без умений работать с информацией. «Работа с информацией», «информационная подготовка человека» – эти понятия стали особенно актуальными в эпоху цифровизации и ускоренного роста потоков информации, в которые вынуждены ежедневно погружаться люди. Известно, что чем больше информации производится в мире, тем сложнее в ней ориентироваться, тем труднее найти действительно полезную, достоверную информацию. Для системы образования ситуация усугубляется еще и тем, что в потоке поступающих сообщений наряду с информацией может содержаться дезинформация, ложные сведения и антинаучные данные. Легкость и скорость нахождения информации в Интернете вовсе не гарантирует ее надежность и качество. Следовательно, современный человек должен быть способен осмысленно работать с информацией, уметь не только ее находить, но и анализировать, подвергать критической оценке, перерабатывать, отделяя важную информацию от бесполезной или ложной.

Цели данной статьи:

- раскрыть потери и приобретения, характеризующие информационную культуру цифрового поколения, появившегося в условиях глобализации, развития информационных технологий, мобильной связи и Интернета;
- показать соотношение стабильности и изменчивости вузовского курса «Информационная культура личности»;
- сформулировать рекомендации для педагогов и библиотекарей, занимающихся формированием информационной культуры цифрового поколения.

Понятие «информационная подготовка», на первый взгляд, интуитивно ясное, тем не менее, не имеет четкого определения. Причины «размытости» и неопределенности границ этого понятия связаны, прежде всего, с многообразием видов информации (текстовая, нотная, картографическая, аудиовизуальная, машиночитаемая и т. д.), множественностью источников информации (статья, книга, патент, кинофильм, телепередача, веб-сайт и т. д.), разнообразием техники и технологий тиражирования, обработки и передачи информации – от гусиного пера, печатного станка Гуттенберга до электронных носителей типа флеш-карты, электронной книги и Интернета. В соответствии с эволюцией видов, носителей и источников информации, сообразно развитию информационной техники и технологий менялась и информационная подготовка людей в различные исторические периоды, что находило отражение в терминологии.

Информационной подготовкой человека в России традиционно занимались – наряду с семьей – такие социальные институты, как образовательные учреждения (школы, колледжи, университеты) и библиотеки. В библиотеках всегда учили навыкам разыскания источников информации и пользования ими, в образовательных учреждениях – приемам извлечения, осмысления и интерпретации информации. В условиях развития цифровых технологий и становления единого электронного информационного пространства и для библиотек, и для образовательных учреждений становится важным обеспечение нового уровня информационной подготовки обучаемых (пользователей).

Если в обобщенном виде попытаться очертить границы понятия «информационная

Базовый термин	Производные термины
Грамотность	Библиотечно-библиографическая, читательская, информационная, медийная, медийно-информационная, компьютерная, цифровая, сетевая, интернет-грамотность
Компетентность	Библиотечно-библиографическая, информационная, медийная, компьютерная, цифровая, сетевая, компетентность в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), интернет-компетентность
Культура	Библиотечно-библиографическая, информационная, медиакультура, электронная, цифровая, интернет-культура, сетевая, культура информационной безопасности, киберкультура, культура чтения

Таблица 1. Термины, отражающие объем понятия «информационная подготовка»

подготовка», то их условно можно представить с помощью трех базовых терминов: «грамотность», «культура» и «компетентность», а также производных на их основе терминов, отражающих отдельные направления (виды) информационной подготовки.

Следует заметить, что избранные для анализа базовые термины характеризуют понятия разного логического объема. Любая грамотность – это всегда лишь некие элементарные, первичные, основные знания и умения. Компетентность – это реальная способность, готовность личности к выполнению какой-либо деятельности на основе жизненного опыта и приобретенных знаний, умений, навыков. Культура – это наиболее широкое и емкое понятие среди сравниваемых. Культура характеризует сферу духовной жизни людей и, как известно, включает в себя не только предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства), но и нормы морали и права, а также – человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей [6].

Именно значительная емкость, богатство содержания базового понятия «культура» способствовало появлению видового, образованного на его основе понятия «информационная культура личности».

Нами была предложена следующая дефиниция понятия «информационная культура личности». Информационная культура лично-

сти – одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также – социальной защищенности личности в информационном обществе [1].

Согласно этому определению информационная культура личности предполагает включение в свой состав не только всех разновидностей грамотности и компетентности, перечисленных в таблице 1, но и такого важного компонента, как информационное мировоззрение.

Данное определение легло в основу разработанной нами концепции и технологии формирования информационной культуры личности, включающей интерпретацию функций информационной культуры личности (коммуникативной, адаптационной, аксиологической, развивающей, превентивной), обоснование общеметодологических принципов информационной подготовки граждан (культурологический, системный, деятельностный и технологический подходы) и модель учебного курса «Основы информационной культуры личности», которая состоит из инвариантной и вариативных частей для различных категорий обучаемых. Подробное описание концепции приводится в [1].

Практическая реализация концепции формирования информационной культуры личности была реализована нами на протяжении более чем трех десятилетий применительно к различным категориям обучаемых – школьников [5], студентов, [3], музеологов [2], библиотечно-информационных специалистов [4].

Независимо от категории обучаемых в данном учебном курсе акцент делается на интеллектуальной составляющей работы с информацией в условиях Интернет-среды. Учебный курс «Информационная культура личности» формирует метазнания и метаумения – общеучебные и междисциплинарные (надпредметные) познавательные умения и навыки. К ним относятся, прежде всего, информационно-логические навыки: анализ, синтез, классификация, обобщение, систематизация, интерпретация, оценка, аргументация, умение сворачивать и разворачивать информацию. При этом особое внимание уделяется реализации этих метаумений в условиях электронной информационной среды и активного использования информационно-коммуникационных технологий.

Формирование метаумений направлено на развитие критического и творческого мышления, способности личности не принимать на веру любую полученную информацию, подвергать ее логической оценке и анализу, находить новые самостоятельные решения для нестандартных ситуаций, комбинировать известные способы деятельности с новыми.

Особое внимание в учебном пособии, рассчитанном на студентов вузов культуры и искусств [3], уделяется тезису о неразрывной связи информации и творчества. Для успешной самореализации выпускника вуза культуры принципиально важно понимание информационной природы творчества и креативности. Создание нового, оригинального в культуре и искусстве невозможно без «погружения» человека-творца в потоки текстовой, звуковой, визуальной, аудиовизуальной, мультимедийной информации, созданной как

предшественниками, так и современниками. При этом принципиально важен самостоятельный, то есть не поручаемый другим лицам, поиск информации и личностная интерпретация получаемых сведений, что и составляет сущность творчества. Без постоянной «информационной подпитки» трудно ожидать творческих озарений и прорывов в любом виде искусства, в социально-культурной деятельности и т. д. Кроме того, без профессионального чтения, критической оценки и переработки информации, получаемой из различных источников, включая профессиональное общение, невозможно формирование психологической и интеллектуальной смелости, независимости, необходимых для творческой и креативной деятельности.

Таким образом, формирование метаумений и метаумений специалиста в рамках вузовского учебного курса «Информационная культура личности» направлено на развитие профессионального мастерства и возможность быстрой адаптации в условиях динамично меняющегося мира, частой смены производственных и социальных технологий. В этом тезисе принципиально важной является мысль о динамичности происходящих перемен, связанных с существенным изменением того информационного пространства, в котором пребывает современный человек, и появлением так называемого «цифрового поколения». Именно эти два фактора диктуют необходимость изменения как содержания, так и методик информационной подготовки обучаемых в вузе.

Согласно «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» под информационным пространством понимается «совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры» [8]. Проявлением кардинальных изменений современного информационного пространства может служить появление интернет-платформ, веб-сервисов,

мобильных приложений. Поскольку в толковании этих понятий пока еще нет однозначности, дадим их определения.

Интернет-платформа – это электронный ресурс, который позволяет пользователям выполнять различные действия и операции в интернете. Одна платформа может содержать в себе несколько сервисов. Платформа может содержать в себе веб-сайт, базы данных, модули обработки данных, рабочее место оператора, мобильное веб-приложение. Типичным примером интернет-платформ могут служить маркет-плейсы. Маркет-плейс – это интернет-ресурс, предназначенный для продажи товаров в интернете. Он отличается от обычного интернет-магазина тем, что на нем торгует не один, а множество продавцов.

Веб-сайт, как известно, это набор веб-страниц, объединенных в одно целое общей тематикой, оформлением и электронным адресом. Заметим, что в настоящее время под сайтом чаще всего понимают один из видов электронных ресурсов, для которых характерно доминирование информационной функции. Несмотря на то, что наряду с предоставлением информации на веб-сайте могут предоставляться различные услуги и сервисы, тем не менее, функция интерактивности для сайтов не является ведущей.

Веб-сервис – это программный модуль, выполняющий какую-либо услугу для пользователя при помощи веб-сайта или мобильного приложения.

Мобильное приложение – это программное обеспечение, функционал и интерфейс которого оптимизированы под мобильные устройства (смартфоны, планшеты и др.).

Понятия «веб-сайт», «веб-сервис» и «интернет-платформа» часто пересекаются по смыслу и используются как взаимозаменяемые. Так, например, интернет-магазин может быть назван и веб-сайтом, и веб-сервисом, и интернет платформой. Веб-сайтом его можно назвать, потому что он представляет собой набор веб-страниц, с помощью которых пользователи могут просматривать и приобретать товары или услуги. Веб-сер-

висом он может считаться, если включает в себя услуги обработки платежей, логистики, доставки. Интернет-платформой интернет-магазин может быть назван в том случае, если он является маркет-плейсом, то есть предоставляет возможности для других продавцов размещать свои товары и услуги.

За изменением современного информационного пространства стоит ситуация, когда современный человек может с помощью персонального компьютера, смартфона или планшета решить широкий круг жизненно важных задач, не выходя из дома, вагона поезда или салона автомобиля: в любом месте, в любое время получить в свое распоряжение богатый ассортимент ранее недоступных продуктов или услуг. Иллюстрацией такого широкого проникновения новых электронных ресурсов, веб-сайтов, интернет-платформ и веб-сервисов во все сферы жизни современного человека могут служить данные, приведенные в таблице 2.

Разумеется, приведенные в таблице 2 сведения не носят исчерпывающий характер, они постоянно изменяются и обновляются в соответствии с изменением информационно-коммуникационных технологий. Тем не менее, интенсивность и динамика этих изменений такова, что следствием трансформации информационного пространства явилось появление так называемого цифрового поколения, то есть появление людей, чье жизненное становление и социализация происходят в условиях цифровой среды и активного развития интернет-сервисов. В частности, в вузы пришло цифровое поколение, обладающее специфическими ментальными и поведенческими характеристиками, значительно отличающимися от предыдущих поколений. Анализ этих ментальных и поведенческих характеристик цифрового поколения позволяет, как будет показано ниже, выявить сильные и слабые стороны в информационной культуре цифрового поколения, а также определить соотношение постоянных (стабильных) и изменяемых компонентов при организации вузовского учебного курса «Информационная культура личности».

Сферы жизни	Интернет-платформы, веб-сервисы, электронные ресурсы
Образование (учеба)	Интернет-платформы для образования (например, «Skillbox», «Нетология», «GeekBrains») Электронные библиотечные системы Электронные библиотеки
Работа	Интернет-платформы для заработка в сети: – интернет-площадки для поиска постоянной работы – биржи фриланса – биржи аутсорсинга – биржи исполнителей любых заданий простыми пользователями Интернет-платформы и веб-сервисы, применяемые в профессиональной деятельности Нейросети для написания текстов, генерирования изображений, разработки дизайна
Финансы	Интернет-банкинг Электронные платежные системы Электронные кошельки Блокчейн-кошельки Сервисы бесконтактного платежа
Здоровье	Веб-сервисы онлайн-записи к врачу в поликлинике Веб-сервисы онлайн-записи для сдачи анализов на дому Онлайн-платформы для медицинского консультирования Онлайн-платформы психологической помощи
Питание	Сервисы доставки продуктов и готовой еды Кейтеринг Сервисы подписки на ежедневную доставку еды или наборов продуктов и специй для готовки с рецептами Онлайн-консультации диетологов, нутрициологов
Деловые поездки и путешествия	Веб-сервисы бронирования и онлайн-покупки авиа и железнодорожных билетов, отелей, туров, экскурсий и т. д. Веб-сервисы шеринга (аренды) транспорта: каршеринг (автомобили), кикшеринг (самокаты, сигвеи, гироскутеры, моноколеса), байкшеринг (велосипед, скутер, мотоцикл), яхтшеринг
Культура и искусство	Виртуальные музеи Виртуальные концертные залы Электронные библиотеки Веб-сервисы бронирования и онлайн-покупки билетов в музеи, театры, концертные залы, кинотеатры
Развлечения	Онлайн-кинотеатры и стриминговые сервисы Интернет-телевидение Компьютерные игры Мобильные игры Сетевые игры Облачный гейминг
Дом / Быт	Системы «умный дом» Маркет-плейсы Веб-сервис заказа клининга
Творчество	VR, AR, приложения для компьютерной графики, написания музыки на компьютере, фоторетуши, видеомонтажа Веб-сервисы для создания мемов, эмодзи-конов Нейросети для создания изображений, музыки, песен, стихов, прозы
Общение	Социальные сети Интернет-платформы для блогинга Видеохостинги Веб-сервисы для создания и просмотра коротких видео Веб-сервисы для создания подкастов Чаты Веб-сервисы видеоконференцсвязи

Сферы жизни	Интернет-платформы, веб-сервисы, электронные ресурсы
Спорт	Интернет-платформы для киберспорта Интернет-платформы интерактивного стриминга киберспортивных мероприятий Сервисы отслеживания физических показателей спортсменов и любителей – пульса, веса, индекса массы тела, соотношения мышц и жира в организме, костной массы организма Фитнес-тренажеры Мобильные приложения для занятий спортом, тренировок по подписке
Общественная деятельность, гражданская активность	Интернет-платформы волонтерства Интернет-платформы для пожертвований Интернет-платформа для создания и подписания петиций
Безопасность	Системы видеонаблюдения Веб-сервисы онлайн-трансляций с камер города Системы распознавания лиц, объектов, транспорта с использованием нейросетей Интернет-сервисы «Кто звонил» Боты-автоответчики

Таблица 2. Использование интернет-платформ, веб-сервисов и электронных ресурсов в различных сферах жизни современного человека

Цифровое поколение (сетевое поколение, цифровые аборигены, Digital Native, поколения Y и Z) – собирательный, условный термин, характеризующий людей, появившихся на свет в период с 1995 по 2024 год, в период цифровой революции, с самого своего рождения находящихся в среде цифровых технологий.

К цифровому поколению относят людей, с рождения использующих цифровые технологии в повседневной жизни [10]. Взросление и социализация представителей этого поколения происходит в условиях стремительного внедрения цифровых технологий во все сферы жизни современного человека – в досуг, быт, учебу, работу; они интегрированы в цифровое общество с рождения, поэтому им присуще мировоззрение, отличающееся от взглядов старших поколений. Это «цифровые с рождения», поколение, выросшее в окружении гаджетов, разнообразных технических устройств, которые становятся все мощнее и компактнее. Для того, чтобы показать различие между людьми, родившимися в период появления и развития цифровых и компьютерных технологий, и теми, кто далек от этих технологических новшеств, американский педагог М. Пренски (M. Prensky) ввел в 2001 году термины «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты» [15]. В 2009 году М. Пренски предложил новые тер-

мины: *homo sapiens digital*, или *human digital* – «цифровой человек», то есть человек, для которого цифровые технологии являются неотъемлемой частью жизни в самых различных сферах. При этом «цифровой человек» может принадлежать как к цифровым аборигенам, так и быть хорошо адаптировавшимся цифровым иммигрантом [17]. В 2010 году исследователь опубликовал книгу, посвященную особенностям обучения «цифровых аборигенов» [16]. В работах М. Пренски были подмечены важные особенности восприятия и обработки данных цифровым поколением, включая развитие «клипового мышления», при котором человек воспринимает информацию фрагментарно, короткими порциями, не может сосредоточиться и склонен постоянно переключать внимание с одного на другое, затрудняется читать большие тексты.

Все эти проблемы связаны с познавательными или когнитивными способностями человека, изучением которых занимается когнитивная психология. Спектр вопросов чрезвычайно широк и охватывает весь диапазон психических процессов: ощущение, восприятие, распознавание образов, внимание, обучение, память, формирование понятий, мышление, язык, эмоции и процессы развития. А также и то, как люди получают

информацию о мире, как она представляется человеком, хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на его внимание и поведение [11].

В российской педагогике и психологии проблеме развития когнитивных способностей цифрового поколения уделяется серьезное внимание. Среди научных публикаций, посвященных этой теме, следует назвать работу И. В. Роберт, видного специалиста в области дидактики периода цифровых технологий, академика Российской академии образования [9]. В ее статье сформулированы риски развития когнитивных способностей обучаемых, вызванные технологизацией и цифровизацией, массовой сетевой коммуникацией сферы образования. К их числу И. В. Роберт относит следующие угрозы:

1. Развитие «транзитивного типа памяти», или «эффекта Гугл», заключающегося в том, что приоритетным для обучаемых становится запоминание не содержания информации, а пути (или алгоритма) ее нахождения в поисковой системе. При этом у индивидуума ослабляется возможность дискурсивного (рассуждающего) мышления, что может привести к примитивизации восприятия им объектов или процессов окружающей реальной действительности, а также – к неспособности концентрировать внимание на вычленении существенных признаков отбираемой информации.
2. Преобладание визуально представленных компонентов информации по сравнению с ее содержательной составляющей, что снижает уровень понимания обучаемым содержания материала, но «тренирует» и усиливает его визуальное восприятие. В результате возникает «контентная слепота» пользователя – затруднение и даже невозможность осознания обучаемым целевого, структурно-содержательного, морально-ценностного компонентов информации.

3. Развитие «клипово-комиксного восприятия информации». В этом случае дискурсивное (рассуждающее) мышление обучаемого замещается констатирующим, что ведет к примитивизации не только содержательных аспектов рассматриваемых на экране объектов или процессов, отражающих окружающую реальную действительность, но и к непониманию содержательной составляющей информации.
4. Бессистемное восприятие данных, отсутствие способности анализировать, выявлять структурные связи в содержании материала. Следствием этого является замедление реакции на понимание содержания рассматриваемых сведений.

Обстоятельный анализ современных психолого-педагогических исследований проблемы когнитивных способностей цифрового поколения содержится также в работах В. Д. Нечаева и Е. Е. Дурневой [7], С. А. Шейпак [14]. Кроме дискуссий о трудностях, связанных с цифровым поколением в целом, в обществе оживленно обсуждается вопрос о периодизации и типах цифрового поколения, в частности, особый интерес в настоящее время вызывает поколение Z.

К поколению Z принято относить людей 2003–2024 годов рождения – первое цифровое поколение, чье взросление и социализация неотрывны от цифровых технологий. Представителей поколения Z также называют «зеты», «хоумлендеры», «зумеры», «центениалы», «зелениалы». Именно это поколение в настоящее время не только учится в колледжах и вузах, но и выходит на работу. Работодатели, педагоги, менеджеры по персоналу, маркетологи сталкиваются с новым и непривычным для них мировоззрением современной молодежи. Об остроте проблемы свидетельствует приведенная ниже небольшая подборка заголовков публикаций в интернете:

- «Как понять поколение Z?» (Информационное агентство «Тасс»: <https://tass.ru/>).

- «Как ужиться с поколением Z?» (Сообщество IT-специалистов «Хабр»: <https://habr.com/>).
- «Поколение Z: как его учить?» (Образовательный блог издательства «Лань»: <https://lala.lanbook.com/>).

Вопросы, вынесенные в заголовки этих публикаций, свидетельствуют об острой потребности практики в постижении особенностей поколения Z. С этой целью Сбербанком совместно с агентством *Validata* в 2016 году было проведено масштабное социологическое исследование, направленное на выявление установок и ценностей, фрустраций и страхов, ожиданий от будущего, самовосприятия и других характеристик поколения Z. Результаты этой работы представлены на официальном сайте Сбербанка [13].

С нашей точки зрения, в данном исследовании наиболее важными являются три параметра, отражающие отличительные особенности поколения Z:

- обработка информации: «родились с кнопкой на пальце»; воспринимают краткую и наглядную информацию, представленную мелкими порциями, в виде иконок, смайликов и картинок, которые часто заменяют текст; характерно быстрое переключение внимания: средний период концентрации внимания людей поколения Z на одном объекте – 8 секунд;
- отношения со взрослыми: взрослые не являются безусловным авторитетом, отсутствует пиетет к старшим;
- самовосприятие: уверенность в собственной исключительности и уникальности.

Результаты проведенного нами анализа публикаций дают основания согласиться и полностью поддержать вывод исследования об особенностях обучения поколения Z, который делает Н. В. Тамарская: «На данный момент педагогическая практика имеет дело с субъектом образовательного процесса, существенно отличающимся от всех предыдущих. Очевидно, что и подходы к обучению

поколения Z должны учитывать его особенности и адаптироваться к нему» [12].

Обоснованность тех черт поколения Z, которые выявлены в теоретических и эмпирических исследованиях, подтверждается результатами нашей педагогической деятельности при проведении лекционных и практических занятий по курсу «Информационная культура личности» со студентами четырех факультетов Московского государственного института культуры – библиотечно-информационного факультета, факультета государственной культурной политики, факультета музыкального искусства, хореографического факультета.

Проведенный анализ научных публикаций, а также опыт внедрения учебного курса «Информационная культура личности» в Московском государственном институте культуры в 2022–2024 учебных годах позволили выявить сильные и слабые стороны, достоинства и ограничения, характеризующие информационную культуру цифрового поколения, в частности, поколения Z.

К позитивным свойствам («приобретения»), присущим информационной культуре цифрового поколения, на наш взгляд, могут быть отнесены следующие:

- способность эффективно использовать мобильные устройства для решения любых задач учебной, профессиональной, обыденной жизни, досуга;
- готовность к работе в условиях цифровой экономики: более 70% зумеров предпочитают удаленный формат работы;
- стремление реализовать принцип *lifelong learning* и готовность к саморазвитию в нескольких областях одновременно;
- открытость и адаптивность к любой информации, ко всем технологическим инновациям, высокая обучаемость в сфере цифровых технологий;
- способность быстро добывать сведения из интернета, легко находить информацию и ориентироваться в социальных медиа;

- готовность оказать разные виды помощи в Интернет-среде: поделиться контентом или программными средствами, дать совет, отправить донат и др.;
- многозадачность, то есть способность одновременно выполнять несколько разных дел: одновременно пользоваться гаджетом (возможно, и не одним) и заниматься делом в аналоговом мире;
- способность к избирательному восприятию информации, умение выбрать нужное, не обращая внимания на рекламу, баннеры и всплывающие окна;
- способность интуитивно понимать организацию контента, легко ориентироваться в интерфейсах веб-сайтов, программ, приложений.

К ограничениям («потерям»), характеризующим информационную культуру поколения Z, по нашему мнению, относятся:

- развитие «транзитивного типа памяти», или «эффекта Гугл»: приоритетным становится не запоминание содержания информации, а запоминание пути (или алгоритма) нахождения информации в поисковой системе;
- затруднительность работы с длинными текстами, сложность восприятия больших объемов данных, стремление потреблять информацию маленькими порциями;
- возникновение «контентной слепоты» – затруднения и даже невозможность осознания обучаемым целевого, структурно-содержательного, морально-ценностного компонентов информации при ее восприятии;
- неспособность к глубокому погружению в изучаемый материал, поверхностность восприятия (как обратная сторона многозадачности), убеждение, что в интернете намного больше интересной и полезной информации, чем в скучных учебниках;

- сканирующий характер чтения, тенденция считать лишь заголовки материалов, не всегда точно отражающих смысл;
- ориентация на потребление информации в форме видео, картинок, заменяющих текст, следствием чего является снижение уровня абстрактного мышления;
- снижение концентрации внимания: средний период удержания внимания на одном объекте – 8 секунд;
- сложность самостоятельного управления объемом потребляемой информации, отсутствие волевых качеств, позволяющих прекратить бессмысленное поглощение постов из социальных медиа;
- избыточное доверие рекомендациям инфлюенсеров, убежденность в правдивости сообщений из пабликов, телеграм-каналов и т. п. Слабая способность воспринимать информацию критически;
- иллюзорность представлений об архаичности соблюдения традиционных правил уважительного отношения к чужой интеллектуальной собственности, необходимости корректного использования информации.

Анализ воздействия двух взаимосвязанных факторов (изменение информационного пространства, в котором пребывает современный человек, и появление цифрового поколения) на содержание и методику обучения основам информационной культуры личности дает возможность выделить то неизменяющееся «ядро» учебного курса «Информационная культура личности», которое остается постоянным, несмотря на происходящие динамичные изменения.

Стабильность данного учебного курса проявляется в следующем:

1. Неизменность использования сочетания методологических принципов (культурологического, системного, деятельностного, технологического подходов), обеспечиваю-

щих целостность и интегративный характер содержания курса. Так, культурологический подход позволяет обеспечить осознание глубокого взаимодействия категорий «информация» и «культура», формирование представления о том, что информационная культура личности есть неотъемлемая часть общей культуры человека; дает возможность формировать ценностные ориентации личности по отношению к информации как элементу культуры, препятствует дегуманизации и замене духовных ценностей достижениями, вызванными к жизни научно-техническим прогрессом и беспрецедентным ростом и развитием новых информационных технологий в информационном обществе.

Системный подход позволяет обеспечить целостное представление о феноменах информации, цифровизации, информационного общества, информационной культуры и на этой основе сформировать единую информационную картину мира. Реализация системного подхода в информационном образовании направлена на интеграцию традиционной (книжной) и новой (электронной) культуры.

Деятельностный подход позволяет связать содержание учебного курса с доминирующим видом деятельности: учебная, научно-исследовательская, досуговая, творческая и др. Основные разделы учебного курса обеспечивают решение тех информационных задач, которые необходимы для плодотворной учебной, научно-исследовательской, творческой деятельности обучающихся в целях интеллектуального, духовно-нравственного и творческого развития студентов институтов культуры.

Технологический подход предусматривает точное инструментальное управление учебным процессом и гарантированное достижение поставленных учебных целей. Он преследует цель научить обучающихся создавать с помощью персонального компьютера и информационно-коммуникационных технологий новые информационные продукты и творчески их использовать. Под информа-

ционным продуктом понимается результат интеллектуальной деятельности человека по созданию новой или смысловой переработке имеющейся информации, представленный в форме документа.

2. Неизменность структуры курса, включающего четыре раздела:

- Раздел I. Информационные ресурсы общества и информационная культура.
- Раздел II. Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения.
- Раздел III. Аналитико-синтетическая переработка источников информации.
- Раздел IV. Технология подготовки информационных продуктов.

3. Несменяемость тематического ядра курса, которое включает обязательный структурно-семантический анализ формулировки информационного запроса до проведения поиска информации, алгоритмы различных видов поиска (адресный, фактографический, тематический), основные виды аналитико-синтетической переработки информации, критический анализ информации, технологии подготовки информационных продуктов. Окружающая человека информационная среда кардинально изменилась: практически все виды информации обрели цифровую форму представления, все виды информационного поиска ведутся преимущественно в электронной информационной среде, а сам человек получил в свое распоряжение колоссальные возможности компьютерной обработки данных. Несмотря на это в содержании курса неизменными остаются темы, связанные с семантическим анализом информации и ее критической оценкой.

4. Постоянство сочетания инвариантного и вариативного компонентов курса. Перечисленные выше четыре раздела являются неизменными и составляют инвариантную часть курса. Она является обязательной для любой категории обучающихся (школьники, студенты, специалисты, люди «третьего возраста» и т. д.). Вариативная, меняющаяся в зависимости от категории обучающихся, часть курса

«Информационная культура личности» учитывает возраст, характер деятельности (учеба, работа), профиль и уровень подготовки, отраслевую специализацию, уровень информационной культуры, информационные потребности и другие факторы. Назначение этой части учебного курса – профилирование, адаптация содержания обучения применительно к тем жизненно важным задачам, которые стоят перед обучаемыми.

Вместе с тем, как и любая другая учебная дисциплина, курс «Информационная культура личности» подвержен изменениям. Эти изменения находят свое выражение в следующем:

- появление новых тем, связанных с технико-технологической составляющей учебного курса, обусловленных рождением принципиально новых технологий (нейросети, VR, AR, веб-сервисы и т. д.), необходимостью противодействия угрозам и рискам технического характера (фишинга, распространения вирусов, взлома аккаунтов, личных страниц, сайтов и т. п.);
- появление новых тем, связанных с духовно-нравственной и мировоззренческой составляющей учебного курса: формирование навыков распознавания и критического анализа деструктивного контента, необходимость обеспечения информационной безопасности личности путем противодействия распространению антиобщественной социально опасной информации; потребность в становлении и развитии информационной этики; выработка правил этичного поведения в сети; непримиримость к плагиату и некорректному заимствованию;
- изменение методик обучения, обусловленное особенностями психофизиологического развития, ценностных установок и мотивации цифрового поколения: расширение арсенала используемых активных методов обучения (case study, ролевые и деловые игры, квесты, квизы и т. п.).

Проведенное исследование позволило выявить специфические черты цифрового поколения, включая поколение Z, связанные с цифровой трансформацией общества. К типичным признакам, атрибутирующим это поколение, относятся: включенность в цифровую среду, зависимость от цифровых технологий, клиповое мышление, индивидуализм. Сильной стороной поколения Z является многозадачность, уверенное владение цифровыми технологиями, быстрый поиск информации, а слабой – снижение уровня развития некоторых когнитивных способностей: ослабление рассуждающего мышления, затруднительность проведения системного анализа и выявления логических связей в содержании информации, бессистемное восприятие сведений и др.

Результаты проведенного нами исследования адресованы педагогам (учителям, преподавателям), а также библиотекарям, работающим с детьми и молодежью. Знание особенностей цифрового поколения позволяет расширить набор форм и методов работы с обучаемыми в школах, колледжах и вузах и с пользователями – в библиотеках.

При работе с представителями поколения Z педагогам и библиотекарям следует знать о присущих им установках и ценностях:

- уверенность в собственной исключительности;
- отсутствие пиетета к старшим;
- ориентация на гедонизм;
- установка «успех здесь и сейчас»;
- стремление к саморазвитию;
- убежденность в том, что работа должна приносить удовольствие, доход и не отнимать много времени;
- установка на индивидуализм;
- желание публичного признания и похвалы;
- приверженность семейным ценностям.

При обучении представителей поколения Z педагогам и библиотекарям рекомендуется учитывать ожидания и установки этой аудитории относительно форм подачи информации:

- необходимо максимально визуализировать учебный материал: лучше показывать, а не рассказывать;
- желательно представлять информацию малыми порциями, чтобы удерживать внимание обучаемых;
- следует использовать простой неформальный язык, но не пытаться «поддельваться» под сленг;
- не рекомендуется апеллировать к авторитету, возрасту, опыту, традиции и проверенности временем. Взамен следует убеждать, то есть объяснять, обсуждать и приводить аргументы.

Проведенное исследование и опыт реализации учебного курса «Информационная культура личности» позволяют сделать следующие выводы:

1. Курс «Информационная культура личности» не теряет своей актуальности, и опыт его многолетнего внедрения в школах, колледжах и вузах свидетельствует о стабильности структуры и целесообразности сохранения тематического ядра курса, ориентированного на изучение разнообразных информационных ресурсов, освоения алгоритмов поиска информации, семантический анализ и критическую оценку информации, а также – технологию создания информационных продуктов. Вместе с тем цифровая трансформация общества диктует необходимость тематического обновления курса, прежде всего за счет включения такой проблематики, как использование технологий искусственного интеллекта в учебной и будущей профессиональной

деятельности обучаемых, применение возможностей новейших интернет-платформ и веб-сервисов в разных сферах жизни современного человека.

2. Несмотря на высокий уровень технической и технологической грамотности, цифровое поколение демонстрирует дефицит навыков интеллектуальной работы с информацией и отсутствие сформированного информационного мировоззрения.

Наиболее типичными недостатками интеллектуальной деятельности учащихся во время учебного процесса являются: ослабление рассуждающего мышления; неспособность вычленения существенных признаков отбираемой информации; отсутствие навыков проведения логически обоснованной классификации объектов и явлений; бессистемное восприятие материала; отсутствие способности системного анализа, выявления структурных связей в содержании информации.

Отсутствие сформированного информационного мировоззрения проявляется в нарушении норм информационной этики, в частности, правил этичного поведения в сети, в беспринципном отношении к плагиату и нарушению авторских прав, некорректному заимствованию результатов чужого интеллектуального труда.

3. Информационная подготовка цифрового поколения должна строиться с учетом ментальных и поведенческих особенностей, ценностей и установок, сформированных под воздействием процесса глобализации, развития информационных технологий, мобильной связи и Интернета.

Список литературы

1. Гендина Н. И. Информационное образование и информационная культура как фактор безопасности личности в глобальном информационном обществе: возможности образовательных организаций и библиотек: монография. Москва: Литера, 2016. 392 с.
2. Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Родионова Д. Д., Рябцева Л. Н. Информационная культура музеолога: учебник. Кемерово: КемГИК, 2022. 227 с.
3. Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Рябцева Л. Н. Информационная культура личности: технология продуктивной интеллектуальной работы с информацией в условиях интернет-среды. В 2-х томах: учебное пособие для студентов вузов культуры. Кемерово: КемГИК, 2020. Т. 1. 357 с. Т. 2. 309 с.

4. Гендина Н. И., Косолапова Е. В., Рябцева Л. Н. Медийно-информационная грамотность и информационная культура библиотечно-информационных специалистов в условиях цифровой среды : учебное пособие. 2-е изд. Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2024. 470 с.
5. Гендина Н. И., Косолапова Е. В. Основы информационной культуры школьника. В 2 ч.: учебно-методический комплекс для учащихся 8-9 кл. общеобразовательных организаций. Москва: РШБА, 2020. Ч. 1. 272 с. Ч. 2. 312 с.
6. Культура. Современная энциклопедия. 2000. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/25446>
7. Нечаев В. Д., Дурнева Е. Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. 2016. № 1. С. 36–45.
8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203. Москва, 2017. 27 с.
9. Роберт И. В. Дидактика периода цифровой трансформации образования // Мир психологии. 2020. № 3. С. 184–198.
10. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху интернета. Москва: КоЛибри, 2011. 175 с.
11. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. Москва : Тривола, 2002. 600 с.
12. Тамарская Н. В. Особенности подготовки преподавателей университета к обучению поколения Z // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 5. С. 51–57.
13. Тридцать фактов о современной молодежи. Сбербанк. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf
14. Шейнак С. А. Дискурсивные репрезентации "цифрового поколения" и смена парадигмы образования // Современные исследования социальных проблем. 2018. Том 9, № 5. С. 114–138.
15. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Part 1. On the Horizon. Vol. 9 No. 5, October 2001. P. 1–6. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
16. Prensky M. Teaching digital natives: partnering for real learning. New York: Corwin. 2010. 224 p.
17. Prensky M. H. Sapiens digital: from digital immigrants and digital natives to digital wisdom. 2009. *The Wisdom Page: website*. URL: <http://www.wisdompage.com/Prensky01.html>

*

Поступила в редакцию 26.06.2024

ИСТОРИЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 02

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-172-182>

А. М. Мазурицкий

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: mazuram@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся данные об уничтожении книжных фондов библиотек СССР в результате гитлеровской агрессии. Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами перемещенных библиотечных фондов Германии на территорию СССР после окончания Великой Отечественной войны. Рассмотрена деятельность различных организаций, занимающихся решением вопросов отбора немецких книг и их перемещения на территорию нашей страны. Обозначены основные целевые установки перемещения книжных фондов немецких библиотек. Проанализирован процесс использования полученных из Германии книг с точки зрения частичной компенсации книжных утрат страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, библиотеки Германии, перемещенные книжные фонды, компенсация книжных утрат, использование перемещенных книг, госфонд литературы.

Для цитирования: Мазурицкий А. М. История перемещенных библиотечных фондов Германии на территории СССР после окончания Второй мировой войны // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 172–182. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-172-182>

HISTORY OF THE GERMAN LIBRARY COLLECTIONS MOVED TO THE TERRITORY OF THE USSR AFTER THE END OF WORLD WAR II

Alexander M. Mazuritsky

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Moscow State Linguistic University,

МАЗУРИЦКИЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – доктор педагогических наук, доцент, декан библиотечно-информационного факультета, Московский государственный институт культуры; профессор кафедры информационно-аналитической деятельности, Московский государственный лингвистический университет

MAZURITSKY ALEXANDER MIKHAILOVICH – DSc in Pedagogy, Associate Professor, Dean of the Library and Information Faculty, Moscow State Institute of Culture; Professor at the Department of Information and Analytical Activities, Moscow State Linguistic University

© Мазурицкий А. М., 2024

Moscow, Russian Federation,
e-mail: mazuram@yandex.ru

Abstract. The article provides data on the destruction of the book collections of libraries of the USSR as a result of Hitler's aggression. The issues related to the problems of German library collections relocated to the territory of the USSR after the end of the Great Patriotic War are considered. The activities of various organizations dealing with the selection of German books and their transfer to the territory of our country are considered. The main targets for moving the book collections of German libraries are outlined. The process of using books received from Germany is analyzed from the point of view of partial compensation for the country's book losses.

Keywords: The Great Patriotic War, German libraries, displaced book collections, compensation for book losses, use of displaced books, State Literature Fund.

For citation: Mazuritsky A. M. History of the German library collections moved to the territory of the USSR after the end of World War II. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 172–182. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-172-182>

Страшное опустошение принесли фашисты на нашу землю. До сих пор уточняются цифры погибших во время гитлеровского нашествия. До настоящего времени осуществляются корректировки исчисления ущерба, нанесённого нацистами нашей культуре.

2 ноября 1942 года была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Одним из направлений деятельности комиссии являлось установление фактов уничтожения и расхищения отечественных культурных ценностей.

9 сентября 1943 года на заседании ЧГК было создано бюро экспертизы. Задачей бюро являлась оценка разграбленных и уничтоженных гитлеровцами культурных ценностей. Известно, что в качестве экспертов привлекались известные библиотековеды, библиографы и книговеды. С комиссией сотрудничали главный библиотекарь Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина Д. Н. Чаушанский, книговед И. Г. Агальцев, библиограф И. М. Кауфман [6].

ЧГК установила, что нацисты уничтожили и разграбили 84 тыс. школ, техникумов, 334 вуза, 605 научных учреждений с библиотеками, 43 тыс. библиотек. В документах ЧГК приводилась цифра, характеризующая потери массовых библиотек, которая составила бо-

лее 100 млн томов. В некоторых публикациях по этому вопросу приводились данные, что в библиотеках СССР погибло около 200 млн книг [19].

В 1945 году закончилась самая кровавая в истории человечества война. Пятого июня 1945 года, в соответствии с Декларацией о поражении Германии, верховная власть на её территории перешла к правительствам США, СССР, Великобритании и Франции. В соответствии с ранее подписанными документами Союзные державы учредили Контрольный Совет, передав ему верховную власть в делах, затрагивающих Германию в целом.

Контрольный Совет возглавлялся главнокомандующими четырёх Союзных держав, которые на своих заседаниях решали возникающие вопросы.

Постановлением Совнаркома СССР от 6 июня 1945 года была создана Военная Администрация в Советской зоне оккупации (СВАГ). Во главе СВАГ стоял Главноначальствующий, являвшийся Главнокомандующим советскими оккупационными войсками в Германии [20, с. 24].

Для решения важнейших военно-оборонных и народно-хозяйственных задач СССР с целью изучения возможности использования немецких научных разработок, технологий и любой другой ценной информации после окончания войны в Германию

начали выезжать представители различных советских организаций.

В сентябре 1945 года в Германии начало работу представительство АН СССР. Главой представительства был назначен генерал-майор, академик В. И. Кулебакин. Состав Академической группы был распределен по различным направлениям.

В состав библиотечной группы входили Г. Г. Кричевский, Т. О. Вреден-Кобецкий, В. П. Позин, Д. Л. Марголина; с работой группы были связаны профессор С. Н. Замятин, профессор В. Я. Аболтин, канд. филолог. наук А. Н. Болдырев.

Первоначальными задачами представительства Академии наук были следующие:

1. Установление связи с немецкими учебными для использования их в интересах нашего государства.
2. Создание баз АН СССР.
3. Закупка и вывоз оборудования и литературы.

Наряду с этим с мая 1945 года в Германии действовала группа Уполномоченного Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР. На должность Уполномоченного была назначена директор библиотеки иностранной литературы М. И. Рудомино. Задачи группы состояли в следующем:

1. Розыск фондов, вывезенных во время войны из СССР.
2. Выявление и обследование книжных коллекций бывших военных и нацистских учреждений.
3. Изъятие и вывоз в СССР наиболее ценной литературы, необходимой для комплектования библиотек.

Библиотекарей, приехавших из СССР для работы в разных представительствах, широко привлекали к проверке фондов немецких библиотек. В частности, библиотекари из Представительства Комитета по делам культурно-просветительских учреждений знакомились с фондами библиотеки Имперской канцелярии, МВД, Гестапо, осматривали личные библиотеки Геббельса, Риббентропа, Шахта, Руста.

Одной из задач, которые были поставлены перед различными группами библиотечных специалистов, работавших в Германии, была задача просмотра немецких библиотек на предмет целесообразности их использования для восстановления библиотечной системы СССР. К сожалению, определенной и четкой программы здесь не было. Обобщая отчеты разных организаций, можно сделать вывод, что приоритет отдавался старопечатным изданиям, книгам научного характера. Не надо забывать, что на отбор литературы влияли и личные научные интересы специалистов, их принадлежность к тем или иным научным центрам. Специалистов библиотечного дела для просмотра книжных массивов немецких библиотек явно не хватало; особенно остро чувствовалась нехватка знатоков старопечатных изданий.

Значительный объем работы по изучению, отбору и перемещению на территорию Советского Союза книг из Германии выполняла группа Комитета по делам культурно-просветительных учреждений. В её отчетах приводятся сведения о том, что за год работы, с мая 1945 года по май 1946 года, было обследовано 300 библиотек. Был отобран 1 млн книг.

Кроме того, распоряжением СВА Комитету культуры было передано 800 тыс. книг, обнаруженных в шахтах возле г. Магдебург, и часть фондов замковых библиотек.

В отчетах за август – сентябрь 1946 года говорилось об отправке в СССР около 2 млн томов.

Какова же была основная идея, заложенная в процесс перемещения немецких книг с территории Германии? В первую очередь вопрос стоял об их использовании для компенсации наших колоссальных книжных потерь.

Президент АН СССР С. И. Вавилов, обращаясь в СНК СССР, писал: «... ущерб учреждениям АН СССР позволяет просить Правительство СССР обеспечить реституцию принадлежащих Академии и вывезенных оккупантами культурных ценностей. Или заме-

ну их другими равноценными объектами. Это может быть сделано за счет библиотек, архивных, музейных и иных фондов соответствующих германских учреждений». Советские эксперты, отбравшие книги, совершенно искренне верили, что эти фонды хоть в какой-то мере компенсируют потери наших библиотек.

Деятельность советских экспертов, отбирающих немецкие книги, являлась составной частью реализации глобальных политических, экономических и военно-стратегических задач, о которых они порой сами не подозревали. Общую цель можно сформулировать так: не допустить возрождения германского милитаризма любой ценой. Перемещение немецких книг по научным вопросам надо рассматривать как часть программы по ослаблению немецкого научного потенциала. Хотелось бы обратиться для подтверждения этого тезиса к письму руководителя академической группы в Германии академика В. С. Кулебакина на имя главнокомандующего Группой советских оккупационных войск маршала Советского Союза Г. К. Жукова: «Несмотря на полный разгром немецкого фашизма, научный потенциал побежденной Германии всё ещё высок, и по мере восстановления народного хозяйства в этой стране, он, естественно, будет расти и может в дальнейшем послужить источником усовершенствования и создания новых средств войны, базирующихся на последних достижениях науки». Далее в письме давались предложения по ослаблению научного потенциала Германии [1].

Теперь попробуем выяснить, кто же были основные получатели немецких книг? В одной из первых публикаций, посвященных проблемам трофейных культурных ценностей, Е. И. Кузьмин в статье «Тайна церкви в Узком» приводит данные о том, что библиотеки системы культпросвета получили 1 535 234 экземпляров книг, том числе: Библиотека им. В. И. Ленина – 600 тыс., им. М. Е. Салтыкова-Щедрина – 750 тыс., Историческая – 94 720, Политехническая – 42 514, Иностранной литературы – 37 000, Ростовская научная библиотека – 11 000 [18].

Как мы уже отмечали ранее, одним из главных получателей книг из Германии была Академия наук. Ею книги распределялись уже по библиотекам своей системы и научным центрам. Книги направлялись в библиотеки различных ведомств и учреждений. Одним из получателей книг являлся Государственный фонд литературы, занимавшийся восстановлением разрушенных библиотек. Приведем некоторые цифры поставок литературы в Госфонд литературы:

- 10 февраля 1946 г. 31 вагон (3449 ящиков) Берлин – Москва.
- 30 апреля 1946 г. 3 вагона (334 ящика) Берлин – Москва.
- 6 мая 1946 г. 40 вагонов (4725 ящиков) Дрезден – Москва.
- 1 августа 1946 г. 42 вагона (6257 ящиков) Берлин – Ленинград.
- 24 августа 1946 г. 44 вагона (6711 ящиков) Берлин – Москва.

В своем докладе 11 декабря 1994 года на российско-германском «круглом столе», проводившемся во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы, Е. И. Кузьмин привел интересный документ, подписанный М. И. Рудомино. В нём были данные о трофейных фондах, поступивших в СССР. В частности отмечалось, что по документам СВАГ в СССР поступило около 10 млн томов, из них 5 млн. – в Москву и Ленинград, 2 млн. – в Минск, 3 млн. – в Киев [13, с. 23]. В Отчётах Отдела народного образования СВАГ нам доводилось встречать другую цифру, характеризующую вывоз книг: она составляет около 7 млн томов.

Процесс перемещения книг из Германии, скорее всего, проходил до августа 1946 года. В августе 1946 года последовал приказ Главного начальствующего «О реэвакуации книжных фондов и использовании бесхозных библиотек и литературы». На основании приказа вся не вывезенная литература должна была быть передана немецким органам самоуправления. В своем рапорте на имя зам. уполномоченного Особого комитета при Совете Министров СССР по Германии генерал-майора Скоро-

думова от 01.09.1946 года М. И. Рудомино сообщала, что работы по изъятию и вывозу книг в СССР Комитетом культуры закончены. Последний эшелон отправлен в Москву 26 августа 1946 года [17].

Отобрать, погрузить и перевезти книги на территорию СССР было половиной дела, а вот другой, более сложной, задачей оказалось рассортировать и перераспределить эти книги между библиотеками. Если оценивать этот процесс в целом, то, к сожалению, надо констатировать, что мы с ним не справились. В чем же причина?

Надо было иметь десятки специалистов-библиотекарей, владеющих иностранными языками, чтобы установить, какой теме посвящено то или иное издание. В письме близким М. И. Рудомино пишет 14 октября 1945 года о том, что для работы по разбору книг не хватает людей [17].

Необходимо было четко определить, куда именно данное издание должно быть направлено. Среди книг оказалось много дублетных экземпляров. Не было хороших помещений, в которых можно было бы организовать хранение и разборку немецких книг. Для некоторых руководителей библиотек, в которых оказались эти книги, они стали очередной «головной болью». Использовать их было невозможно ввиду непрофильности или дублирования фондов, место для организации хранения отсутствовало. Летом 1946 года Академия наук СССР обратилась в Совет Министров СССР с просьбой передать 100 тыс. томов трофейной литературы другим библиотекам, так как эти книги дублируют уже имеющиеся издания, а также принадлежат к отраслям наук, которые в Академии не разрабатываются.

Руководством Библиотеки Академии наук (БАН) были даны соответствующие указания по использованию перемещенных из Германии изданий. Приведем одно из них: «Издания по физико-математическим наукам можно брать на выставке прямо из отделов обработки и иностранного комплектования. Литературу по истории, этнографии и прочим

гуманитарным наукам – только с разрешающим знаком Главлита. Согласно указаниям президента, изъятию для использования читателями подлежат только те издания, в которых имеются выпады против СССР и его вождей» [2].

В марте 1952 года Председатель Комитета по делам Культурно-просветительных учреждений обратилась в главное архивное управление МВД СССР, сообщив о том, что в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина среди разобранных трофейных поступлений обнаружены различные архивные документы из немецких городов. Отмечалось, что эти документы не представляют интереса для библиотеки [7].

Можно сожалеть, что не была составлена программа по использованию перемещенных из Германии библиотечных в процессе восстановления разрушенных и уничтоженных библиотечных фондов СССР, что, безусловно, снизило возможности использования немецких книг в восстановительном процессе. Идеологическая ограниченность, бесхозяйственность и безответственность привели к тому, что мы не сумели по-хозяйски распорядиться полученными книгами.

Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что поступления немецких книг в нашу страну не имели никакого значения. Директор Государственной исторической библиотеки М. Д. Афанасьев в выступлении на российско-германском круглом столе «Реституция библиотечных собраний и сотрудничество в Европе», который состоялся в ВГБИЛ в декабре 1–12 1992 года, говорил: «Драматизм обстоятельства вывоза книг из Германии в 1945–1947 гг. усугубляется тем, что именно это массовое вливание книг в российские библиотеки впервые за все послереволюционные годы помогло восполнить лакуны в библиотечных фондах» [13, с. 8–9].

Михаил Дмитриевич упоминал, что в Исторической библиотеке была организована выставка культуры доколумбовой Америки. Он отметил, что без книг, которые были вывезены из Германии, невозможно было

представить достижения немецкой науки в этой области.

Интересна оценка значения перемещенных книг, принадлежащая А. В. Рудомино, сыну Маргариты Ивановны Рудомино, который находился вместе с ней в Германии: «Значительная часть книг и периодических изданий, вывезенных из Германии, являлась современной литературой того времени и способствовала доступу советских читателей, главным образом научных работников, к иностранной научной информации. Книги из Германии, безусловно, послужили солидной информационной базой развития отечественной науки в послевоенные годы. По сути, иностранная периодика, вывезенная из Германии, была во второй половине 40-х годов основным, а иногда и единственным, источником информации о современном развитии западной науки и литературы». Адриан Васильевич пишет, что советская научная элита имела широкий доступ к литературе из Германии, в том числе и к той, которая находилась в спецхране [17].

Значительные книжные вливания произошли в фонды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В письме на имя Уполномоченного Особого комитета СНК СССР по Германии генерал-майора Зернова директор библиотеки им. В. И. Ленина В. Г. Олишев отмечал: «Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина благодарит Вас за помощь в содействии в отправке из Берлина ценнейшей литературы в центральное книгохранилище Советского Союза. Присланные книги существенно пополняют богатейшее собрание нашей библиотеки» [4]. Особую ценность среди собраний, поступивших в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, представляли книжные и рукописные памятники из собрания немецкого музея книги и шрифта в Лейпциге. Среди 600 единиц хранения насчитывалось 134 инкунабулы и 10 палеотипов, 44 рукописных книги XV века, а также собрание художественных переплетов (около 420 экземпляров). В публикации О. Бородина и Т. Долгодровой,

посвященной анализу перемещенных изданий, отмечалось, что старопечатные книги из Германии входили в коллекцию Генриха Клемма (1818–1886) – известного библиофила, собравшего на протяжении жизни около 5000 старинных рукописей и старопечатных книг [5].

Значительные поступления имела и Библиотека иностранной литературы. Особого секрета из изданий, которые включались в общие фонды, никто не делал. Вместе с тем многие редкие книги попадали в отделы специального хранения. Часть перемещенных книг, вовремя не введенная в действующие фонды, оказалась надолго законсервированной.

Можно согласиться с директором Эрмитажа М. Пиотровским, который отмечал: «...злую шутку сыграло то, что мы всё хранили в тайне, ничего не показывая. Это было самой большой ошибкой. Во-первых, мы преступно лишили людей возможности созерцать великолепные произведения мирового искусства. Во-вторых, дали возможность говорить: «Раз они скрывают – значит, они это украли».

Иногда в той или иной публикации возникает вопрос: почему большая часть перемещенных книг оказалась в тех регионах, которые не пострадали от оккупации, а не были отправлены в освобожденные районы? Те, кто выражает свое недоумение по этому поводу, совершенно не учитывают ситуации, которая сложилась в первые послевоенные годы. Мы уже писали об уроне, который был нанесен библиотечной системе страны. Восстанавливаемые библиотеки ютились в комнатах и подвалах, большинство из них не имело нормальных помещений для обслуживания читателей и обеспечения сохранности фондов. Они были просто не в состоянии принять перемещенные из Германии книги. Таким образом, немецкие издания размещались в районах, не подвергшихся оккупации.

В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина оказались не только немецкие, но и польские издания. Дирекция библиотеки обратилась в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с письмом,

в котором сообщалось, что среди трофейной литературы обнаружили книги, архивные документы, вывезенные немцами из Польши. В библиотеке оказался архив Замойских, собрание рукописей XVI века, инкунабулы из библиотеки Замойских, восемь тысяч книг из различных библиотек Польши. После консультаций с МИД было указано, что следовало бы всю эту литературу вернуть Польскому правительству и одновременно поставить перед ним вопрос о возвращении культурных ценностей на территорию Польши [16].

Нельзя не отметить тот факт, что не всё обстояло благополучно с документацией по оформлению перемещенных ценностей. В январе 1947 года директор книжного отдела АН СССР Р. Карахан информировал Президента АН СССР академика Вавилова о поступлении книг из Германии: «Многие ящики, доставленные по железной дороге, оказались разбитыми, поэтому установить количество ящиков или мест не представляется возможным». Далее Карахан сообщал, что не всегда перемещаемые грузы сопровождаются соответствующими счетами или описями [3].

Большие проблемы у сотрудников Книжного отдела возникали при определении того, что относилось к «трофейным фондам», а что закупалось на территории Германии.

К концу сороковых годов работа органов, осуществлявших контроль знад идеологией, ожесточилась. В книге «Добыча» П. Кнышевский приводит интересный документ, выдержки из которого хотелось бы здесь воспроизвести: «Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совместно с представителями Главлита СССР проведена проверка хранения и использования трофейной литературы, привезенной из Германии <...> Установлено, что точного учета вывезенной из Германии в Советский Союз литературы нет. Несмотря на специальные указания Уполномоченного Совета Министров СССР по охране государственных тайн в печати всем министерствам и ведомствам о необходимости немедленной регистрации трофейной литературы в местных органах Главлита, ряд учреждений не выполняет эти

требования. Так, например, сектор сети библиотек Академии наук СССР не известил своевременно органы цензуры о получении трофейной литературы» [11, с. 111].

По результатам проверки было установлено, что среди трофейных книг имеется много ценной литературы, но наряду с этим завезено много нацистских изданий. Отмечалось, что выявлено 300 тыс. экземпляров, подлежащих уничтожению. Говорилось и о неудовлетворительной организации хранения книг. Выражалось беспокойство по поводу того, что просмотр литературы цензорами Главлита происходил чрезвычайно медленно.

Уполномоченный Совмина СССР по охране военных и государственных тайн в печати отмечал, что, несмотря на предупреждение органов цензуры о ввозе только той трофейной литературы, которая необходима по роду деятельности отдельным ведомствам, в Советский Союз завезено много ненужной и часто враждебной литературы. Весьма интересно в этом отношении объяснительное письмо в отдел культпросветучреждений ЦК ВКП(б), направленное директором Государственной медицинской библиотеки весной 1948 года. В письме отмечалось, что библиотека получила 24 вагона трофейной литературы. Разборкой её занималась группа из 20 человек. Эта литература не подвергалась просмотру цензора. Однако проверочные штампы Главлита на книги ставились. Директор библиотеки затруднялся сказать, кто вручил библиотеке эти штампы. На периферию было разослано в 1946 году более 42 тыс. книг, всего же к 1948 году отправлено 462 тыс. экземпляров литературы. Среди этих книг оказались издания, совершенно не подвергавшиеся просмотру. Местными органами цензуры пользование этой литературой было запрещено. В письме сообщалось, что с декабря 1947 года в библиотеке ведется проверка книг Мособлглавлитом; к весне 1948 года было проверено 162 тыс. экземпляров [15].

В Ленинграде книги, поступившие из Германии, хранились в пустующих зданиях. В бывшей великокняжеской усыпальнице

в Петропавловской крепости, в бывшей армянской церкви на Невском, в Александро-Невской лавре и ещё в ряде зданий. Из мест хранения книги периодически привозили в главное здание Публичной библиотеки, где их сортировали по языкам, тематике, месту и времени издания. В одной из своих публикаций К. Косцинский описывает этот процесс таким образом: «Все книги, изданные после 1917 года, отправляли в спецхран и разбирали уже там. Привезенные в библиотеку книги после первой грубой сортировки передавали в отдел комплектования, где их сверяли с генеральным каталогом; если книга отсутствовала в Публичной библиотеке, то ее отправляли в фонд. Если она дублировала имеющееся в библиотеке издание, то экземпляр возвращался в одно из хранилищ, и «только время и счастливый случай могли помочь ей попасть в какую-либо иную библиотеку» [12].

Нельзя не вспомнить и публикацию в журнале «Книжное дело» статьи доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского университета культуры Арлена Викторовича Блюма. [10]. А. В. Блюм пишет, что книги, рассылаемые на периферию, освоить было физически невозможно. В 1963 году Арлен Викторович работал в Челябинской областной библиотеке. Вместе с коллегой он решил разобрать закрытый в отдельной комнате фонд, который находился там с сороковых годов. В комнате он обнаружил тисненые кожаные переплеты, золотые обрезы. Преимущественно это были немецкие издания, начиная с XVI века. Здесь же были книги на других языках. На многих книгах

были экслибрисы XVII–XIX веков. Просматривая книги, Блюм увидел, что во многих томах находятся полоски бумаги. На них были записи типа «Книга идеологически чуждая».

Арлен Викторович стал изучать аннотации на книги. Приведем некоторые из них в таблице 1.

А. В. Блюм сообщает, что книги поступили из Госфонда литературы. Был составлен список этих изданий, в который было включено 10 тыс. томов. Списки отправили в Москву. Указаний по использованию этой литературы не последовало, и книги сложили в двух комнатах. Во время очередного «потепления» практически все книги удалось разобрать и классифицировать, что позволило включить их в основной фонд.

Арлен Викторович изучал вопросы советской цензуры и работал с материалами Главлита. Он утверждает, что подобная ситуация с трофейными книгами была повсеместной.

А. В. Блюм обнаружил датированную 1947-м годом инструкцию Главлита о порядке хранения и использования иностранной литературы. В ней имелся особый параграф, регламентирующий процесс получения трофейной литературы; отмечалось, что до просмотра цензуры трофейные книги должны храниться изолированно и пользоваться ими запрещено.

А. В. Блюм упоминает также любопытный документ, связанный с проверкой весной 1952 года литературы, которую Госфонд разослал библиотекам (Государственный фонд литературы занимался вопросами восстановления пострадавших библиотек). С мест стали

Подъем и отход духовной жизни. Анонимное издание, вышедшее в Париже в начале XVIII в.	Само название книги говорит за себя. Книга вредная, так как говорит о наличии души.
Фридрих Гелдерлин (прижизненное издание крупного романиста конца XVIII–XIX века)	Автор настолько малоизвестный, что не стоит ставить его на полку, тем более что это невероятное старье.
«Полу-Азия». Том второй. Начало XIX века.	Том не относится к России, но уже в самом названии чувствуется националистическое пренебрежение к описываемым странам. Такую книгу неудобно выдавать.

Таблица 1

поступать данные о том, что книги, полученные из Госфонда, переведены в спецхраны из-за идеологической непригодности и списаны как устаревшие. А. В. Блюм не мог знать истинную причину проверки деятельности Госфонда, так как материалы, связанные с этим вопросом, до 90-х годов относились к разряду закрытых.

29 февраля 1952 года на закрытом заседании Комитета по делам культурно-просветительных учреждений был уволен работник Госфонда литературы Ванштейн. Он был обвинен в том, что способствовал засорению библиотек «враждебной литературой», поступившей из Англии в 1947 году. Также отмечалось, что к работе с этой литературой допускались люди без соответствующей проверки [8].

В это же время был снят с работы руководитель Госфонда Д. Б. Марчуков за хранение в Госфонде литературы, «являющейся зловным пасквилом на советское государство и большевистскую партию». Кроме того, на складах Госфонда обнаружили материалы Союза немецких инженеров, содержащие открытки с изображениями Гитлера. При проверке было обнаружено, что «засланная литература из Америки была перемешана с общим фондом и без санкций вышестоящих органов разослана на места». Увольнение Д. Б. Марчукова было колоссальной потерей для Госфонда. Он возглавлял организацию с самого её основания. Нам довелось встречаться с бывшими сотрудниками фонда. Все они отмечали удивительную энергию и работоспособность Марчукова, его личный вклад в процесс восстановления библиотек на освобожденной территории.

Никто не думал, что маховик репрессий, на время войны замедливший свои обороты, начнет новый разгон в начале пятидесятых годов. В документах Комитета по делам культурно-просветительных учреждений говорилось, что в 1947 году из Америки и Лондона была получена так называемая «дарственная литература». В качестве помощи пострадавшим библиотекам было получено 58578 томов от Английской библиотечной ассоциации. Английская библиотечная ассоциация в годы войны проводила значительную работу

по восстановлению пострадавших библиотек Англии, Европы, Азии. В 1943 году в Лондоне прошла конференция министров просвещения союзных стран. На ней была создана специальная комиссия для распределения книг и журналов по пострадавшим библиотекам. Советский Союз в этой конференции не участвовал.

В сентябре 1944 года был официально открыт Межсоюзнический книжный центр, в который стали поступать книги из английских библиотек. Центр действовал до 1947 года. В справке Комитета по делам культурно-просветительных учреждений отмечалось, что СССР не входил в Межсоюзнический книжный центр – «как организацию, враждебную делу демократии и прогрессу культуры», ведущую холодную войну против СССР». За время своей деятельности центром было разослано более 500 тыс. книг.

Это был не единственный подарок нашим библиотекам. В августе 1946 года секретариат ЦК ВКП(б) принял Постановление о передаче и распределении книг, полученных от Американского комитета помощи России в войне. Эта литература была собрана в дар СССР. Было дано указание просмотреть литературу и передать её в Госфонд. На Госфонд возлагалась задача выполнить работу по её хранению, сортировке и рассылке на места. Всего из США прибыло 100 тыс. томов [14]. В Комитет по делам культурно-просветительных учреждений был представлен «Список изъятой иностранной идеологически вредной, антисоветской литературы шовинистического, порнографического, богословского характера, направленной Госфондом литературы в библиотеки». Приведем несколько выдержек из этого списка: «Вестгарт Д. Русские интересы (есть карикатуры на советских общественных деятелей), Хирофельд М. Ежегодник по сексуальным и половым болезням. Сочинения Шопенгауэра. Неаринг С. Образование СССР (есть цитаты Троцкого)».

Завершаем наш разговор о Госфонде секретным донесением начальника первого отдела Комитета по делам культурно-просветительных учреждений Я. Яковчука

в 3-й отдел 5-го управления МГБ СССР. Документ датирован 15 мая 1952 года. Вот некоторые выдержки из него: «Комитетом проверена работа Госфонда <...>. Обнаружена засылка вредных книг, за что несёт ответственность Ванштейн. Бывшие цензоры Главлита, которые были привлечены в Госфонд, Девиер и Рудник, использовали своё служебное положение и стали на путь антигосударственной деятельности. Они сознательно ставили открытый штамп Мособлглавлита на пошлую литературу для распространения ее по библиотекам нашей страны. С целью засорения книжных фондов и продвижения англо-американской клеветы на советское государство и нашу родную большевистскую партию. Следовательно, госфондовцы открыто распространяли фашистскую литературу, которая была заслана в СССР. На основании вышеизложенного прошу Вас привлечь виновных лиц к ответственности» [9].

Думается, что этот документ не нуждается в комментариях. Как бы ни оценивать баталии «холодной войны», эти книги были посланы как жест доброй воли, как признание всем миром того колоссального урона, который нанесли нацисты нашим библиотекам. Мы не считаем, что книги были не нужны нашей стране; к сожалению, властные структуры даже не пытались разобраться в целесообразности использования этой литературы в интересах страны.

Подведем итоги. Напомним, что во время войны Советский Союз потерял более 100 млн книг только в массовых библиотеках. Вывезенные из Германии книги исчисляются количеством от 7 до 10 млн изданий. Несопоставимость этих цифр очевидна.

Возникает вопрос, а могли ли вообще немецкие книги компенсировать наши книжные потери? Разумеется, нет. Это были книги на языке чужой страны. Процент иноязычных изданий в наших библиотеках был не так уж велик (за исключением крупных книгохранилищ). Не могли эти книги и возместить утраченные памятники национальной книжной культуры, уникальные старопечатные издания и рукописи, уничтоженные и расхищенные нацистами. Да, в стоимостном выражении многие из перемещенных изданий представляли немалую ценность. Но даже если идти по этому пути, то возникает вопрос: использовалось ли стоимостное выражение этих книг в интересах наших библиотек? И здесь наш ответ будет отрицательным.

Таким образом, можно сделать предположение, что роль перемещенных из Германии книжных фондов в восстановлении нашей библиотечной системы была в значительной степени снижена. В первую очередь, это связано с физической невозможностью компенсации отечественных книжных потерь иноязычными изданиями. Во-вторых, обуславливалось неумением распорядиться частью перемещенных книг с целью восстановления наших библиотечных собраний. В-третьих, по объективным причинам книги из Германии пополнили в основном фонды крупнейших библиотек страны и библиотек регионов, не побывавших в зоне оккупации. Следовательно, в силу как объективных, так и субъективных причин, Германия не компенсировала книжных потерь, которые были нанесены ею Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Архив Российской Академии наук (РАН), ф.557, оп. 1, д. 11, л.13.
2. Архив РАН, ф. 158. оп. 3 (1946), д. 23. л. 13.
3. Архив РАН, ф. 557. оп. 1. д. 42. л. 2.
4. Архив Российской государственной библиотеки (РГБ), оп. 181, д. 27. л. 91.
5. *Бородин О., Долгодрова Т.* Коллекция немецкого музея книги и шрифта в собрании Российской государственной библиотеки // Наше наследие. 1994. № 32. С. 97–100

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 534-А, оп. 2, д. 1, л. 17.
7. ГАРФ, ф. 534, оп. 3, д. 8, л. 16, 64.
8. ГАРФ, ф. А-534, оп. 3, д. 10, л. 21.
9. ГАРФ, ф. 534, оп. 2, д. 8, л. 42.
10. Книжное дело. 1994. № 2. С. 45–47.
11. *Кнышевский П. Н.* Добыча: Тайны германских репараций. Москва: Соратник. 1994. 144 с.
12. Континент. 1979. № 21. С. 157.
13. Реституция библиотечных собраний и сотрудничество в Европе. Москва, 1994. 58 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 5, оп. 6, д. 471, л. 28.
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 641, л. 11 об.
16. РГАСПИ, ф. 5, оп. 6, д. 472, л. 144.
17. *Рудомино А.* Книги войны // Наше наследие. 1999. № 49. С. 78–96.
18. Литературная газета. 18 сентября. 1990. С. 10.
19. *Шерель А. А.* Кочующие музы. Москва, 1991. С. 5–10.
20. *Эльяшев Д. А., Тургаев А. С.* Советская военная администрация и книжное дело в Восточной Германии в 1945–1949 гг.: формирование системы цензурного надзора // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, 2016. № 3. С. 24–30.

*

Поступила в редакцию 24.06.2024

ПОДГОТОВКА БИБЛИОТЕЧНЫХ КАДРОВ В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ПОСТСОВЕТСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1985–1999)

УДК 02(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-183-190>

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: mguci@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется состояние библиотечных кадров в России в условиях слома советской политической системы. Рассмотрены изменения в процессе профильного обучения специалистов. Отмечены как позитивные, так и негативные факторы, влиявшие на библиотечное образование. Выявлены основные тенденции в подготовке персонала. Анализируются федеральные законы 1990-х годов, напрямую влиявшие на деятельность образовательных учреждений. Выделены Федеральные законы «Об образовании» 1992 года и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 года. Отмечены новые значимые пункты принятых законов. Приведена статистика, характеризующая изучаемую проблему. Показаны изменения, повлиявшие на профессорско-преподавательский состав вузов. Сделаны аналитические, обобщающие выводы по проблеме. Дается сводная оценка состояния и уровня подготовки библиотечных кадров в указанный период.

Ключевые слова: библиотечные кадры, библиотечное образование, история библиотечного дела в России.

Для цитирования: Глазков М. Н. Подготовка библиотечных кадров в годы «перестройки» и постсоветского десятилетия (1985-1999) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 183–190. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-183-190>

TRAINING OF LIBRARY STAFF DURING THE YEARS OF «PERESTROIKA» AND THE POST-SOVIET DECADE (1985–1999)

Mikhail N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: mguci@mail.ru

ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, академик Международной академии информатизации, почетный работник сферы образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Academician of International Informatization Academy, Honorary Worker of Education of Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Глазков М. Н., 2024

Abstract. In article investigated the condition of library personnel in Russia during scrapping the soviet political system. The changes in specialist learning process are considered. Both positive and negative factors in library education are noted. The main trends in staff training have been identified. Federal laws 1990th are analyzed. Federal laws «About education» 1992 and «About higher and postgraduate professional education» 1996 are highlighted. Significant legislative impact on library personnel condition is shows. The important statistical indicators about our problem are given. Changes in the teaching department of specialized universities are noted. Generalizing conclusions about research problem made in article. The investigation gives summary assessment of library staff condition and training in specified period.

Keywords: library personnel, library education, history of librarianship in Russia.

For citation: Glazkov M. N. Training of library staff during «perestroika» and post-soviet decade (1985–1999). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 183–190. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-183-190>

Выбранный период, 1985–1999 годы, вмещает в себя кризисные тенденции и процессы буквально во всех сферах жизни СССР, а после его разрушения – и в Российской Федерации. Общий кризис не мог обойти отечественное библиотечное образование. Его изучение важно не только для установления исторической истины, но и для конструктивного развития всего библиотечного дела в будущем.

На начало «перестройки» ситуация с библиотечными кадрами в стране отнюдь не была идеальной. Особенно это касалось массовых библиотек. В общедоступных библиотеках системы Министерства культуры в 1985-м году в РСФСР имелось всего 25% библиотекарей с высшим образованием (с библиотечным – 15%). Библиотекарей со средним библиотечным образованием – 46%. Серьезной проблемой оставалась текучесть кадров. Значительное большинство библиотекарей общедоступных библиотек имело стаж менее 5 лет [1, с. 128–129]. Вместе с тем, кадровый прогресс в «брежневское» время стал пусть не быстрым, но стабильным. Важно было развить созидательные библиотечные тенденции конца 1960-х – начала 1980-х годов [6, с. 213–250].

Явные перемены обозначились после январского 1987 года Пленума ЦК КПСС. В исследованиях ведущих современных историков [9; 12] данный Пленум назван поворотным для всего существования нашей страны. Нача-

лась специфическая «горбачевская» гласность и демократизация. На деле стала осуществляться идеологизация «наоборот»: советские социалистические ценности постепенно менялись на западные буржуазные.

Поскольку процесс в то время шел не обязательно, изменения в библиотечном образовании проявлялись в деталях, в частности. Например, студенческая молодежь в ходе учебных занятий начала активнее спорить с преподавателями на общеполитические темы, критиковать некоторые действия представителей советской власти прошлого и настоящего, обсуждать концепции, ранее не подлежащие дискуссиям и т. п. Казалось, что принципиально ничего не меняется. Но по закону диалектики количество постепенно переходило в качество.

С конца 1980-х годов в стране снижался престиж высшего и, в частности, библиотечного образования. «Перестроечные» СМИ интенсивно внушали идею о деньгах как смысле человеческого существования. Выпускники школ вместо мечты о покорении космоса, новых научных и творческих открытиях, созидательном труде во благо общества и государства с любопытством открывали для себя коммерческо-криминальную «романтику».

С начала 1990-х годов в высшую школу приходило меньше талантливых и активных молодых людей, потому что они предпочитали заработки в разных коммерческих структурах. Снижался общий культурный

и интеллектуальный уровень абитуриентов, поступавших в вузы. Будучи тогда начинающим преподавателем, непосредственно общавшимся со студентами, могу лично это засвидетельствовать.

Тем не менее, в 1990-е годы еще сказывалась положительная сила «советской инерции». В советскую эпоху удалось создать эффективную, классическую, по-видимому, лучшую в мире систему библиотечного образования. [2, с. 237–252; 5]. Ее фундаментом стали «золотые кадры» отечественных педагогов. «Человеческий капитал» долго и тяжело наращивается, но он и разрушается заметно медленнее, чем материальная составляющая.

Благодаря педагогам советской школы удавалось некоторое время удерживать профильное образование на сопоставимом уровне, несмотря на разрастающиеся кризисные явления в стране. Кроме того, еще не деградировала, не была «приватизирована» материальная база многих профильных учебных заведений. Библиотекарей в РФ тогда готовили 30 вузов и 66 средних учебных заведений [1, с. 148].

Кризис в подготовке библиотечных кадров стал усиливаться, на наш взгляд, с середины 1990-х годов. На это повлияло несколько факторов. 10 июля 1992 года в РФ был принят Федеральный закон «Об образовании», подписанный президентом Б. Н. Ельциным. Спустя несколько лет, 26 августа 1996 года (сразу после очередной победы Бориса Николаевича на президентских выборах), вышел еще один соответствующий закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Если отбросить популистские декларации, новые законы корректировали, а в некоторых ключевых статьях ломали сложившиеся положения советской образовательной системы.

Разумеется, всё пытались обернуть в красивую демократическую упаковку. Так, в Федеральном законе 1992 года [3] во 2-й статье утверждались основные принципы государственной политики в области образования: «гуманистический характер образования,

приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности». В статье 14 п. 2 указывалось, что «Содержание образования должно обеспечивать <...> интеграцию личности в системы мировой и национальных культур».

Но при более внимательном знакомстве с положениями закона возникают определенные вопросы. Так, в статье 11 объявлялось, что учредителями образовательной организации могут быть «отечественные, иностранные и зарубежные предприятия, учреждения всех форм собственности, их объединения и ассоциации», а также «отечественные, иностранные и зарубежные общественные и частные фонды <...>; граждане Российской Федерации и других государств». Понятно, что иностранные юридические и физические лица были заинтересованы в весьма специфическом образовании наших людей на базе «общечеловеческих» западных ценностей.

В статье 33, п. 1 было заявлено, что «образовательное учреждение создается учредителем по собственной инициативе и регистрируется органами местного самоуправления в заявительном порядке». Это создавало условия для появления самых разных, в том числе, деструктивных учебных заведений. Тем более что в пункте 9 данной статьи прописывалось: «Содержание, организация и методики образовательного процесса предметом [государственной] экспертизы не являются».

Таким образом, устранялся строгий государственный контроль над непосредственной учебной деятельностью вузов, гимназий, лицеев и т. п.

Рассматриваемый Федеральный закон давал большие возможности для коммерческой инициативы образовательных учреждений, коммерческого использования ими прав собственности на землю, оборудование, имущество и так далее. В частности, «образовательное учреждение, независимо от его организационно-правовой формы, вправе привлекать в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, дополнительные финансовые, в том числе валют-

ные, ресурсы за счет предоставления платных дополнительных образовательных и иных предусмотренных уставом образовательного учреждения услуг, а также за счет добровольных пожертвований и целевых взносов юридических и физических лиц, в том числе иностранных и зарубежных» (статья 41, п. 8).

В статье 47, п. 1 образовательным учреждениям предоставлялось право вести разнообразную предпринимательскую деятельность. Например, «по торговле покупными товарами, оборудованием; по оказанию посреднических услуг <...> по приобретению акций, облигаций, иных ценных бумаг и получению доходов (дивидендов, процентов) по ним; по ведению приносящих доход иных внеэкономических операций, непосредственно не связанных с собственным производством предусмотренных уставом продукции, работ, услуг и их реализацией». Неудивительно, что многие образовательные российские организации превращались из просветительских в сугубо коммерческие. Тем более что они получили право «самостоятельно осуществлять внешнеэкономическую деятельность и иметь валютные счета в банковских и других кредитных учреждениях <...> Валютные средства, полученные образовательным учреждением от внешнеэкономической деятельности, <...> изъятию не подлежат» (ст. 58, п. 1–2).

В принятом через четыре года Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (26 августа 1996 г.) [11; 10] тоже имелись серьезные изъяны, очевидные в наше время. Так, в первой же статье (п. 2) указывалось: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора».

В статье 2 п. 1 1) утверждалась «суверенность прав субъектов Российской Федерации в определении собственной политики в области высшего и послевузовского профессионального образования в части национально-региональных компонентов государственных

образовательных стандартов». Местному сепаратизму давался новый импульс в важнейшей образовательно-воспитательной сфере.

В той же статье закона п. 1 3) в качестве цели государственной политики провозглашалась «интеграция системы высшего и послевузовского профессионального образования Российской Федерации <...> в мировую систему высшего образования». Последствия этого, казалось бы, «красивого» положения вполне проявились после введения «Болонской системы», приведшей к увяданию отечественной высшей и средней школы. Замечу, что за свою долгую педагогическую практику не встречал ни одного действующего педагога, который бы не критиковал данную систему, ЕГЭ и т. п.

В статье 6 п. 2 среди ступеней высшего профессионального образования появляются знаковые магистры и бакалавры.

Федеральный закон 1996 года подтверждал и всячески поощрял разнообразную коммерческую деятельность учебных заведений. Согласно статье 13 «в системе высшего и послевузовского профессионального образования <...> могут создаваться и действовать <...> заводы, фабрики, фирмы <...> и иные организации и учреждения, деятельность которых связана с образованием и направлена на его обеспечение». Статья 29 п. 1: «Высшее учебное заведение в соответствии со своим уставом может осуществлять платную деятельность в области образования и в других областях».

Неоднозначно выглядят и положения статьи 33. В п. 1 3) вузы получили права «осуществления фундаментальных и прикладных научных исследований, а также опытно-конструкторских работ по заказам иностранных юридических лиц». Пункт 4 этой статьи подтверждал права вузов «заниматься внешнеэкономической деятельностью, предусмотренной уставами высших учебных заведений и направленной на выполнение задач, которые определены настоящим Федеральным законом, а также на развитие международных контактов». Итак, профильное

законодательство сменилось, исходя из установок новой политической системы страны.

С каждым годом последнего десятилетия XX века происходило обеднение библиотечной отрасли; государственная власть фактически отстранилась от поддержки «нерентабельных учреждений», в том числе, естественно, и библиотек. Это объяснялось как менталитетом постсоветской «элиты», так и тяжелым упадком экономики Российской Федерации в результате рыночных экспериментов в сельском хозяйстве, промышленности, финансовой сфере и пр.

Произошел массовый уход библиотечных работников из профессии, прежде всего, из-за низкой оплаты их труда. За семь лет сокращение кадров только в общедоступных библиотеках РФ составило не менее 14 тыс. человек (со 142 тыс. в 1990 году до 128 тыс. в 1997 году) [1, с. 143], не говоря о библиотеках научных, специальных, учебных и др.

Материально-техническая база библиотечного образования ухудшалась. Оборудование вузов и техникумов все больше отставало от современных требований. Дegrадировала полиграфическая база, в недостаточном количестве издавались тиражи учебно-методической литературы. В учебных лабораториях и аудиториях отсутствовали средства автоматизации и электронно-вычислительной техники и т. д.

Последнее обстоятельство следует выделить особо. 1990-е годы зримо обозначили необходимость широкого внедрения компьютеризации в библиотечную деятельность. Интернет становился глобальной реальностью. Ведущие мировые державы активно внедряли электронные технологии в информационно-библиотечной сфере. Фактически совершалась очередная технологическая революция, требовавшая существенных материальных вложений и первостепенной государственной заботы, которых мы оказались в то время лишены. Отставание в области электронных технологий вело к превращению отечественной библиотечной сферы из недавно передовой в мире во второразрядную.

Следует заметить, что в 1990-е годы определенную помощь в компьютеризации российских библиотек оказали зарубежные спонсоры. Разумеется, они делали это отнюдь не бескорыстно и выборочно. Компетентные люди знают, что оцифрованные (с помощью иностранных «благотворителей») наиболее ценные разделы фондов наших лучших библиотек затем «перекачивались» на Запад за символические деньги, а порой и во имя «общечеловеческих ценностей», то есть, бесплатно. Хорошо известно, что информационные ресурсы обладают стратегическим значением. Тот, кто владеет информацией, владеет миром. Проведя сравнительно очень незначительные финансовые вливания, иноспонсоры получили большие возможности влияния и иные преференции.

Подобное «кураторство» Запада имело методологическое значение для нашей библиотечной сферы. В нее стали продавливаться западные ценности и установки. Так, например, поменялись названия и содержание библиотечных учебников и соответствующих вузовских дисциплин. Вместо «Работа с читателями» – «Библиотечно-информационное обслуживание», вместо «Организация и управление библиотечным делом» – «Библиотечный менеджмент» и так далее.

Образование нуждается в постоянной актуализации. Но необходимо соблюдать золотую середину между инновациями и традициями при обязательном приоритете государственных интересов. Однако в рассматриваемое время простые истины оказались сознательно отвергнуты теми, кто направлял и курировал процесс.

Примерно с середины 1990-х годов кадровой базе библиотек наносится еще один удар. Количество госбюджетных мест на библиотечных факультетах неуклонно сокращается. Если в середине 1980-х годов в головном библиотечном вузе страны – Московском государственном институте культуры – на одном курсе обучалось 250–270 «дневных» студентов, то в начале XXI столетия их стало 10–15 человек [5, с. 78–79].

Соответственно уменьшился ежегодный выпуск специалистов с высшим библиотечным образованием. Мы стремительно опускались на уровень бедственных 1920-х годов по числу подготовленных квалифицированных кадров за год. То есть в этом отношении возвращались к «доисторическим временам», когда в нашей стране еще не существовало ни одного библиотечного института, а подготовка немногих библиотекарей проводилась на отделениях политико-просветительных, педагогических вузов и техникумов, в советских партийных школах [4, с. 135].

Поскольку новые кадры не появлялись, а старые по естественным причинам выбывали, это неотвратимо вело к сокращению всей библиотечной деятельности и ликвидации сети библиотек. К 1998 году в России насчитывалось чуть более 150 тыс. библиотек всех типов и видов (на начало «перестройки» в РСФСР их было 164,8 тыс.). Из них наиболее значимых для народа публичных / массовых библиотек – 52,9 тыс. (в 1990 году – 62,2 тыс.) [7, с. 10–11, 14].

Их библиотечный фонд уменьшился с 1,2 млрд экземпляров в 1990 году до 1,1 млрд экземпляров в 1997 году. Книговыдача соответственно – т с 1505,6 млн экземпляров до 1347,8 млн экземпляров. Показатель охвата населения РФ библиотечным обслуживанием тоже снизился с 48,5% до 40,3% [7, с. 10–11, 14] Причем, по-видимому, официальная статистика, исходя из установки властей, пыталась еще и приукрасить бедственное положение в отрасли [8, с. 3–15].

Особо отметим сокращение числа читателей в «самой читающей державе мира». За 5 лет с 1987 по 1992 год их отток из библиотеки составил более 3 млн. [1, с. 142]. Процесс пошел и далее. Если в 1990 году в Российской Федерации насчитывалось 71,9 млн читателей общедоступных библиотек, то в 1997 году уже только 59,3 млн. [1, с. 143], на 12,6 млн человек меньше! При осознании, что библиотечная политика, профессиональное образование и сама Библиотека существуют для читателей, данный показатель весьма красноречив.

В вузах культуры при провоцировании и поддержке «сверху» вводятся платные услуги. Причем, нередко за счет сокращения бесплатных бюджетных форм обучения, хотя заинтересованные министерства это не афишировали и на словах отрицали. Так, среди прочих в середине 1990-х годов был санкционирован набор платных студентов по специальности «Библиотековедение и библиографоведение» [1, с. 148].

Отметим, что стоимость обучения в вузах оказалась непомерной для простых людей. Ликвидировался еще один ключевой принцип советской высшей школы: доступность для самых широких народных масс. Вместо него фактически внедрялся принцип элитарности обучения, особенно, в так называемых «престижных» вузах. Тем самым закладывались очередные социальные противоречия в нашем и без того крайне разделенном обществе, а новые Ломоносовы последовательно выставлялись за дверь постсоветских учебных заведений.

Кризис добрался и до «золотого ядра» отечественного образования – профессорско-преподавательского состава. Преподаватели молодого и средне-молодого возраста уходили в более богатые коммерческие структуры. Часть квалифицированных педагогов принимала приглашения из-за рубежа в поисках более спокойной и материально благополучной жизни. Кто-то оставался на ПМЖ.

Был подорван авторитет не только образования, но и науки. Поскольку научные исследования в РФ не приносили ученым финансового благополучия, требуя при этом больших многолетних усилий, сокращалось число аспирантов, защищенных кандидатских диссертаций в отрасли и т. д. Это больно сказывалось на вузах, где образование и наука теснейшим образом переплетались, а новые научные разработки оперативно применялись в процессе преподавания.

В Советском Союзе не успели полностью обеспечить специальные кафедры вузов культуры «остепененными», то есть максимально квалифицированными педагогами. В постсоветский период проблема крайне обостри-

лась. Региональные вузы не имели достаточного количества доцентов и кандидатов наук, не говоря уже о профессорах и докторах наук по библиотековосведению, книговосведению и библиографосведению. Снижался учебно-научный статус вузов. Кризис науки углублял кризис образования.

Когда хотят назвать нечто положительное, что привнес рассматриваемый период, нередко говорят о развитии международного сотрудничества. Действительно, руководящие работники вузов, ведущая часть профессуры и даже отдельные молодые кадры, студенты получили возможность участвовать в международных мероприятиях за счет принимающей стороны, стажироваться, воочию знакомиться с зарубежным библиотечным опытом, общаться и обмениваться информацией с иностранными коллегами. Вне всяких сомнений, это способствовало повышению их образовательного уровня, расширению профессионального кругозора.

Но у «медали» была оборотная сторона. Даже не говорю сейчас о «подсаживании на гранты» и т. п. как на форму своеобразного подкупа, выкачивания из специалиста знаний, интересных грантодателям. Не говорю о зарубежных молодежных стажировках как эффективном канале утечки мозгов и талантов из России. Не говорю о неравноценном обмене библиотечными ресурсами,

справочно-библиографической, полнотекстовой, фактографической информацией с западными «партнерами» и прочее.

После разрушения Советского Союза Российская Федерация предстала на международной арене не как самостоятельная держава с богатейшей историей и великими достижениями, а как слабый ученик, заискивающий перед иностранными учителями. И нашу страну стали учить, какие задачи, функции и цели должны выполнять библиотеки, какие библиотечные законы надо принимать, как следует готовить кадры библиотечкарей и так далее.

В итоге мы получили тяжелый кризис в профильном образовании. Его последствия проявляются до сих пор, в середине 2020-х годов. Преодоление негативных явлений в подготовке библиотечных кадров, как и во всей библиотечной сфере, должно учитывать исторический опыт, в том числе новейшей истории России. Мы приходим к концептуальному выводу о необходимости возвращения и широкого использования лучших советских наработок в образовании, разумеется, с учетом современной специфики. Понимая значимость библиотек и квалифицированных библиотечкарей для развития государства и социальной гармонизации, мы должны сделать все для преодоления настоящего системного кризиса.

Список литературы

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в России: учеб. пособие. Ч. 2 Москва: Либерея, 2001. 160 с.
2. Библиотечное дело в Российской Федерации (май 1974 – февраль 1984): док. и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. Москва: Пашков дом, 2016. 310 с.
3. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 30 июля 1992 г. № 30. Ст. 1797.
4. *Глазков М. Н.* Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941): монография. Москва: Пашков дом, 2016. 271 с.
5. *Глазков М. Н.* Отечественная библиотечная наука и образование (1964–1982 годы) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 2. С. 70–81.
6. *Глазков М. Н.* Эволюция государственной библиотечной политики в Советскую эпоху (1917–1991 гг.): монография. Орел: Изд. «Орловский государственный институт культуры», 2022. 288 с.
7. Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах за 1998 год / Министерство культуры РФ. Москва: ГИВЦ, 1999. 132 с.

8. Общедоступные государственные библиотеки Российской Федерации в 1995–1998 годах (Аналитический обзор). Москва: Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ, 1999. 146 с.
9. *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. Москва: Крымский мост-9Д, 2011. 864 с.
10. Российская газета. 1996. № 164. 29 августа.
11. Собрание законодательства Российской Федерации от 26 августа 1996 г. № 35. Ст. 4135.
12. *Спицын Е. Ю.* Россия – Советский Союз 1946–1991 гг. Полный курс истории России. Москва: Концептуал, 2015. 512 с.

*

Поступила в редакцию 28.06.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ БИБЛИОТЕЧНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ СТРУКТУР

УДК 021:378.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-191-195>

В. А. Цветкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Всероссийский институт научной и технической
информации Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: vats08@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные вопросы подготовки кадров для научных библиотек и информационных структур. Эти структуры ориентированы на информационную поддержку научных исследований. Отмечено, что на настоящем этапе подготовка кадров для этих структур охватывает два направления: традиционное, включающее программы работы с традиционными информационными ресурсами, и направление, ориентированное на работу с электронными ресурсами (ИТ). Это требует серьезных трансформаций в программах базовой подготовки в вузах и формирования более мощной системы послевузовского образования: дополнительное поствузовское образование, курсы подготовки и переподготовки кадров, обучение на рабочих местах. Обучение приобретает форму непрерывного.

Ключевые слова: научная библиотека, подготовка кадров, повышение квалификации, непрерывное обучение.

Для цитирования: Цветкова В. А. Актуальные задачи подготовки кадров для библиотечных и информационных структур // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 191–195. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-191-195>

CURRENT TASKS OF PERSONNEL TRAINING FOR LIBRARY AND INFORMATION STRUCTURES

Valentina A. Tsvetkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
All-Russian Institute for Scientific and Technical

ЦВЕТКОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор технических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры, Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук

TSVETKOVA VALENTINA ALEKSEEVNA – DSc in Technical Sciences, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture; All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences

© Цветкова В. А., 2024

Information of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: vats08@mail.ru

Abstract. These structures are focused on information support for scientific research. It is noted that at the present stage, the training of personnel for these structures covers two areas: the traditional one, which includes programs for working with traditional information resources, and the direction focused on working with electronic resources (IT). This requires serious transformations in the basic training programs at universities and the formation of a more powerful system of postgraduate education: additional post-university education, training and retraining courses, on-the-job training. Learning takes the form of continuous learning.

Keywords: scientific library, personnel training, professional development, continuous training.

For citation: Tsvetkova V. A. Current tasks of personnel training for library and information structures. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 191–195. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-191-195>

В условиях стремительного проникновения цифровых технологий во все сферы общественной деятельности библиотечно-информационная сфера оказалась наиболее чувствительной к этим процессам. Это повлекло изменение требований к компетенциям библиотечных и информационных специалистов. Именно эти структуры призваны решать вопросы информационного обслуживания на основе как традиционных, так и электронных ресурсов, включая разнотипные и разноформатные базы данных, ресурсы лицензионного и открытого доступов, формировать новые сервисы на основе стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

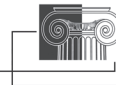
Развитие библиотек как информационных, культурных, образовательных центров в значительной мере зависит от кадрового обеспечения и профессиональной подготовленности специалистов осуществлять процессы переориентации (модернизации) системы на новые технологические рельсы. Говоря о библиотечной структуре, необходимо понимать, что в зависимости от направлений работы конкретной библиотеки, то есть типа библиотеки, она сильно меняется. В данном исследовании внимание сосредоточено на специализации научных библиотек и особенностях подготовки кадров для научных библиотек как информационных структур.

Для этого типа организаций характерна некая двойственность. С одной стороны, они хранители накопленных знаний в форме журналов, книг и пр., с другой – они ориентированы на расширение принципиально новых методов работы, основанных на ИКТ. Решить эти вопросы смогут только те структуры, которые сформируют кадровый потенциал, способный работать как с традиционными, так и с электронными сервисами [7].

Не все профессиональные знания и навыки приобретаются опытом, поэтому, получив библиотечное образование, необходимо повышать свою квалификацию. В связи с этим просматриваются следующие направления трансформации технологических решений:

- изменение технической и технологической базы научных библиотек и информационных центров;
- дополнительная переподготовка кадров в соответствии с новыми вызовами технико-технологических трансформаций;
- организация обучения приходящих молодых специалистов, не имеющих достаточных знаний по определенным направлениям работы, слабо ориентирующихся в современной теории управления информационно-библиотечной деятельностью [2].

Задача формирования новой системы повышения квалификации особенно обостряет

ся при необходимости не игнорировать опыт прошлых лет, использовать сложившиеся формы и методы обучения. В то же время для библиотечно-информационного направления деятельности характерны кардинальные и динамичные изменения, связанные с интенсивным внедрением компьютерных технологий, расширением информационного поля знаний, появлением новых категорий пользователей, усложнением их запросов, в связи с чем наибольшую остроту приобретает вопрос непрерывного образования.

Классификации библиотек уделено внимание многими специалистами, в их числе Столяров Ю. Н., Каленов Н. Е., Полтавская Е. И. и другие [8; 10; 7].

Согласно ГОСТ Р 7.0.107–2022 дается следующая функциональная характеристика научной библиотеке: «Научная библиотека, удовлетворяющая информационные потребности научных учреждений и отдельных лиц, связанных с исследовательской деятельностью на основе соответствующего фонда и справочно-поискового аппарата» [1].

Особенности научной библиотеки:

- стратегия формирования научного фонда, ориентированного на релевантность научным организациям и информационным потребностям пользователей-ученых;
- повышенные требования к специалистам относительно владения информационными технологиями: работа в среде «больших данных» (big data), ориентация в разноформатных информационных ресурсах лицензионного и открытого доступов;
- понимание тематической направленности библиотеки.

Теория научной библиотеки была разработана Д. Д. Ивановым, который рассматривал научную библиотеку как составной элемент науки [5]. В последнее десятилетие обсуждается новая модель участия библиотечных специалистов в процессах поддержки научных исследований, которая ориентирована на включение/вовлечение библиотеч-

ного специалиста в соответствующую группу ученых-исследователей – концепция *embeddet librarianship*. Вопрос о возможности включения библиотечных специалистов в исследовательское поле значительного числа научных направлений, в том числе таких фундаментальных, как математика, физика, химия, биология, астрофизика, машиностроение, космос, требует особого рассмотрения. При этом возможно как «проектное», так и «программное» участие библиотек.

Каким должен быть уровень специализации (компетентности) библиотечного специалиста? Отметим, что в России в этой зоне работают научные библиотеки и информационные центры институтов РАН, они специализируются на поддержке научных направлений конкретных НИИ. Режим избирательного распространения информации (ИРИ) позволяет точно направлять информационные потоки на конкретных ученых. Этот подход рассмотрен в работе [4]. Однако такой подход еще более усложняет задачи подготовки и переподготовки кадров. Он, скорее, относится к послевузовскому образованию, то есть к процессу повышения квалификации, а порой и второму образованию, направленному на понимание исследовательской зоны, в которую включен специалист.

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [11] отмечаются: (п. 16) необходимость резкого увеличения объема научно-технологической информации, возникновение принципиально новых способов работы с ней (п. 16). В п. 29 указана важность создания и поддержки функционирования отечественных систем хранения уникальной информации и данных, необходимых для проведения научных исследований и разработок. В числе недостатков отмечена слабая кадровая обеспеченность работниками со специализацией информационных специалистов и владением информационно-телекоммуникационными технологиями.

Новые требования информационных технологий, ориентированных на работу с электронными ресурсами, включая как форми-

рование электронных каталогов в научных библиотеках, так и баз данных в информационных центрах, направленные на совершенствование сервисов информационного обеспечения исследований и разработок, делают задачи кадровой компетенции и их соотношения в штате этих структур особенно острыми. Требуется наиболее рациональный подход к формированию кадровой структуры. В работе [3] приведены результаты мониторинга на примере общедоступных библиотек, показавшие следующее соотношение между основными библиотечными профессиональными группами: 85% – библиотечные специалисты, 5% – ИТ-специалисты, не более 10% – административно-хозяйственный и вспомогательный технический персонал.

Для научных библиотек и особенно информационных центров, ориентированных на информационную поддержку научных исследований и конкретных ученых новейшей информацией из электронных источников, такое соотношение не подтверждается. Опыт работы в научной библиотеке показал, что практически все библиотекари должны владеть навыками работы с национальными и зарубежными базами данных, а наиболее компетентные составлять не менее 50% численного состава.

Безусловно, профессиональные знания и навыки приобретаются опытом, но специальное библиотечное образование закладывает основы для дальнейшего вхождения в профессию и помогает ориентироваться в информационном пространстве. В современных условиях необходимо реформирование базовой системы образования, что вызвано внедрением новых информационных технологий. Вопросы переподготовки кадров, повышения квалификации стали особенно актуальными. В работе [2] выделены следующие проблемы:

1. изменения технической и технологической базы библиотек, внедрение новых форм и методов работы приводят к тому, что прежние профессиональные умения и навыки, как и накопленный ранее опыт, быстро устаревают;

2. приходящие в библиотеку молодые специалисты не обладают достаточными знаниями по определенным направлениям работы, слабо ориентируются в современной теории управления информационно-библиотечной деятельностью, что приводит к необходимости дополнительного обучения для ИТ-специалистов навыкам библиотечно-информационной работы, что, в свою очередь, позволит более точно и направленно вести работы по совершенствованию технологических решений.

В то же время основополагающими остаются задачи разработки новых программ вузовского обучения, ориентированных на новые технологические вызовы, и формирование действенной системы подготовки и переподготовки кадров с учетом опыта прошлых лет [9].

Современные условия и перспективы развития информационной инфраструктуры требуют:

- постоянного обновления федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО), что нуждается в соответствующем учебно-методическом обеспечении;
- диверсификации образовательных программ подготовки библиотечно-информационных специалистов за счет введения элементов обучения работе в среде ИТ, включая технологии работы с большими данными (Big Data), облачными технологиями, элементами искусственного интеллекта;
- развития системы послевузовского образования, расширения форм повышения квалификации, дистанционных курсов и т. д.;
- формирования пакета «гибких» учебных курсов (модулей), ориентированных на развитие сетевого взаимодействия вузов, системы дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. Библиотечно-информационная деятельность. Термины и определения. ГОСТ Р 7.0.107–2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view>
2. Григорькина Н. А. Кадровая политика библиотек: теоретический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 36. С. 41–45. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95600.htm>
3. Гусева Е. Н., Сухотина М. Л. Краткий отчет по результатам первого этапа анализа данных Всероссийского мониторинга кадровой потребности библиотечной сферы РГБ (2021–2022 гг.). [Электронный ресурс]. URL: docs.yandex.ru/docs/view?tm=1720183920&tld
4. Дзялошинская М. И., Дзялошинский И. М. От информационного сопровождения к информационному партнерству // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 4. С. 349–365.
5. Иванов Д. Д. Наука. Книга. Библиотека (Опыт теории научной библиотеки): в 5-ти вып. [Машинопись]. РГБ. Москва, 1974. 1510 с.
6. Каленов Н. Е., Цветкова В. А. Новые вызовы в библиотечно-информационном пространстве: современные кадры – забота самих библиотек // Библиотекосведение. 2017. Т. 66, № 5. С. 587–591.
7. Каленов Н. Е., Цветкова В. А. Основные направления развития научных библиотек на примере Библиотеки по естественным наукам РАН (БЕН РАН) // Научные библиотеки в информационном обществе: характер деятельности и пути развития. Казань: Медицина, 2016. С. 36–38.
8. Полтавская Е. И. Классификация библиотек на основе структурной систематизации // Научные и технические библиотеки. 2018. № 9. С. 106–121.
9. Скипор И. Л. Подготовка кадров для библиотечно-информационной сферы: приоритеты в условиях цифровизации, развитие кадрового потенциала библиотек Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Национальный проект «Культура», Федеральный проект «Творческие люди». Сборник научных статей. Кемерово 2021. С. 11–18.
10. Столяров Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. Москва: Книга, 1981. 255 с.
11. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 (29 февраля 2024). [Электронный ресурс]. URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/

*

Поступила в редакцию 25.06.2024

БИБЛИОТЕКА В РЯДУ АДАПТАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

УДК 378

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-196-204>

О. Б. Сладкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: olgasladkova2@mail.ru

Ю. Г. Панюкова

Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: apanukov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации студентов к образовательной среде университета как необходимого условия создания благоприятного пространства формирования профессиональных и социальных качеств личности. Трактовка проблемы учитывает сложный генезис процесса адаптации в его системном, деятельностном и личностном аспектах. Особенно выделяется роль библиотеки как адаптационного ресурса образовательной среды в приобретении студентами профессиональных и общекультурных компетенций. Описывается исследование, проведенное на выборке студентов 1 курса РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева и посвященное изучению представлений студентов о комфортной среде для подготовки курсового проекта. Учет представлений студентов о комфортной образовательной среде в организации пространства вуза будет способствовать успешному усвоению образовательной программы вуза, активизации творческой деятельности студентов, их успешному самоопределению и самореализации в профессии и в социуме в целом.

Ключевые слова: библиотека, адаптационные ресурсы, образовательная среда, информационные ресурсы, информационные технологии, университет, студенты.

Для цитирования: Сладкова О. Б., Панюкова Ю. Г. Библиотека в ряду адаптационных ресурсов образовательной среды // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 196–204. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-196-204>

СЛАДКОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА – доктор культурологии, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры

ПАНЮКОВА ЮЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА – доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева

SLADKOVA OLGA BORISOVNA – DSc in Cultural Studies, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture

PANYUKOVA YULIA GENNADIEVNA – DSc in Psychology, Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

© Сладкова О. Б., Панюкова Ю. Г., 2024

THE LIBRARY AS AN ADAPTIVE RESOURCE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Olga B. Sladkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: olgasladkova2@mail.ru

Yulia G. Panyukova

Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: apanukov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of students adaptation to educational environment as condition well-being in university for formation the professional and personal student's qualities. This is difficult process both systematic and active and personal approach. To solve this problem, the research of many modern teachers and psychologists is directed, noting the importance of both formalized and projective graphic methods for solving various research problems. The main idea of this article is to represent the role of the library as adaptation resources of educational environment to acquisition the professional and culture competences. There are described the results of investigation student's representation of students well-being educational environment in condition of coursework begins during the first year of learning in of Russian State Agrarian University.

Keywords: library, adaptation resources, information sources, educational environment, information technology, university, students.

For citation: Sladkova O. B., Panyukova Yu. G. The library as an adaptive resource in the educational environment. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 196–204. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-196-204>

Под адаптацией понимают процесс преодоления проблемных ситуаций, в ходе которого личность использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития и социализации навыки и механизмы поведения и открывает новые способы взаимодействия и решения задач [6]. На сложный генезис этого процесса указывают многие авторы [9; 11], подчеркивая комплексность мер, предлагаемых для его осуществления; эти меры носят системный, личностный, деятельностный характер. В такой трактовке для педагога особенно важно, что адаптация предполагает не только приспособление к успешному функционированию в среде, но психологическое, социальное и интеллектуальное развитие личности. Образовательная среда испытывает влияние двух противоположенных тенденций. С одной стороны, рынок труда усиливает конкуренцию и ответ-

ственность за качественный уровень профессиональной подготовки студентов. С другой стороны, нельзя не учитывать то обстоятельство, что немалое количество студентов учатся, не связывая свое пребывание в учебных заведениях с содержанием образования. Таким образом, закладываются противоречия, на которые указывают авторы [6; 13], между потребностями студента и возможностями вуза, между довузовской подготовленностью обучающегося и требованиями вуза, между необходимостью быстрой адаптации и отсутствием специальных мероприятий и т. д.

Такие противоречия с различной степенью успешности преодолеваются учебными заведениями с помощью привлечения разнообразных адаптационных ресурсов.

Психологические механизмы, источники и условия развития человека, согласно пози-

циям, выказанным в трудах Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина и других выдающихся психологов, определяются его деятельностью в социуме. У каждого индивида свой собственный путь, свои испытания и свой опыт, на чем акцентирует внимание Н. Н. Нечаев [7], указывая на двойственный характер деятельности в обществе. В этом процессе преодолевается заложенный априори конфликт между мотивом, которым руководствуется личность, и предметной операционно-технологической стороной деятельности. Поэтому адаптация человека предполагает, что, включаясь в деятельность, личность не всегда удовлетворяет реализацию своих собственных мотивов, и в целях адаптации нужно быть готовым к тому, чтобы изменить мотивы во имя целей деятельности. Этот аспект выделяют авторы Нечаев Н. Н., Пономарев А. В. и Осипчукова Е. В., Степаненко Е. В. [7; 9; 13], подчеркивая, что учитывать нужно реальный уровень и потенциал не только среды, но уровень и потенциал личности. При этом важно научить личность соотносить самооценку и уровень собственных притязаний с возможностью их реализации в социальной среде.

Предполагая вариативность мотиваций личности, некоторые авторы [2; 13] считают ведущим мотивом профессионального образования вовлечение студентов в дальнейшую трудовую деятельность. Следовательно, адаптационные ресурсы должны быть заложены в ходе освоения образовательных программ учебных заведений, в результате создания благоприятных условий прохождения практики, формирования уверенного в себе специалиста, способного качественно выполнять профессиональные обязанности. Требования организационной культуры, представлений о трудовом поведении, корпоративных нормах и ценностях, конкуренция в рыночных условиях не должны быть неожиданностью для молодого специалиста, поэтому профессиональная состоятельность неотрывна от формирования психологической устойчивости. Адаптация помогает преодолению стресса, который испытывает человек, попа-

дая в новую среду. В некоторых вузах разработаны специальные адаптивные программы [2], включающие информационный, коммуникационный, социально-интегративный и профессиональный аспекты, помогающие студентам усвоить нормы пребывания в образовательной среде.

В условиях современного общества на авансцену факторов, влияющих на все стороны жизни человека, выдвигаются информационные ресурсы и информационные технологии. Влияние феномена информации на личность исследовали многие ученые, в числе которых Сляднева Н. А., Лопатина Н. В. и другие [3; 12], подчеркивающие колоссальное противоречие между возможностями, открывающимися доступностью и многообразием информационных ресурсов, технологическими удобствами их использования, и угрозами, которые несет информационное общество. Важную роль в преодолении этого противоречия должны играть библиотеки – как медиаторы, помогающие будущему специалисту овладеть не только профессиональными знаниями, но и общекультурными компетенциями.

К сожалению, в представлениях студентов библиотека часто выступает как учреждение, в котором один раз в семестр получают учебную литературу и проводят образовательные семинары в рамках курса «Введение в профессию». Таким образом, знаниевый и общекультурный потенциал библиотеки часто остается неоцененным современными молодыми людьми. В то же время библиотека может не формально, а творчески участвовать в адаптационных процессах становления личности будущего специалиста, помогая вырабатывать стратегии информационного поведения, основанные на способности аналитически воспринять реальную обстановку, готовности к активному взаимодействию со средой, включаться в субкультурные образования, находить различные контакты для защиты собственных интересов.

Несомненно, что основная функция университетской библиотеки – способствовать

реализации учебных программ вуза, помощи в овладении профессиональными знаниями. Однако Розенфельд А. С. и Рямова К. А. [11] обращают внимание на то, что условием адаптации студентов является овладение общекультурными компетенциями, ориентированными на развитие нравственных и духовных качеств личности. В реализации этой задачи ведущая роль принадлежит библиотеке, проводящей литературные вечера, художественные выставки и другие мероприятия, расширяющие педагогическое пространство.

Большое значение взаимодействию в процессе деятельности придается языку и культуре [6; 7]; через эти инструменты происходит включение человека в определенное сообщество. Важно научить, как принято говорить и слушать в определенном культурном пространстве, ограниченном любыми рамками – будь то этнографические, возрастные, корпоративные, конфессиональные или другие признаки, через которые передаются и интерпретируются смыслы. Оперирование вербальным и невербальным запасом знаний может стать определяющим для адаптации будущего специалиста в коллективе, усложнить или облегчить этот процесс. В развитии речи студента (чтением, усвоением языковых практик) также проявляется прямая функция библиотеки.

Никто так эффективно не сможет помочь адаптации студентов, как сам человек, поэтому роль образовательной системы (и библиотеки – ее обязательного компонента) в том, чтобы научить студента учиться, самостоятельно приобретать знания и постоянно повышать уровень профессиональной квалификации [6].

Самостоятельным вектором в анализе адаптационных ресурсов образовательной среды является экопсихологический подход, который позволяет определить ресурсность образовательной среды в контексте особенностей взаимодействия субъекта с этой средой. Создание комфортной образовательной среды является актуальной задачей для специалистов различных областей. Архитекторы анализи-

руют модели организации пространственной среды, оперируя своими профессиональными критериями; специалисты в области дизайна интерьера исследуют вариации внутренней организаций помещений; эргономисты изучают соотношение параметров пространственно-предметной среды с антропометрическими данными человека. Их усилия, как правило, распространяются и на организацию библиотечного пространства. Вместе с тем мы солидарны с С. К. Нартовой-Бочавер [5], что тема психологического сопровождения организации образовательной среды, ориентированной на потребности человека, в отечественной психологии находится пока в начальной стадии.

Итак, социально-педагогическая адаптация является целостным процессом и обеспечивается высокой эффективностью воспитательной, учебной и другими видами совместной деятельности субъектов образовательной среды, в которой существенную роль может играть библиотека.

Материалы и методы

Данное исследование направлено на выяснение условий, которые студенты определяют как необходимые для реализации комфортной образовательной деятельности. В качестве «единицы» образовательной деятельности выступает «работа над курсовым проектом» по дисциплине, которая не предполагает создания специальных лабораторно-экспериментальных или производственных условий, а ориентирована на «классический», традиционный формат организации среды учебной деятельности. Методологической основой исследования является экопсихологический подход, в рамках которого особенности взаимодействия человека со средой рассматриваются как психологически релевантные. Теоретическая модель, положенная в основу исследования, была предложена Г. А. Ковалевым, а в дальнейшем дифференцирована в исследованиях В. И. Панова [8]. Согласно этой модели в структуру анализа образовательной среды включено три параметра: физический, ценностный и социаль-

ный. Каждый из них обладает определенными особенностями и оказывает соответствующее воздействие на психологическое функционирование субъекта данной среды. Цель данной статьи проследить возможности библиотеки включаться в реализацию этих параметров, наполняя каждый из них специфическим «контентом» с ориентацией на потребности субъектов образовательного пространства.

В качестве методического инструмента была использована графическая методика «Витаграмма» [14] и ассоциативный эксперимент. Респондентам предъявлялась инструкция «Графически изобразите элементы комфортной среды для выполнения курсового проекта». В качестве модели предъявлялся круг диаметром 10 см., в котором и предлагалось разместить элементы образовательной среды. Кроме того, респондентам предлагалось назвать любые слова, которыми респонденту хотелось бы описать данный элемент. Для обработки полученных данных был использован контент-анализ, в частности, процедуры выделения единиц анализа и единиц смысла.

Выборка составила 68 студентов 1-го курса РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева факультета агрономии и биотехнологий.

Результаты

В результате проведенного исследования были получены данные, позволившие выделить необходимые для анализа комфортной образовательной среды элементы/смыслы. Всего было выделено 12 информационных блоков, которые мы рассматривали как ранги – по очередности включения слов в описание комфортного рабочего пространства.

1. Описание вербальных единиц анализа, представленных респондентами в первом ранге элементов/смыслов. Всего было выделено 19 единиц анализа, которые встречались в описаниях субъектов: «тишина» (10), «стол» (9), «компьютер» (8), «спокойная обстановка» (4), «рабочее место» (4), «одиночество» (4), «удобный стул» (3), «окно» (2), «суть темы проекта» (2). Только однажды

были использованы «комфорт», «личное пространство», «обладание информацией», «литература», «уважительное отношение преподавателя», «источники», «кресло», «диван». Полученные данные позволяют получить образ комфортного образовательного пространства для выполнения курсового проекта: наиболее важным компонентом является «тишина», «наличие необходимой мебели» (стол и стул) и «компьютер» (ноутбук). Если соотнести эти данные с параметрами образовательной среды как социологической системы, то организация библиотечного пространства соответствует почти всем названным показателям, причем главный элемент – это тишина как обязательное условие для комфортного пространства всегда был характерен для библиотеки.

2. Описание вербальных единиц анализа, представленных респондентами во втором ранге элементов/смыслов. Всего было выделено 47 единиц анализа, из них аналогичных первому рангу: тишина (1), стол (7), компьютер (5), стул (4). Из новых единиц анализа появляются «лампа» (3), «свет» (2), «чай» (2). И далее единицы анализа, которые встречаются по одному разу: «обстоятельная рабочая атмосфера», «книги по теме», «оформление проекта», «госты», «выключенный телефон», «солнечная погода», «хорошее настроение», «наличие свободного времени, сил, средств», «инструктор», «благоприятная обстановка», «бодрость», «отсутствие других дел», «комфортная температура», «невозможность списывать», «интересная тема», «человек, который поддержит и поможет», «удобная одежда и мебель», «ручка», «необходимые материалы», «люди», «чистота и освещение», «силы», «книжная полка», «усидчивость», «диван» и др. Дальнейшее дифференцирование комфортной образовательной среды для выполнения курсового проекта связано с включением элементов «свет», «чай», несколько элементов, связанных с описанием настроения, необходимого для эффективной работы. Как видим, характерные для библиотеки элементы/смыслы встречаются и во втором ранге.

3. Описание вербальных единиц анализа, представленных респондентами в третьем ранге элементов/смыслов. Всего было выделено 44 единицы анализа, из них аналогичных первому и второму рангу: «тишина» (3), «стол» (9), «компьютер» (5), «стул» (1), «окно» (1), «одиночество» (2), «свет» (4): «приглушенный свет» (2) и «яркий свет» (2), «чай» (2). И далее единицы анализа, которые встречаются по одному разу: «сосредоточенность», «настроение», «пустая комната», «дневное время суток», «справедливое отношение к каждому», «отсутствие других дел», «человек, помогающий с исследованиями», «заинтересованность» и др. Организация работы студентов в библиотеке соответствует выделенным ими условий.

4. Описание вербальных единиц анализа, представленных респондентами в 4-м ранге элементов/смыслов. Всего было выделено 40 единиц анализа, из них много аналогичных тем, что уже встречались в предыдущих рангах: «компьютер» (5), «чай» (5), «стол» (5), «стул» (5), «тишина» (1) и др. К числу единиц анализа, которые встречались впервые в данном ранге, нами были отнесены следующие: «способность работать», «закрытая дверь», «хорошая погода», «наставник», «университет», «солнечные лучи» и др.

5. Описание вербальных единиц анализа, представленных респондентами в 5–12-м рангах элементов/смыслов. Далее мы объединили встречающиеся в описаниях респондентов единицы анализа комфортной образовательной среды, обозначив их как единицы анализа, представленные в периферийных рангах. Было обнаружено, что в 5-м и последующих рангах соответственно количество единиц анализа уменьшается: 41, 30, 22, 16, 13, 8, 6 и 3 – в последнем 12-м ранге. По качественному составу представленных единиц анализа можно отметить, что те единицы анализа, которые встречались в рангах 1 и 2, уже не встречались; были обнаружены повторения тех единиц анализа, которые встречались в 3-м и 4-м рангах, например, «наставник» (3), «хорошая погода» (4), «чай» (5). Впервые в данном ранге встречались такие единицы анализа, как

«понятное объяснение проекта», «отношение и мнение по теме проекта», «усталость», «цветок», «если на природе, то без людей», «вкусняшки», «быстрое перемещение между локациями», «помощь преподавателя», «уверенность в правильности», «четкий план проекта», «коллективное обсуждение проекта» и др.

В результате систематизации полученных вербальных единиц анализа были выделены следующие единицы смыслов в репрезентации комфортной образовательной среды:

- пространственно-предметная среда (47% единиц анализа),
- техника (9% единиц анализа),
- информационная среда (7% единиц анализа),
- звуки (7% единиц анализа), освещение (7% единиц анализа),
- психические состояния (7% единиц анализа),
- дидактические требования (6% единиц анализа),
- социальная среда (6% единиц анализа),
- время (2% единиц анализа),
- температура и качество воздуха (1% единиц анализа).

Анализ

Стабильная составляющая пространственно-предметной среды комфортной образовательной среды включает разнообразные вербальные единицы, характерные для библиотеки, хотя само понятие «библиотека» не встречается. В частности студенты большое значение придают мебели и другим деталям интерьера (35%), создающим комфорт образовательной среды: «стол», «стул», «удобное рабочее место» и так далее.

Следующим по количеству единиц анализа пространственно-предметного компонента репрезентации комфортной образовательной среды является элемент, который мы обозначили, как «информационная среда», куда входят «книги», «интернет», «справочные материалы», «источники информации», «учебная литература», «дополнительная литература», «лекции». Эта категория включает

24% вербальных единиц от общего количества и занимает следующее после мебели «место» в иерархии значимых для студентов элементов комфортного образовательного пространства для выполнения курсового проекта.

Третье место в системе элементов пространственно-предметной среды, комфортной для работы над курсовым проектом, занимают единицы анализа, обозначенные нами как «гастрономическая среда», то есть речь идет, преимущественно, о напитках: чай, кофе, вода, а также о том, что респонденты называют «вкусняшки», что в совокупности сопровождает процесс работы над курсовым проектом. Данный элемент пространственно-предметной среды составляет 15% от всех единиц анализа. Мы не можем сослаться на большое количество исследований, представленных в академических источниках, где бы «гастрономическая» потребность в контексте организации комфортной образовательной среды являлась бы предметом научного исследования. Пожалуй, единственным источником, в котором приводится важность удовлетворения указанной потребности, это обоснование положения о том, что возможность для студентов приносить в библиотеку свою еду и напитки является важным фактором, влияющим на посещаемость библиотеки. Противоположный эффект наблюдается в ситуации, когда правила, регламентирующие поведение человека в библиотеке, запрещают ему использовать еду и напитки [1].

Еще одна категория анализа комфортной образовательной среды – это описание среды для выполнения курсового проекта как некоторого места, которое характеризуется следующими дескрипторами: «спокойная обстановка», «личное пространство», «рабочая обстановка» и т. д. Данный элемент аккумулирует представления о «месте» как конструкте, который используется в экопсихологических исследованиях для обозначения наделяния пространства субъективно значимыми для человека характеристиками, посредством чего окружающее человека пространство становится «средой», «местом». Данная категория

включает 14% единиц анализа от общего количества, а частота их использования респондентами выглядит следующим образом: «дом», «порядок», «спокойная обстановка», «тишина», «выбор места, где сидеть» и «быстрота перемещения между локациями».

Самостоятельной категорией анализа в системе представлений о комфортной образовательной среде стала категория «природная среда» (7% от общего количества единиц анализа). Главным элементом «природной среды», необходимым для комфортного образовательного пространства, по мнению респондентов, являются «растения», «вид из окна».

Отдельной категорией комфортной образовательной среды является социальное окружение (3%): «люди», «коллективное обсуждение», «общение с друзьями и семьей», «люди, занятые учебой или работой», «человек, помогающий с исследованием», «человек, который поддержит и поможет», «кто-то, кто может подсказать», «компания для работы», «наставник», «один в комнате», «без людей на природе», «не должно быть посторонних», «уважительное отношение преподавателя», «помощь преподавателя», «справедливое отношение к каждому».

Следующая категория – «время» (3%): «удобный график», «строго отведенное время», «отсутствие других дел», «наличие свободного времени».

Последним элементом в системе представлений студентов о комфортном образовательном пространстве для выполнения курсового проекта (2%) является элемент «одежда». Данный элемент практически не дифференцируется, единственным нюансом является вербальная единица «удобная одежда».

Общий анализ проблемы адаптационных ресурсов образовательной среды с точки зрения теоретической отрефлексированности феномена позволил выделить несколько подходов, в рамках которых определяются как содержание адаптационного ресурса образовательной среды, так и процессуальные его особенности. А также были выделены факторы

(социальные, культурологические, педагогические, психологические и др.), в разной степени детерминирующие особенности процесса адаптации студентов в образовательной среде вуза.

В системе представлений студентов о комфортной образовательной среде выделено несколько самостоятельных структурных компонентов, содержание которых связано с требованиями, ориентированными на удовлетворение различных потребностей. Эти потребности выражались через дифференцированные смысловые единицы.

Анализ смысловых единиц показал, что многие из них (во всех изученных направлениях – физическом, ценностном, социальном) характерны для организации учебной работы и внеучебных мероприятий университетской библиотеки. Вместе с тем понятие «библи-

отека» не называлось студентами первого курса в ряду терминов, соответствующих их представлению о комфортном рабочем пространстве. Таким образом, можно сделать вывод о том, что библиотека не в полной мере использует имеющийся у нее знаниевый и социокультурный потенциал в работе со студентами (особенно первого курса).

Данные, полученные в результате проведенного исследования (а также результаты будущих исследований), позволят библиотеке занять значимое место в организации образовательной среды вуза. Вузовская библиотека может приобрести достойное место в представлении студентов о благоприятных условиях для адаптации в образовательном пространстве и в будущей профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Исаева Н. В., Борисова Л. В.* Сравнительный анализ национальных политик по развитию кампусов исследовательских университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 6. С. 2–15.
2. *Красавина Е. В., Забайкина Ю. В., Харламов М. Ф.* Производственная адаптация молодых специалистов в учреждениях социальной защиты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 9 (6–1). С. 125–137.
3. *Лопатина Н. В.* Библиографическая профессия: перспективы развития в цифровом мире // Научные и технические библиотека. 2021. № 10. С. 29–44.
4. *Мальшиев И. В., Ручин В. А.* Взаимосвязь социальной компетентности и адаптационных возможностей личности студентов разных специальностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. № 5. С. 355–361.
5. *Нартова-Бочавер С. К.* Физическая школьная среда как предиктор здоровья и благополучия субъектов образовательного процесса (обзор зарубежных исследований) // Клиническая и специальная психология. 2012. № 1. С. 2–15.
6. *Нежелская Г. Н.* Адаптация студентов к образовательной среде профессиональной высшей школы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2012. № 79 (2). С. 163–167.
7. *Нечаев Н. Н.* Категория развития как основа психолого-педагогических исследований образования // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 3, С. 57–66.
8. *Панов В. И.* Психодидактика образовательных систем: теория и практика. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 346 с.
9. *Пономарев А. В., Осипчукова Е. В.* Адаптация студентов первого курса к системе высшего профессионального образования: от теории к практике // Образование и наука. 2007. № 1 (43). С. 42–50.
10. *Преображенская Е. В., Черняева Т. Н.* Успешность социально-психологической адаптации учащихся в зависимости от образовательной среды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. № 5. С. 371–375.

11. Розенфельд А. С., Рямова К. А. Некоторые аспекты социально-педагогической адаптации студентов первокурсников к образовательной среде вуза // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2007. № 6 (166). С. 200–205.
12. Сляднева Н. А. Информационные ресурсы и информационном обществе: онтологический статус и методология // Информационные ресурсы России. 2009. № 1. С. 8–13.
13. Степаненко Е. В. Образовательная среда как системообразующая основа социальной адаптации иностранных студентов // Научный вестник Московского технического университета гражданской авиации. Серия “Международная деятельность вузов”. 2005. № 94 (12). С. 100–105.
14. Шукова Г. В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов // Психологические исследования. 2014. № 7. [Электронный ресурс] URL: <http://www.timacad.conferences.science/>; <http://psystudy.ru/num/2014v7n33/938-shukova33.html>

*

Поступила в редакцию 14.06.2024

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 001.89

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-205-212>

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: dreitser@yandex.ru

Е. В. Динер

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Вятский государственный университет,
Киров, Российская Федерация,
e-mail: sautinalina@yandex.ru

Л. А. Мосунова

Вятский государственный университет,
Киров, Российская Федерация,
e-mail: lmosunova@hotmail.com

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, зав. кафедрой библиотечно-информационных наук, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

ДИНЕР ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры, Вятский государственный университет

МОСУНОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет

СЛАДКОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА – доктор культурологии, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры

LOPATINA NATALIA VIKTOROVNA – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, Honorary Worker of the Education Sphere of the Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

DINER ELENA VASILIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture, Vyatka State University

MOSUNOVA LYUDMILA ALEXANDROVNA – DSc in Psychology, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism and Integrated Communications, Vyatka State University

SLADKOVA OLGA BORISOVNA – DSc in Cultural Studies, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture

© Лопатина Н. В., Динер Е. В., Мосунова Л. А., Сладкова О. Б., 2024

О. Б. Сладкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: olgasladkova2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме расширения дисциплинарного поля исследований, традиционных для научной специальности 5.4.10 Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение, обоснованию возможности изучения актуальных научных задач книжной культуры в рамках педагогического дискурса. Базируясь на результатах проведённого теоретического исследования, авторы предлагают в качестве концептуальной основы изучения таких научных направлений антропологический подход, позволяющий рассмотреть книжную культуру в системе современных наук об образовании и педагогических практик. В статье предложены магистральные направления педагогических исследований книжной культуры, связанные с изучением культуры книги, культуры её распространения, культуры чтения. Особое внимание авторы обращают на изучение проблемы формирования и проектирования кадрового потенциала для отраслей, связанных с книжной культурой. В этом контексте доказана действенность модульного подхода к организации образовательного процесса, который даёт возможность реализовать принципы системности и преемственности в содержании обучения и формировать понимание эволюционного характера развития социальных коммуникаций и их объектов. В заключение статьи делается вывод о высоком научно-исследовательском потенциале книжной культуры в рамках образовательных и педагогических дисциплин и отмечено содействие таких исследований развитию научной специальности 5.4.10.

Ключевые слова: библиотечное дело, библиографоведение и книговедение, книжная культура, педагогический дискурс изучения проблем книжной культуры, антропологический подход, направления исследования книжной культуры, книговедческая подготовка.

Для цитирования: Лопатина Н. В., Динер Е. В., Мосунова Л. А., Сладкова О. Б. Книжная культура в системе педагогических исследований // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4 (120). С. 205–212. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-205-212>

BOOK CULTURE IN THE SYSTEM OF PEDAGOGICAL RESEARCH

Natalia V. Lopatina

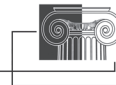
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: dreitsler@yandex.ru

Elena V. Diner

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation,
e-mail: sautinalina@yandex.ru

Lyudmila A. Mosunova

Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation,
e-mail: lmosunova@hotmail.com

Olga B. Sladkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: olgasladkova2@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of expanding the disciplinary field of research, traditional for the scientific specialty 5.4.10 Library science, bibliography and book studies, substantiating the possibility of studying current scientific problems of book culture within the framework of pedagogical discourse. Based on the results of the conducted theoretical research, the authors propose an anthropological approach as a conceptual basis for the study of such scientific areas, which allows us to consider book culture in the system of modern educational sciences and pedagogical practices. The article proposes the main directions of pedagogical research of book culture related to the study of the culture of the book, the culture of its dissemination, and the culture of reading. The authors pay special attention to the study of the problem of formation and design of human resources for industries related to book culture. In this context, the effectiveness of a modular approach to the organization of the educational process is proved, which makes it possible to implement the principles of consistency and continuity in the content of education and to form an understanding of the evolutionary nature of the development of social communications and their objects. In conclusion, the article concludes about the high research potential of book culture within the framework of educational and pedagogical disciplines and notes the contribution of such research to the development of a scientific specialty 5.4.10.

Keywords: library science, bibliography and book studies, book culture, pedagogical discourse of studying the problems of book culture, anthropological approach, directions of research of book culture, book training.

For citation: Lopatina N. V., Diner E. V., Mosunova L. A., Sladkova O. B. Book culture in the system of pedagogical research. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 205–212. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-205-212>

Введение изменений в номенклатуру научных специальностей возобновило действие научной специальности «Библиоковедение, библиографоведение и книговедение». Но какова жизнь этой специальности под новым шифром и на новых позициях в современной модели научного мира?

Первые полтора года работы показали, что количество диссертационных советов, жесткие требования экспертизы научных кадров требуют более прагматичного, нежели раньше, отношения ко многим вопросам и к определению тематики кандидатских и докторских исследований, исходя не столько из логики научного познания, сформировавшейся в библиоковедении, библиографоведении и книговедении, сколько из формального соответствия законам тех отраслей наук, к которым наша научная специальность приписана.

Кроме того, опыт работы под новым шифром дал возможность выявить ряд проблем, требующих решения на уровне паспор-

та научной специальности. К ним относятся: 1) отражение актуальных и перспективных направлений исследований в области библиоковедения, библиографоведения и книговедения; 2) установление объектного, предметного и тематического соответствия указанным отраслям науки, в том числе, распределение пунктов паспорта между отраслями наук; 3) выявление зон междисциплинарности внутри научной специальности как основы для сохранения суверенности каждой из составляющих триединой науки. Остроактуальным становится также вопрос о «внутренних границах» триединой научной специальности 5.10.4 и распределении научных задач по отраслям, по которым присуждается ученая степень.

В этой связи целесообразно говорить о расширении дисциплинарного поля исследований традиционных для нас объектов и выведении ряда актуальных научных задач в междисциплинарное поле. Поскольку более всего вопросов возникает по отноше-

нию к тому, что можно защищать в рамках научной специальности по педагогическим наукам, сегодня видится остроактуальным рассмотрение несколько нетипичного решения – возможности проведения книговедческих исследований не только в рамках исторических и филологических наук, но и в рамках наук педагогических.

Исходя из программного содержания отрасли наук, к которой приписана научная специальность «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» мы предположили, что новым направлением для педагогических исследований может стать книжная культура – одно из наиболее часто используемых в библиотечно-информационных науках понятий. С целью подтверждения этой гипотезы было проведено теоретическое исследование, цель которого – изучить целесообразность расширения дисциплинарного поля исследований книжной культуры и выведения ряда актуальных научных задач в междисциплинарное поле для решения важных вопросов теории и практики книжного дела в условиях цифровой экономики.

Результаты исследования показали, что в рамках педагогической направленности понятийный аппарат исследований книжной культуры должен базироваться на подходе, озвученном В. И. Васильевым, то есть на понимании этого термина как совокупности материальных и духовных достижений общества на определенном этапе развития, а также – раскрытии её структуры, включающей в себя «три комплексных системообразующих составляющих: культуру книги, культуру распространения книги в обществе, культуру чтения» [1].

Это вполне соотносится и с Паспортом научной специальности 5.10.4, который в настоящее время включает следующие позиции (номера соответствуют номеру пункта в Паспорте):

7. Культурологическая и информационная природа библиотечной, библиографической, книгоиздательской и книготорговой деятельности.

8. Книжная культура. Социальное и культурное значение книги, библиографии, библиотеки. Книга, библиотека, библиография в медиасистеме.

9. Книга как культурный феномен. Роль книги и книжного дела в развитии общества и культуры.

31. Библиопсихология. Библиотерапия.

32. Воспитательное воздействие книги, библиотеки, библиографии [10].

В контексте этих позиций педагогическую направленность изучения книжной культуры необходимо выстраивать на базе антропологического подхода, то есть в качестве приоритета изучения выходить на понятие «человек» и рассматривать книгу в системе отношений «человек – человек», «человек – общество», «общество прошлого и настоящего», поскольку книга как продукт материального и духовного творчества всегда несёт на себе отпечаток этих отношений – как на семантическом, синтаксическом, прагматическом, так и на материальном уровнях. С другой стороны, именно книга и чтение оказывают решающее воздействие на то, как выстроены эти отношения, регулируют их, так как находятся в основе освоения системы ценностей, типовых моделей поведения, ролей, которые играют люди. Именно здесь мы уходим в педагогические дискурсивные практики.

Для примера рассмотрим только один исследовательский аспект: культуру чтения. Специфика чтения как деятельности состоит в его формирующем и развивающем потенциале, в способности влиять на личностные характеристики, на мыслительные процессы, на систему компетенций, – и здесь однозначно видится педагогическая направленность. Но если мы посмотрим, как представлен этот аспект с Паспорте научной специальности, то увидим, что в педагогическом дискурсе книга рассматривается несколько упрощенно. В нём отражено воспитательное воздействие книги, но не представлен образовательный, знаниевый, развивающий аспекты. А если мы переместим этот аспект в чисто книговедческое исследовательское поле, то увидим, что

за пределы внимания выводится целый ряд интересных и актуальных вопросов, связанных, например, с развитием воображения, интеллектуальных аналитических операций, операций применения инструментов верификации информационных сообщений и т. д.

Для того, чтобы сделать первый шаг, мы предлагаем выявить и обсудить направления исследования книжной культуры в педагогических науках через сопряжение с перечнем актуальных тематик диссертационных исследований по педагогическим наукам, разработанным РАО в 2023 году. Документ имеет стратегический характер, выступая «ориентиром для соискателей ученой степени кандидата / доктора педагогических наук, их научных руководителей / научных консультантов при выборе темы диссертации, а также для формирования основных направлений научных исследований по специальности 5.4.10 Библиотековедение, библиографоведение и книговедение в организациях высшего образования и научных организациях» [9].

Первый опыт такого проектирования был предпринят Ю. П. Мелентьевой и Н. В. Лопатиной, в научных трудах которых представлена актуальная тематика диссертационных исследований по проблемам чтения в рамках названной научной специальности и доказана необходимость их междисциплинарной направленности [9]. Кроме того, исследование показало, что в системе предложенных РАО актуальных тематик содержатся интересные направления, позволяющие разрабатывать наукоемкую основу для государственной политики в области книгоиздания и книгораспространения. Например, можно обратить внимание на следующие позиции Паспорта научной специальности 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования:

«1.13. Развитие непрерывного образования. Взаимосвязь формального, неформального и информального образования» – в аспекте книги как инструмента самообразования, создания инфраструктуры самообразовательного чтения, педагогического проектирования «цифрового мира чтения».

«1.14. Педагогическое взаимодействие в информационно-образовательной, гибридной среде» – в аспекте разработки позиций и роли книги в образовательной медиасреде; проектирования цифровых платформ чтения для конкретных групп пользователей, в возрастном ракурсе; применения ИИ для создания научно-популярных и адаптированных произведений определенного целевого и читательского назначения».

«1.23. Теоретико-методологические проблемы проектирования и моделирования содержания образования» – в аспекте проектирования репертуаров чтения и книгоиздания в проекции актуальных задач социальной педагогики» [9].

Они не только свидетельствуют о значимости проблемы книжной культуры в решении вопросов педагогики и образования, но и подтверждают целесообразность привлечения междисциплинарного теоретико-методологического инструментария для педагогических исследований книжной культуры.

Магистральными направлениями таких исследований могут быть

- теоретические и прикладные инструменты изучения современного читателя как актора информационного мира, социальной роли читателя в условиях цифровых трансформаций, читательских практик, реализующихся в зоне пересечения традиционной и электронной книжных культур;
- разработка новых методик познания читателя и типовых моделей читательского поведения, сегментирования читательской аудитории, создаваемых на стыке психологии и педагогики, которые «имеют принципиальное значение для актуализации практик книжной индустрии»;
- формирование теоретико-педагогических оснований организации чтения в цифровой среде как инструмента целенаправленного влияния на читательскую деятельность личности;

- направленное развитие читательских практик и создание условий для реализации читательской активности, усиление дидактического и социально-педагогического потенциала экосистемы чтения, доступность информационных ресурсов и профессиональная помощь читателю со стороны институтов и организаций книжной культуры;
- стимулирование читательской активности, продвижение культуры чтения в повседневные практики населения; создание условий и инструментов регулирования читательских коммуникаций» и т. д. [6; 8, с. 289; 14].

Эти и другие направления исследования наглядно показывают, что рассматриваемые в русле антропологического подхода, проблемы цифровых трансформаций культуры книги, культуры распространения книги, культуры чтения, традиционных основ рекомендательной библиографии [16], изучаемые в рамках наук об образовании, создают концептуальную базу развития книжного дела в современных условиях.

Кроме того, в условиях современной медиасреды важнейшей становится проблема формирования и проектирования кадрового потенциала для отраслей, связанных с книжной культурой. К основным акторам, от качеств которых и зависит специфика книжной культуры определённой эпохи, принято относить автора, издателя, книготорговца, библиотекаря, библиографа, учёного-книговеда и читателя [5]. Устойчивая и организованная форма взаимодействия между этими акторами и есть основа книжной культуры как социального института. Эти взаимодействия – фундаментальны, неизменны по своей сущности и варьируются только в ситуативном воплощении. Они обязательно должны воспроизводиться, ибо как только они перестанут проявляться на новом витке спирали в новом образе, но с неизменной миссией – только тогда «покачнётся» здание книжной культуры. Воспроизводство кадров книжной культуры является важнейшей задачей

библиотечно-информационного образования и напрямую соотносится с педагогическими аспектами книжной культуры.

Анализ учебных планов российских вузов культуры показал, что всё зависит от того совокупного ожидаемого результата образования (компетентностной модели выпускника), на который ориентирован конкретный вуз и которому подчинён образовательный процесс. В статье «Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки» авторы отмечают скудную представленность книговедческих дисциплин в рабочих программах магистратуры по библиотечно-информационному образованию и их «локутный» характер [17]. Поэтому одной из актуальных исследовательских проблем становится формирование у будущего специалиста способности решать технологические и интеллектуальные задачи создания, анализа и экспертизы, организации, обращения в обществе информационных (в том числе, документных) ресурсов различных типов и видов.

Педагогическая идея, определяющая исследовательский фокус этого направления, находится в плоскости реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании и заключается в достижении системности и преемственности содержания обучения, в формировании понимания эволюционного характера развития социальных коммуникаций, единства природы книги и документа, традиционного и электронного документа, фундаментальности законов и механизмов создания и общественного обращения документа. В ракурсе педагогических наук и этого направления педагогических исследований книжной культуры мы не концентрируемся на проблемном комплексе, решаемом в продолжающейся дискуссии [4; 11; 13], но ставим вопрос о диалектике теоретического и практико-ориентированного направлений в формировании книговедческого знания, о логике «от общего к частному» в педагогическом проектировании подготовки

специалистов, связанных с книгой. Требуется доказательство в рамках теории и методологии профессионального образования эффективность педагогической концепции, ключевые позиции в которой занимает комплексная теория документа (документология), развиваемая Ю. Н. Столяровым [12; 15], Е. В. Динер [3] и другими авторами. Особое внимание необходимо и вопросам дидактики, поиска новых педагогических инструментов в книговедческой подготовке профильных специалистов, позволяющих выстроить трансфер теоретического знания в практики книжного

дела посредством создания условий для проектной деятельности [7].

Таким образом, комплекс проблем исследований книжной культуры в рамках наук об образовании широк и разнообразен. Расширение дисциплинарного поля исследований по этому направлению, их междисциплинарный характер, безусловно, будут содействовать развитию научной специальности, поскольку дадут ей возможность выйти на новый уровень решения задач, имеющих высокий уровень значимости для современной российской экономики.

Список литературы

1. Васильев В. И. Книжная культура в отечественной истории: теоретические и историко-книговедческие аспекты: дис... д-ра ист. наук. Москва, 2006.
2. Динер Е. В. Мультимедийные издания в библиотеке: принципы создания и алгоритмы разработки // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (114). С. 168–176.
3. Динер Е. В. Теоретико-методологические основы электронной книги как категории книговедения: монография. Киров: Старая Вятка, 2016. 188 с.
4. Добровольский В. В. К вопросу о новом названии курса «Документоведение» // Библиотечное дело – 2003: материалы VIII международной научной конференции. Москва, 2003. С. 88.
5. Лопатина Н. В. Книжная культура информационного общества // Культура: теория и практика. 2016. № 5. [Электронный ресурс] URL: <http://theoryofculture.ru>
6. Лопатина Н. В. Найдут ли место библиотечно-информационные исследования в новой структуре российской науки? // Культура: теория и практика: электронный научный журнал. 2020. № 2 (35). [Электронный ресурс] URL: <http://theoryofculture.ru/issues/113/1345/>
7. Лопатина Н. В., Булдина Г. И. Проектная деятельность в подготовке библиотечно-информационных специалистов // Двенадцатые Денисьевские чтения: материалы межрегиональной (с международным участием) научно-практической конференции по проблемам истории, теории и практики библиотечного дела, библиоковедения, библиографоведения и книговедения. Орёл. 2016. С. 189–194.
8. Лопатина Н. В. Актуальные вопросы научного изучения и социокультурного проектирования чтения в условиях цифровых трансформаций / Берковские чтения – 2021. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы VI Международной научной конференции, Гродно, 26–27 мая 2021 года. Москва: Наука, 2021. С. 285–290.
9. Мелентьева Ю. П., Лопатина Н. В. Актуальные тематики диссертационных исследований по проблемам чтения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 3(119). С. 151–158.
10. Паспорт научной специальности 5.4.10 Библиоковедение, библиографоведение и книговедение // Сайт Министерства образования Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://vak.minobrнауки.gov.ru/uploader/loader?type=17&name=92259542002&f=15269>

11. Соляник А. А. О соотношении книговедения, документоведения и документологии // Библиотечное дело – 2007: Современные технологии и ресурсы: материалы XII междунар. науч. конф. Москва, 2008. С. 46–49.
12. Столяров Ю. Н. О документологической подготовке бакалавров документно-коммуникационного профиля // Вестник ЧГАКИ. № 3 (15). 2008. С. 13–26.
13. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 73–78.
14. Столяров Ю. Н. О возможности сохранить библиотековедение, библиографоведение и книговедение в номенклатуре научных специальностей // Культура: теория и практика: электронный научный журнал. 2020. № 3 (36).
15. Столяров Ю. Н. Документология. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.
16. Трубников С. А. Литературная библиография как средство эстетического развития читателей: пособие по спецкурсу для студентов библиотечного факультета. Москва: Московский государственный институт культуры, 1970. 238 с.
17. Эляшев Д. А., Мутьев В. А. Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки // Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее: тезисы докладов всероссийской научной конференции «XXII Смирдинские чтения». Санкт-Петербург, 2022. С. 9–10.

*

Поступила в редакцию 24.06.2024

Типология книги и дефиниция понятия «книга»: состояние вопроса и направления решения (продолжение дискуссии)

УДК 002.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-213-221>

Е. В. Динер

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Вятский государственный университет,
Киров, Российская Федерация,
e-mail: sautinalina@yandex.ru

В. А. Цветкова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация;
Всероссийский институт научной и технической
информации Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация,
e-mail: vats08@mail.ru

Аннотация. В статье представлено обобщение результатов теоретического исследования проблемы типологии книги, направленного на выявление её существенных свойств и формулировку дефиниции категории «книга». В статье определяется актуальность поднятой темы не только для книговедения, но и для всех наук информационно-документационного цикла. На базе достижений филологии, документологии и традиционного книговедения, с опорой на специфику современной медиасреды, определяются подходы и методы к анализу книги, применение которых делает возможным построение типологической модели «книга», соответствующей требованиям цифрового общества. Для построения такой модели предлагается применять трансдисциплинарный подход, поскольку на его основе становится возможным заимствовать методы, используемые в рамках одной научной

ДИНЕР ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры, Вятский государственный университет

ЦВЕТКОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор технических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, Московский государственный институт культуры, Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук

DINER ELENA VASILIEVNA – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture, Vyatka State University

TSVETKOVA VALENTINA ALEKSEEVNA – DSc in Technical Sciences, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture; All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences

© Динер Е. В., Цветкова В. А., 2024

дисциплины, для изучения объекта неродственных научных дисциплин. Применение этого подхода позволило изучить систему книги на базе методов нечёткой логики. Это дало возможность установить типологические свойства книги, соответствующие современным реалиям информационной среды, и уточнить дефиницию понятия «книга». В статье отмечается дискуссионность результатов исследования и содержится приглашение к их обсуждению.

Ключевые слова: типологические свойства книги, дефиниция понятия «книга», книжная культура, документологический и трансдисциплинарный подходы к анализу книги, гипертекстуальность как типологическое свойство книги.

Для цитирования: Динер Е. В., Цветкова В. А. Типология книги и дефиниция понятия «книга»: состояние вопроса и направления решения (продолжение дискуссии) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 213–221. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-213-221>

BOOK TYPOLOGY AND DEFINITION OF THE CONCEPT «BOOK»: STATE OF THE ISSUE AND DIRECTION OF SOLUTION (DISCUSSION CONTINUED)

Elena V. Diner

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation,
e-mail: sautinalina@yandex.ru

Valentina A. Tsvetkova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation;
All-Russian Institute for Scientific and Technical
Information of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: vats08@mail.ru

Abstract. The article presents a generalization of the results of a theoretical study of the problem of book typology, aimed at identifying its essential properties and formulating the definition of the category “book”. The article determines the relevance of the topic raised not only for bibliography, but also for all sciences of the information and documentation cycle. Based on the achievements of philosophy, documentology and traditional bibliography, with reference to the specifics of the modern media environment, approaches and methods to the analysis of the book are determined, the use of which makes it possible to build a typological model of the “book” that meets the requirements of the digital society. To build such a model, it is proposed to use a transdisciplinary approach, since on its basis it becomes possible to borrow methods used within one scientific discipline to study the object of study of unrelated scientific disciplines. The use of this approach made it possible to study the book system based on fuzzy logic methods. This made it possible to establish the typological properties of the book, corresponding to the modern realities of the information environment, and to clarify the definition of the concept “book”. The article notes the controversial nature of the research results and contains an invitation to discuss them.

Keywords: typological properties of a book, definition of the concept “book”, book culture, documentary and transdisciplinary approaches to the analysis of a book, hypertextuality as a typological property of a book.

For citation: Diner E. V., Tsvetkova V. A. Book typology and definition of the concept «book»: state of the issue and direction of solution (discussion continued). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 213–221. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-213-221>

Цифровизация и глобализация коммуникационного пространства, распространение GPT-технологий в настоящее время оказывают всё более значительное влияние на процессы порождения и распространения информации, в том числе связанные с книгоизданием. Если ещё несколько лет назад одной из важнейших задач для книговедческого поля исследований было изучение электронной книги как категории книговедения, то в настоящее время цифровой книжный формат занимает прочные позиции на книжном рынке и уже не возникает сомнений в его принадлежности к системе книги. Одной из самых востребованных форм представления информации становится аудиокнига, а искусственный интеллект соперничает с авторами в продуцировании идей и создании уникального книжного текста.

В этих условиях «ломаются» многие стереотипы, характеризующие традиционный подход к определению понятия «книга»:

- а) содержание книги уже не является «неприкасаемым»; благодаря современным IT-технологиям, пользователь может изменить, например, сюжет произведения, самостоятельно иллюстрировать книжный текст и т. д.;
- б) категория «книга» не обладает таким качеством, как законченность содержательной составляющей, поскольку в цифровой книжный формат могут быть внесены изменения без его переиздания;
- в) далеко не все книги, бытующие, в интернет-среде, являются изданиями; достаточно вспомнить самиздат, который чаще всего не проходит редакционно-издательской подготовки, тем не менее, является востребованным сегментом книжного рынка.

Иными словами, пространство книги трансформируется пропорционально изменениям, происходящим в цифровом обществе, и в соответствии с этими изменениями. Результаты этой трансформации ежегодно демонстрирует отраслевой доклад «Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития», в котором явно отражается зависимость книгоиздательского процесса от условий современной медиасреды [11].

Все перечисленные факторы свидетельствуют о том, что проблема определения понятия «книга» по-прежнему остаётся остроактуальной для книговедения. Разнообразие документных форм, претендующих на определённое место в системе книги и функционирующих сегодня в социальном пространстве, настойчиво требует уточнения дефиниции термина «книга» и его возможной стандартизации. В этом контексте, с одной стороны, нельзя не согласиться с Р. Эскарпи в том, что книга, «как и всё живое» вообще, не может вписаться в жёсткие рамки дефиниции, с другой – нужно констатировать тот факт, что эта категория нуждается в концептуальном определении, поскольку «в современной коммуникационной системе её необходимо отличать от других объектов информации» [9, с. 20].

Последний аспект обусловлен не только необходимостью сохранения книжной культуры во всех существующих в настоящее время книжных форматах, но и тем, что «содержание базовой книговедческой категории «книга» – это проблема, имеющая мировоззренческий характер, а её решение определяет вектор дальнейшего развития таких научных дисциплин, как книговедение, библиотековедение, библиографоведение [1, с. 64].

В философской научной литературе проблема дефиниции понятий взаимосвязана с выявлением типологических свойств объекта, поскольку именно они являются базо-

выми для моделирования такого феномена, как «тип», и становятся основой содержания определения того или иного понятия [16, 22]. Необходимость использования типологического метода с целью анализа категории «книга» и характеристики её сущностных свойств была обоснована в трудах А. А. Беловицкой [4], а сам метод активно применялся в книговедении с конца 70-х годов прошлого столетия. Наиболее последовательно в теорию книги его внедрял А. А. Гречихин [6]. Однако нацеленность на решение узкокниговедческих задач по систематизации книжной продукции и некоторые противоречия, обусловленные различием понятий «типологизация» и «классификация», не позволили выстроить подлинно типологическую модель книги и выявить её сущностные характеристики. В результате в традиционном книговедении сложилось несколько подходов к определению понятия «книга»:

- а) описательный, согласно которому книга характеризовалась как «печатное непериодическое издание, объёмом не менее 49 страниц, не считая обложки»;
- б) функциональный, акцентирующий внимание на социальной значимости и функциях, выполняемых книгой в обществе;
- в) технологический, с позиции которого книга характеризуется прежде всего как издание;
- г) семиотический, определяющий книгу как знаковую систему.

Но ни один из них не стал базой для определения типологических свойств книги [8].

В 10-е годы XXI века на базе достижений в информатике и документологии в работах А. В. Соколова, Ю. Н. Столярова, Г. Н. Швецовы-Водки было обосновано положение о том, что книга может быть рассмотрена как частный случай документа [19; 20; 26]. В 2016 году автор статьи защитил докторскую диссертацию «Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории», в рамках которой анализ книги производился на основе

документологического подхода, а категория «книга» была рассмотрена как тип документа. В результате теоретического исследования был сделан вывод о том, что документологический подход не противоречит ни одному методу, применявшемуся когда-либо к анализу книги, и позволяет изучить её как научную категорию; также были определены следующие типологические характеристики книги:

- 1) объективированность в (на) любом, то есть вещественном или полевом, материальном носителе, выбор которого определяется его целевым назначением и читательским адресом книги;
- 2) с одной стороны – её духовно-деятельностный характер, с другой – наличие функционала быть хранилищем духовных и культурных ценностей;
- 3) социальная значимость книги, степень которой определяется функциональным аспектом;
- 4) свойство быть объектом хранения, выдачи, и/или объектом, имеющим финансовое выражение;
- 5) неаутентивность книги;
- 6) знаковый характер, выраженный преимущественно знаками-символами;
- 7) организованная структура и инфраструктура книги, характер которых, а также закономерности их взаимосвязи напрямую зависят от её социального назначения и читательского адреса;
- 8) поименованность и опубликованность книги, то есть существование во времени и пространстве в виде авторского произведения и/или издания [8, с. 191].

На базе этих свойств было сформулировано следующее определение понятия «книга»:

«Книга – это, как правило, неаутентивный опубликованный документ, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, объективированный в (на) любом материальном носителе, содержание которого выражено преимущественно знаками-символами; книга является продуктом духовного творчества человека и, как правило, содержит в себе социально значимую информацию.

В пространственно-временном континууме книга существует в виде авторского произведения и/или издания» [9, с. 152].

Вместе с тем в диссертации было отмечено, что категория «книга» как тип документа носит относительный, условный и конвенциональный характер, поэтому многочисленные попытки дать претендующую на универсальность дефиницию книги пока не привели к ожидаемому результату. Сформулированное определение также не может рассматриваться как окончательное. Поэтому, учитывая многообразие документных форматов, функционирующих в современной информационной среде, каждый раз и в каждом случае, когда возникает проблема отнесения того или иного коммуникационного объекта к книге, членам научного сообщества необходимо договариваться особо [8].

Эта дефиниция, а также утверждение о необходимости конвенционального подхода к анализу объектов, причисляемых к книге, вызвали в научном сообществе дискуссию. Большинство книговедов и библиотекосведов отметили, что по каждому конкретному объекту договориться будет сложно, а в некоторых случаях – невозможно. С этим, безусловно, можно согласиться, поскольку конвенциональный подход предполагает анализ мнений экспертов, которые могут быть сторонниками различных подходов к характеристике системы книги.

Кроме того, в ряде научных работ содержалась справедливая критика определения, сформулированного автором статьи. Так, Г. Н. Швецова-Водка, характеризуя проблему типологических построений в книговосведении как дискуссионную, отметила, что не все свойства книги, на которых строится дефиниция, являются типологическими. Например, таковым не могут считаться закреплённость на определённом носителе, социальная значимость книги, её духовно-деятельностный характер, существование книги в виде авторского произведения, так как любой документ, в том числе и книга, обладает этими свойствами [25]. Таким образом, в научной дискуссии были определены вопросы, тре-

бующие дальнейшего анализа, а также поиска новых методов исследования, адекватных современной научной парадигме.

Дальнейший научный поиск базировался, во-первых, на утверждении о том, что книга есть нечёткое множество объектов, объединённых некоторыми общими (сущностными) свойствами [8]; во-вторых, на положении, что изучение таких систем может быть осуществлено посредством трансдисциплинарного научного подхода, который предполагает изучение объекта «через, сквозь границы многих дисциплин, выходит за пределы конкретных дисциплин и характеризуется переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую» [12, с. 193–194]. Этим условиям полностью отвечают методы нечёткой логики, применяемые в различных научных сферах с целью исследования нечётких систем. Выбор этих методов объясняется и тем, что в настоящее время они используются для решения гуманитарных проблем в различных областях научного знания [5; 10; 17; 24].

В качестве основы процесса математического моделирования, предполагающего построение функции принадлежности нечёткого множества, выступили типологические свойства книги, представленные выше. Математические построения, необходимые для определения принадлежности электронных объектов к системе книги, осуществлялись на базе метода А. П. Ротштейна, в основе которого находится идея «распределения степени принадлежности элементов универсального множества согласно их рангам», что позволяет построить функцию принадлежности без решения характеристических уравнений [15].

Итоги математического моделирования дали возможность точно установить следующее:

- 1) к типологическим свойствам книги нельзя отнести закреплённость информации, содержащейся в книге, на определённом носителе, социальную значимость книги, её духовно-деятельностный характер, так как первый признак характерен для любого документа и не может быть отлич-

- тельным, а два других обладают высокой степенью относительности, что не позволяет им считаться сущностными свойствами книги; по этой причине они не были включены и в процесс математического моделирования;
- 2) при характеристике знаковой (сигнификативной, смысловоразличительной) составляющей книги необходимо учитывать тенденции развития современной книжной коммуникации, в которой всё чаще используется готовый визуальный образ и мультимедийность;
 - 3) необходимо уточнение формулировки такого свойства, как поименованность книги, наличие в ней авторского произведения.

На основании этого данное ранее определение термина «книга» было уточнено и сформулирована следующая дефиниция:

Книга – это, как правило, неаутентивный документ, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, содержание которого может быть выражено преимущественно знаками-символами или комплексной знаковой системой; книга является объектом хранения, выдачи, и/или объектом, имеющим финансовое выражение; во времени и пространстве она существует как опубликованный или обнародованный документ и/или издание, которое является поименованным, то есть имеет указание на имя/имена или псевдоним/псевдонимы физических либо юридических лиц, ответственных за содержание произведения.

Учитывая правила построения моделирующего феномена «тип», имеющиеся в научных работах по философии и логике [14; 22], можно утверждать, что тот или иной информационный объект принадлежит к системе «книги» в том случае, если у него имеется хотя бы один типологический признак, распространяемый на подавляющее большинство предметов, включённых в эту систему. Или этот объект обладает разным набором других типологических свойств. Поэтому дальнейшая работа по уточнению типологических свойств книги

велась в направлении поиска такого сущностного признака, которым может обладать подавляющее большинство объектов, принадлежащих к категории «книга».

Было сделано предположение, что таким свойством может считаться гипертекстовость, присущая каждому книжному объекту, но в разной степени. Эта гипотеза основывалась на определении понятия «гипертекст», которое в научных работах характеризуется, с одной стороны, как способ хранения информации и управления ею при помощи технических средств, как соединение смысловых структур с помощью компьютерной среды, где ключевым элементом является гиперссылка, организующая связь разноплановых потоков информации; с другой – как результат объединения отдельных текстов посредством ссылок. При этом крайне важна соотносимость отдельных смысловых частей друг с другом, дающая человеку возможность осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами [21; 23].

Опираясь на эти утверждения, мы сделали вывод о том, что гипертекст может характеризоваться как отражение идеи интертекстуальности, согласно которой традиционный текст – это часть обширного целого, и в этом целом тексты пересекаются по содержанию, продолжают друг друга, задают друг другу вопросы и отвечают на них [3, с. 38]. Поэтому в ряде научных трудов отмечается, что гипертекст – это не инновационная технология; он существует и в печатной книге, проявляясь в ассоциативных, смысловых связях, возникающих в сознании читателя в процессе восприятия информации [13; 18]. Конкретным выражением этих связей может считаться инфраструктура книги, включающая выходные сведения, оглавление (содержание), вспомогательные указатели, примечания, комментарии, библиографические списки, ссылки, сноски, перечни сокращений, приложения и так далее. Посредством этих элементов, в различной степени применяемых в книжном пространстве уже с древних времён, «реализуются конкретные интертекстуальные связи, позволяющие постичь содержание авторского произведения в более широком смыс-

ловом контексте. Можно предположить, что именно они играют роль своеобразных гиперссылок, участвующих в создании метатекста» [7].

Кроме того, основанием, подтверждающим выдвинутую гипотезу, могут служить некоторые исследования по лингвистическому анализу гипертекста. Так, в работах О. Баранова предлагается несколько категорий гипертекстуальности, классификация которых подтверждает наличие степени разветвлённости гипертекста, то есть степени гипертекстуальности в электронном тексте. К первой автор относит линейные, или одномерные, тексты со сравнительно небольшим количеством связей и ссылок; ко второй – произведения с различной степенью гипертекстовой углубленности и сильно разветвленными связями, в которых, тем не менее, четко прослеживается наличие основного тела текста; к третьей, согласно автору, принадлежат тексты с наиболее сложной системой ссылок, которая обязывает читателя участвовать в построении читаемого и придаёт процессу чтения интерактивный характер [2].

Это положение было распространено на печатную книгу в том смысле, что «наличие элементов инфраструктуры, в разной степени отражающих гипертекстовые связи и призванных расширить смысловое пространство текста, можно рассматривать «как исторически сложившееся свойство книги, в определённой степени представленное в подавляющем большинстве книжных объектов и повлиявшее на процесс эволюции книги. С развитием электронной коммуникации проявление этого свойства переходит на иной, более высокий, уровень, что создаёт условия для возникновения коренных трансформаций книжного пространства» [7].

Этот вывод даёт возможность включить свойство гипертекстуальности в дефиницию понятия «книга» как типологический признак, присущий подавляющему количеству книжных объектов. В результате определение категории «книга» может быть сформулировано следующим образом:

Книга – это, как правило, неаутентивный документ, обладающий определённой степенью гипертекстовости, имеющий организованную структуру и инфраструктуру, содержание которого может быть выражено преимущественно знаками-символами или комплексной знаковой системой; книга является объектом хранения, выдачи, и/или объектом, имеющим финансовое выражение; во времени и пространстве она существует как опубликованный или обнародованный документ и/или издание, которое является поименованным, то есть имеет указание на имя/имена или псевдоним/псевдонимы физических либо юридических лиц, ответственных за содержание произведения.

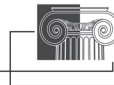
Безусловно, эта дефиниция, так же, как и предыдущие, является рабочей и требует серьёзного обсуждения. Однако в рамках дискуссии необходимо учесть, что под это определение подпадают многие цифровые информационные объекты, например, сайты, базы данных, мультимедийные объекты различного целевого назначения и так далее, что, в свою очередь, позволяет рассматривать их как книгу, а значит предъявлять к организации таких объектов требования книжной культуры. Такой подход обуславливает сохранение традиции книжности в компьютерной среде и может стать важнейшим фактором формирования культуры современного цифрового пространства.

Список литературы

1. Андреева О. В. Проблемы книговедения в современной профессиональной печати: терминология, типология, классификация, обязательный экземпляр: обзорная информация. Москва: Бук Чембэр Интернэшнл, 2013. 246 с.
2. Баранов О. Гипертекстовая субкультура // Знамя. 1997. № 7. С. 202–205.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. 445 с.

4. Беловицкая А. А. Система книговедческого метода // Книга и социальный прогресс. Москва, 1986. С. 131–139.
5. Вершинин М. И. Применение нечёткой логики в гуманитарных исследованиях // Библиосфера. 2007. № 4. С. 43–47.
6. Гречихин А. А. Библиотипология как научное направление. Особенности становления и развития в российском книговедении: монография. Москва: МГУП, 2004. 422 с.
7. Динер Е. В. Гипертекстуальность как типологическое свойство книги // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции. Москва, 2021. С. 123–128.
8. Динер Е. В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию электронной книги как книговедческой категории: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2016. 451 с.
9. Динер Е. В. Теоретико-методологические основы электронной книги как категории книговедения: монография. Киров: Старая Вятка, 2016. 188 с.
10. Казаченко Е. В., Фонов А. М. Структура экспертной системы проверки знаний по результатам тестирования. [Электронный ресурс]. URL: http://www.masters.donntu.edu.ua/2010/fknt/kazachenko/library/article_kazach.pdf
11. Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / под общ. ред. В. В. Григорьева. Москва, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/bookmarket-2023.pdf>
12. Князева Е. С. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник ТГПУ. 2011. № 10. С. 193–201.
13. Ковалева Н. Ф. Комментарии к тексту как лингвистический гипертекст: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 181 с. [Электронный ресурс]. URL: http://theoryofculture.ru/issues/2014_01/510/
14. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Наука, 1975. 720 с.
15. Куликов И. А., Динер Е. В. Специфика применения математического аппарата нечёткой логики с целью идентификации электронных книжных объектов // Научные и технические библиотеки. 2019. № 12. С. 100–119.
16. Москвитин А. Ю. Основные принципы типологии и их применение к анализу типологических проблем в социальном познании: дис. ... канд. филос. наук. Владивосток, 1999. 153 с.
17. Самойло И. В., Жуков Д. О. Информационные технологии в обеспечении нового качества высшего образования // Информационные технологии в обеспечении нового качества высшего образования: труды всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14–15 апреля 2010 г., Москва). Москва, 2010. С. 89–95.
18. Сляднева Н. А. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Художественный мир поэта и современная информационная среда: опережая эпоху // Культура: теория и практика: электронный научный журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://theoryofculture.ru/issues/2014_01/510/
19. Соколов А. В. Документология как метатеория документной коммуникации // Книга: исследования и материалы. Москва: Наука, 2009. Сб. 91. С. 43–50.
20. Столяров Ю. Н. Документология. Орёл: Горизонт, 2013. 370 с.
21. Субботин М. М. Гипертекст. Новая форма письменной коммуникации. Москва, 1994. 157 с.
22. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. Москва: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
23. Харгунт Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 3.

24. Чванова С. М. Проблемы использования экспертных систем в образовании // Вестник ТГУ. 2013. № 3. С. 39–47.
25. Швецова-Водка Г. Н. Дискуссионные вопросы определения и типологии книги // Берковские чтения – 2019. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы V международной научной конференции. Часть 2. Москва: Наука. 2019. 57 с.
26. Швецова-Водка Г. Н. Общая теория документа и книги: учебное пособие. Москва: Рыбари; Киев: Знания, 2009. 487 с.

*

Поступила в редакцию 28.06.2024

СОВРЕМЕННАЯ ПОДРОСТКОВАЯ КНИГА В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ПОКОЛЕНИЯ Z

УДК 82.09:82.161.1-93

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-222-229>

Л. А. Мосунова

Вятский государственный университет,

Киров, Российская Федерация,

e-mail: lmosunova@hotmail.com

Аннотация. Автор рассматривает актуальную проблему приобщения к чтению поколения Z. Несмотря на накопленный наукой в XIX–XX вв. опыт воспитания Читателя, новый исторический контекст требует поиска новых путей и средств нравственного воздействия через книгу на внутренний мир подростка. Автор утверждает, что современная подростковая книга способна удовлетворить читательские потребности нового поколения. На основе опросов учителей-словесников он анализирует круг чтения подростков, формируемый с помощью профессиональных экспертных комиссий литературных премий в области детско-юношеской литературы. В качестве примеров автор статьи характеризует книги лауреатов литературных премий – Ю. В. Варнаковой «Только ветер навстречу» (как пример обращения к ценностям патриотизма и гражданственности) и фантастическую повесть Л. А. Романовской «Сиблинги», формирующую образ будущего. Анализируются отзывы юных читателей о данных произведениях. Делается вывод о значительном духовно-нравственном потенциале современных детско-юношеских книг, которые поднимают проблемы, волнующие поколение Z.

Ключевые слова: современная подростковая книга, круг чтения подростков, Ю. В. Варнакова, Л. А. Романовская, поколение Z, литературные премии, ценностный потенциал книги.

Для цитирования: Мосунова Л. А. Современная подростковая книга в кругу чтения поколения Z // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 222–229. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-222-229>

A MODERN TEENAGE BOOK IN THE READING CIRCLE OF GENERATION Z

Lyudmila A. Mosunova

Vyatka State University,

Kirov, Russian Federation,

e-mail: lmosunova@hotmail.com

Abstract. The author considers the urgent problem of introducing generation Z to reading. Despite the experience of educating the Reader accumulated by science in the XIX–XX centuries, the new historical context requires the search for new ways and means of moral influence through the book on the inner world

МОСУНОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и интегрированных коммуникаций, Вятский государственный университет
MOSUNOVA LYUDMILA ALEXANDROVNA – DSc in Psychology, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism and Integrated Communications, Vyatka State University

© Мосунова Л. А., 2024

of a teenager. The author claims that a modern teenage book can satisfy the reader's needs of a new generation. Based on surveys of teachers of literature, he analyzes the reading circle of teenagers, formed with the help of professional expert commissions of literary prizes in the field of children's and youth literature. As examples, the author of the article characterizes the books of literary prize laureates: Y. V. Varnakova "Only the Wind towards" (as an example of appealing to the values of patriotism and citizenship) and the fantastic novel by L. A. Romanovskaya "Siblings", which forms the image of the future. The reviews of young readers about these works are analyzed. The conclusion is made about the significant spiritual and moral potential of modern children's and youth books, which raise issues of concern to generation Z.

Keywords: modern teenage book, the circle of reading teenagers, Y. V. Varnakova, L. A. Romanovskaya, generation Z, literary awards, the value potential of the book.

For citation: Mosunova L. A. A modern teenage book in the reading circle of generation Z. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 222–229. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-222-229>

Проблему приобщения подрастающего поколения к чтению можно отнести к разряду непреходящих. На протяжении десятилетий и даже столетий учёные, педагоги, книговеды, библиотекари, психологи, социологи заинтересованно обсуждают её в своих трудах. Меняются ракурсы рассмотрения, подходы, концепции, но неизменным остается понимание того, что новые поколения обязательно должны приобщаться к культуре чтения как важнейшему компоненту человеческой культуры в целом.

Еще в XIX–XX вв. выдающиеся учёные-филологи и педагоги Ф. И. Буслаев, В. И. Водозов, Н. О Корст, В. Я. Стоюнин, В. П. Шереметевский и другие были озабочены кругом чтения молодых людей и предлагали глубокие и эвристические решения проблемы воспитания Читателя [7]. Неслучайно крупнейшие труды этих авторов активно переиздаются, размещаются в коллекциях электронных библиотек, изучаются специалистами [2; 17]. Их идеи и сегодня, в новом историческом контексте, могут служить надежным фундаментом формирования круга чтения подростков [4; 18].

И в настоящее время заслуживают внимания своей глубиной и основательностью работы Я. С. Билинкиса [1], В. В. Голубкова [5], М. А. Рыбниковой [15], Н. М. Соколова [16]. Эти и многие другие учёные внесли в арсенал педагогов-словесников богатей-

ший спектр методов и приёмов работы с художественной книгой, не теряющих своей эффективности на протяжении многих десятилетий.

Вместе с тем общепризнанным является тот факт, что цифровая эпоха внесла кардинальные изменения в культурный комплекс «человек – книга» [9; 11]. В условиях его трансформации возникает острая необходимость поиска путей и средств приобщения к чтению поколения Z, «родившегося со смартфоном в руках». О рисках получения легкодоступной информации исключительно в электронном виде мы писали в предыдущих работах, к которым отсылаем заинтересованного читателя [6; 12].

Цель данной статьи – проанализировать круг чтения подростков с точки зрения духовно-нравственного потенциала современных детско-юношеских книг.

Опрос учителей-словесников г. Кирова и области, проведенный нами в 2023 году на базе Института развития образования Кировской области в рамках творческой лаборатории «Современная детско-юношеская литература как фактор формирования национальной культурной идентичности» показал, что современная детская книга активно входит в круг читательского интереса подростков.

В опросе приняло участие 32 педагога, 19 из них преподают в городских школах, 13 – в сельских, в том числе малокомплект-

ных; средний стаж – 25 лет, средний возраст – 48 лет. Важно подчеркнуть уровень профессионализма респондентов: 1 учитель – кандидат педагогических наук, 1 – окончил аспирантуру при ВятГУ по проблеме современной литературы для подростков, 22 человека имеют высшую квалификационную категорию, 10 – учителя 1-й категории. Отсюда следует, что в опросе учитывался опыт не просто квалифицированных читателей-филологов, но успешных в преподавании русской словесности учителей.

Все они отмечают, что в кругу чтения подростков именно современная книга выходит на первый план, оттесняя программную классическую литературу. Подростки, говорят педагоги, хотят узнавать себя в героях книг, видеть реалии окружающего их мира, переживать актуальные для поколения Z проблемы. Эти читательские потребности вполне естественны, и их удовлетворение позволяет приобщать молодое поколение к книжной культуре. Неслучайно государство поддерживает авторов, пишущих для детей, разрабатывает проекты по поддержке российских писателей в создании современной детской книги.

Респонденты показали, что ориентиром в выборе книг для внеклассного чтения часто служат многочисленные литературные премии в области современной детской и юношеской литературы. Среди самых авторитетных премий словесники назвали международную литературную премию имени П. П. Ершова; международную детскую литературную премию имени В. П. Крапивина; международную литературную премию в области литературного творчества для детей «Алиса»; премию Президента в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества; международную премию имени Сергея Михалкова; всероссийскую литературную премию для детских литераторов имени С. Я. Маршака; национальную премию в области детской и подростковой литературы и др.

По мнению учителей литературы, многие современные книги для подростков обладают серьезным нравственным потенциалом.

Современные детские писатели затрагивают острые проблемы настоящего времени, такие, как взаимоотношения между сверстниками и взрослыми, борьбы с самим собой, ослабления родственных связей между людьми и разрушения семьи; ослабления духовной связи поколений и др.

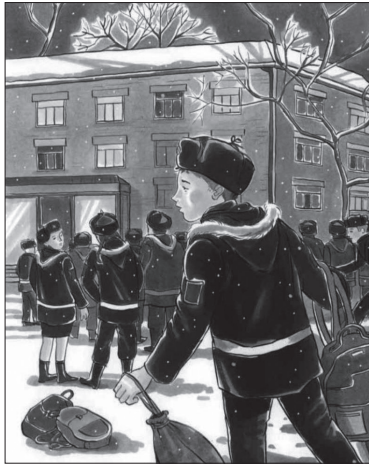
В качестве примеров книг, глубоко и позитивно воздействующих на молодое поколение, назывались произведения Ю. А. Варнаковой «Только ветер навстречу», И. Б. Даниловой «Платформа 0», О. В. Замятиной «Роман с читателем», Л. А. Романовской «Сиблинги», Н. А. Шицкой «Пелена» и др.¹.

Остановимся подробнее на характеристике двух из них, учитывая остро актуальную проблематику и ценностный потенциал данных произведений.

Обращение к ценностям патриотизма и гражданственности составляет лейтмотив повести Ю. А. Варнаковой «Только ветер навстречу» [3].

Юлия Александровна Варнакова – писатель и иллюстратор детских книг, член Союза детских и юношеских писателей. Интересно, что в 2022 году Юлия Варнакова впервые решила принять участие в литературном конкурсе, и неожиданно для автора рукопись её повести «Только ветер навстречу» победила в номинации «Выбор детского жюри» Международной детской литературной премии имени В. П. Крапивина. Произведение высоко оценили дети из легендарного отряда «Каравелла», созданного в 1961 году самим Владиславом Крапивинным. Уже на следующий день после объявления результатов конкурса писательница заключила договор с издательством «Детская и юношеская книга». Повесть вышла в июне 2023 года и была представлена на стенде издательства во время проведения книжного фестиваля «Красная площадь». Иллюстрации к ней сделала сама писательница (см. рисунки).

¹ Заслуживает внимания и осмысления тот факт, что 98% авторов современных книг для подростков – женщины, причем, как правило, молодые.

«Только ветер навстречу» – повесть о мальчике Мише Кутузове, который поступает в кадетскую школу и находит там новых друзей. Кадетская школа – место, где Миша учится не только военному делу, но и дисциплине, самостоятельности, духу команды. Читатель видит мир глазами подростка, который сталкивается с новыми правилами, трудностями и испытаниями. Повесть помогает понять, как формируется характер, как человек учится ответственности и дружбе. По словам Юлии Варнаковой, человек, вдохновивший на создание этого произведения, – её сын, который тоже является кадетом. Кроме того, в предисловии от автора сообщается, что писательница восторгается военными ещё с детства; она с теплотой говорит о своём отце-офицере.

Повесть Ю. А. Варнаковой воспитывает важные духовно-нравственные ценности, в первую очередь, патриотизм. Кадетская школа – это место, где формируется патриотическое сознание. Миша учится уважать историю своей страны, её традиции и героев. Повесть может стать отправной точкой для обсуждения исторических событий, знаменитых героев и их вклада в развитие страны. У читателя возникает понимание важности традиций, передающихся из поколения в поколение: в книге показана жизнь в кадетской школе, где существуют свои правила, традиции и особенности обучения. Это может стать импульсом для обсуждения традиций своей семьи, школы, своего города и страны.

Понятие гражданственности формируется в результате готовности нести ответственность не только за себя, но и за других людей. Повесть показывает, как Миша Кутузов меняется под влиянием кадетской школы, учится дисциплине, ответственности за свои поступки и за коллектив. У подростков складывается представление, что быть кадетом – это не только ношение формы, но и готовность выполнять долг, быть полезным обществу, быть гражданином.

Отметим, что главный герой повести Миша Кутузов – убедительный образец нравственного человека, что делает повесть поу-

чительной и вдохновляющей для подростков. Не случайно в отзывах о книге читатели пишут: «Мне бы хотелось иметь такого друга. У него есть чему поучиться»; «Мне бы хотелось попробовать учиться в кадетской школе из-за той дружбы, которая есть у ребят в классе»; «Чтобы стать настоящим кадетом, мало вызубрить Устав и начистить берцы. Главное – быть готовым отвечать за свои поступки. А это то необходимое качество, которое помогает служить людям»; «Мне эта книга понравилась тем, что она учит самостоятельности, смелости. И самое главное, эта книга говорит: героем может стать каждый» и т. п. (Материалы представлены учителями-словесниками).

Ценностно-смысловой анализ содержания позволяет сделать вывод, что «Только ветер навстречу» – это книга, которая может помочь юным читателям понять важность гражданской позиции, ответственности, патриотизма и дружбы. Такое произведение о детстве, о взрослении, о поиске своего пути в жизни ценно для воспитания гражданина [10]. Повесть наполнена добротой, мудростью и надеждой.

Другой пример современной книги из круга чтения поколения Z – повесть Ларисы Андреевны Романовской «Сиблинги» [14]. Пример интересен тем, что книга написана в жанре фантастики. Жанр фэнтези и фантастики вызывает неизменный интерес у читателей разных поколений, поэтому обращение к современной фантастической детской книге неслучайно; она может помочь формированию у юных читателей позитивного образа будущего. Кроме того, жанр фантастики особо популярен у подростков и занимает главное место среди их литературных предпочтений. Данный жанр родился из мечты человека об удивительных научных и технических открытиях, которые могут изменить жизнь человека, поэтому на первом месте в фантастике наука и техника. Именно они делают возможным преобразование реальности, открытие новых миров и удивительных способностей человека в будущем.

Исследование, проведённое нашим магистрантом в декабре 2023 года в МБОУСОШ с УИОП № 51 г. Кирова среди учеников 7-х классов, выявило, что подростки, отвечая на вопрос «Каким вы представляете будущее через 50–100 лет?», давали следующие ответы: 1) в будущем появятся роботы (38%); 2) появятся сильно развитые технологии (26%); 3) появятся телепорты (14%); 4) люди станут добрее друг к другу (14%); 5) наступит апокалипсис (4%).

На вопрос «Какие ценности останутся в будущем?» школьники дали такие ответы: 1) сотрудничество и взаимопомощь (38%); 2) ценность знания и образования (21%); 3) уважение (19%); 4) честность (19%); 5) равноправие (13%). Выбор таких ценностей подростки аргументировали тем, что эти ценности могут быть сохранены и развиты в будущем благодаря усилиям общества в целом и каждого человека в частности. Они служат основой для построения гармоничного и процветающего общества, основанного на уважении, справедливости и заботе о других.

Проанализировав данные, мы пришли к выводу, что в информационном обществе для духовно-нравственного воспитания подростков большое значение имеет формирование их представлений о будущем. Именно в подростковом возрасте на первый план выходят такие ценности, как коллективизм, взаимопомощь, дружба, поддержка, так как в этом возрасте ведущей деятельностью является интимно-личностное общение со сверстниками. Обращение к данным ценностям в фантастической подростковой книге играет важную роль в духовно-нравственном воспитании молодого поколения [2]. Нельзя не отметить, что ориентация на будущее у подростков, в первую очередь, связана с восприятием себя, которое изменяется в процессе его социализации.

Л. А. Романовская – автор подростковых повестей, романов и сказок, семикратный финалист и лауреат Конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру» [8], лауреат конкурса «Новая детская книга». Еще до того, как пойти в школу, она написала своё первое стихотворение, посвятив его памяти

Владимира Высоцкого. Писала стихи, длинные сочинения и читала книги из домашней библиотеки своей учительницы литературы. В 2017 году её повесть «Сиблинги» победила в литературном конкурсе «Книгуру», в котором окончательное решение принимают подростки с 10 до 17 лет. Повесть «Сиблинги» сравнивают с такими книгами, как «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, фильмом «Гостя из будущего» по циклу Кира Булычёва об Алисе Селезнёвой и другими культовыми произведениями фантастики поколения 1970–1980-х годов.

В глаза сразу бросается название «Сиблинги». Кто это такие? Приведем цитату из текста повести: *«Когда у родителей только сыновья, одни мальчишки, то они друг другу братья. Когда девочки, то сёстры. А когда те и другие? Если одним словом? Тогда – сиблинги, вот как»* [14]. Книга повествует о том, как девятерых детей отправляют на искусственную планету за миг до их собственной катастрофы, чтобы научить защищать от похожих катастроф уже чужое прошлое. Запрет здесь только один: вмешиваться в собственную судьбу нельзя.

После прочтения и обсуждения книги семиклассники написали отзывы о повести, которые по главной мысли условно можно объединить в три группы.

Факты, полученные в результате анализа отзывов, говорят о том, что большая часть юных читателей отметила в качестве достоинства динамичный сюжет произведения, где главные герои оказываются в различных обстоятельствах, с помощью которых раскрывается их характер и их взаимоотношения. Но главное, что увидели подростки в книге, – это какие качества человека в будущем станут цениться больше, чем сейчас: взаимопомощь, умение дружить, ответственность за свой выбор.

Другая часть высказала мнение о том, что автор в данной повести поднимает серьезные проблемы, которые актуальны как в современном мире, так и будут актуальны в будущем. Ученики назвали такие проблемы, как ценность семьи и дружбы, проблема

самоопределения, проблема ответственности за собственное будущее, значимость сочувствия и взаимопомощи.

Третья часть высказалась о том, что при всей фантастичности сюжета в произведении ярко выражены характеры героев. Читателям было интересно наблюдать за каждым сиблингом, который оказался на планете, столкнувшись с несчастливой судьбой: «Сиблинги – почти супергерои, могут летать туда-сюда и изменять прошлое, только не свое». Ученики отметили, что в процессе чтения они успели привязаться к героям, посочувствовать им, «таким крутым, но невезучим».

На вопрос, порекомендовали ли бы вы эту книгу друзьям для прочтения, все испытуемые дали положительный ответ. Кроме того, некоторые ученики отметили, что, прочитав повесть «Сиблинги», они стали по-иному смотреть на некоторые вещи, в том числе на те, которые касаются их поведения с одноклассниками. Другие высказали свою точку зрения о том, что найти настоящих друзей сейчас очень сложно, поэтому они поняли, насколько важно иметь настоящего друга и самому быть, а не казаться, настоящим другом. Изменения, происходящие во внутреннем мире читателя, свидетельствуют о чтении как состоявшейся коммуникации с автором произведения [13].

Таким образом, подводя итоги статьи, подчеркнем главные выводы:

- 1) современная подростковая книга, входящая в круг чтения поколения Z, обладает значительным нравственным потенциалом;
- 2) приоритет в круге чтения подростков сегодня занимает современная литература, оттесняя на второй план литературу классическую, поэтому государственная поддержка авторов, пишущих для детей, важна и своевременна;
- 3) современные детские писатели затрагивают серьезные проблемы сегодняшней жизни, такие, как взаимоотношения между сверстниками и взрослыми, борьба с самим собой, ослабление родственных связей между людьми и разрушение семьи; они касаются также подлинного патриотизма и гражданственности;
- 4) литературные премии в области современной детской и юношеской литературы, способствуя организации экспертной оценки произведения профессиональным сообществом, служат надежным ориентиром в мире подростковых книг.

Список литературы

1. Билинкис Я. С. Русская классика и изучение литературы в школе: Кн. для учителя. Москва: Просвещение, 1986. 207 с.
2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Москва: Юрайт, 2024. 266 с.
3. Варнакова Ю. В. Только ветер навстречу: повесть. Москва: Детская и юношеская книга, 2023. 95 с.
4. Водовозов В. И. Избранные педагогические сочинения. Москва: Педагогика, 1986. 480 с.
5. Голубков В. В. Методика преподавания литературы. Москва: Учпедгиз, 1962. 495 с.
6. Динер Е. В., Мосунова Л. А. Развитие воображения в процессе чтения электронной книги // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 34–48.
7. Корст Н. О. Очерки по методике анализа художественных произведений. Москва: Учпедгиз, 1963. 280 с.
8. Лауреаты премии «Книгуру». [Электронный ресурс]. URL: <http://kniguru.info/laureaty>
9. Мелентьева Ю. П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения // Библиотечное дело. 2006. № 10. С. 2–6.

10. *Михеева Н. Н., Мосунова Л. А.* Роль современной детско-юношеской книги в духовно-нравственном воспитании молодого поколения // Гражданско-патриотическое воспитание и просвещение: национальные стратегии и мировые образовательные практики: сборник материалов международной научно-методической конференции в честь 200-летия со дня рождения учёного, педагога и гражданина К. Д. Ушинского. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2023. С. 120–125. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59620887>
11. *Мосунова Л. А.* Принципы читательского развития в условиях трансформации культурного комплекса «человек – книга» // Доклады научного совета по проблемам чтения РАО. Москва: Наука, 2020. С. 49–55.
12. *Мосунова Л. А.* Риски цифровизации образования // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2020. № 7. С. 14–18.
13. *Мосунова Л. А.* Чтение как потребление // Берковские чтения – 2019. Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы V Международной научной конференции. Москва: Наука, 2019. С. 342–346.
14. *Романовская Л. А.* Сиблинги. Москва: Самокат. 2019. 53 с.
15. *Рыбникова М. А.* Избранные труды. Москва: АПН РСФСР, 1958. 610 с.
16. *Соколов Н. М.* Изучение литературных произведений в школе. Москва – Ленинград: Госиздат, 1928. 160 с.
17. *Стоюнин В. Я.* Избранные педагогические сочинения. Москва: Педагогика, 1991. 367 с.
18. *Шереметевский В. П.* Сочинения Вл. П. Шереметевского. Москва: Комиссия преподавателей русского языка при Учебном отделении Общества распространения технических знаний, 1897. 330 с.

*

Поступила в редакцию 20.06.2024

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объем статьи составляет от 20 000 до 40 000 знаков, включая пробелы и список литературы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 10 и не более 30. References не требуются.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);
 - б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес;
 - в) обязательным является указание на УДК, грант или госзадание. Обязательно указание на шифр и название специальности, по которой идет статья.
5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru
 - а) все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
 - б) до рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75%. Цитаты занимают не более 20 процентов текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 процентов текста в форме пересказа со ссылкой на источник).
 - в) автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящихся на рассмотрении в других изданиях.

г) статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации рукописи. При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т. е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 № 2124–1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been published before. Not earlier than one year after the publication of an article in our journal, the author may publish this text or its fragments in other publications.

The article should have scientific novelty, reflect the main results of the author's research, correspond to the general direction of the journal and be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article may contain (if necessary) a minimum of tables, formulas and graphic dependencies. The article must be completed with a conclusion (conclusions). All abbreviations and scientific terms should be disclosed. Do not abuse Internet sources. When using them, it is necessary to give references in accordance with the rules for designing the bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word editor, the font is Times New Roman, the point size is 14, the spacing is 1.5.
2. The length of the article is from 20,000 to 40,000 characters, including spaces.
3. The list of literature is located at the end of the article in alphabetical order, bibliographic descriptions in the list are drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article are given in square brackets. The number of sources in the bibliographic list is not less than 8 and not more than 30. References are not required.
4. Attached to the article:
 - a) abstract (100–250 words) in Russian and English, as well as key words to the article in Russian and English (8–12 words);
 - b) information about the author in the following order – the full name of the author (authors), academic degree, academic title, position, place of study or work (in the nominative case), city, country. All data are duplicated in English. Separately, a contact phone number is indicated, and an e-mail address is required;
 - c) mandatory is an indication of the UDC, grant or state task. It is obligatory to indicate the code and the name of the specialty in which the article goes.
5. **Articles are accepted in the electronic version on the e-mail of the editors: vestnik-mguki@mail.ru**
 - a) all articles are double-blind peer-reviewed and published free of charge. The editorial board reserves the right to select materials, as well as the ability to make changes to the title and text of the article in agreement with the author. The position of the editors may not coincide with the point of view of the authors;
 - b) prior to reviewing, the originality of the article is checked in the Anti-Plagiarism system. The journal accepts articles with a degree of originality of the text of at least 75%. Quotations take up no more than 20 percent of the text. Self-quoting is limited to the necessary minimum (no more than 10 percent of the text in the form of a paraphrase with a link to the source);

- c) The author is responsible for the accuracy of reproduction of names, quotations, formulas. The author must inform the editorial board of the journal about all his works and the works of his co-authors, which intersect in subject matter with the article submitted to the editorial office and are under consideration in other publications;
- d) An article, after its approval by the editorial board of the journal, can be prepared for publication up to six months. The contract form is sent to the author after the editorial board decides to publish the manuscript. When presenting the main results of his research, the author must be in the legal field, i. e. its publication should not in any way violate the Law of the Russian Federation of December 27, 1991 № 2124–1 (as amended on April 18, 2018) “On the Mass Media”.